ЛЮДИ СѢВЕРНАГО МОРЯ.

Разсказы о Доггеръ-Банкѣ, Вальтера Вуда.

(Переводъ съ англійскаго Холли).

Доггеръ-Банка, изобилующая рыбой мель въ Сѣверномъ морѣ, пріобрѣла особенно громкую извѣстность послѣ печальнаго случая въ ночь на 9-ое октября 1904 года, когда рыбаки, занимавшіеся тамъ своимъ промысломъ, были обстрѣлены судами эскадры адмирала Рожественскаго.

Разсказы Вальтера Вуда даютъ живую характеристику быта этихъ рыбаковъ и самаго промысла ихъ, ярко живописуютъ опасности, которымъ этотъ промыселъ сопровождается, и въ цѣлой галереѣ жизненныхъ типовъ знакомятъ читателя съ беззавѣтно-смѣлыми, грубоватыми, добродушными, но далеко не безукоризненно нравственными мореходами Доггеръ-Банки.

Ничѣмъ не прикрашенная правдивость описаній и занимательность описанныхъ приключеній придаютъ разсказамъ Вальтера Вуда особенный интересъ, усиленный еще тѣмъ, что авторъ описывалъ то, что самъ переживалъ, такъ какъ онъ неразъ ходилъ на Доггеръ-Банку на простомъ рыбачьемъ парусномъ суднѣ и на мѣстѣ наблюдалъ бытъ тамошнихъ моряковъ-рыболововъ.

I.

Какъ шкиперъ „Вангарда" искупилъ свои грѣхи.

— Юнга,—крикнулъ шкиперъ «Вангарда»,—подай нѣсколько кружекъ чая, сыра, сухарей, и баранину свари, и пуддингъ вскипяти! И смотри, не забудь дрожжей въ тѣсто подмѣшать, а то опять ихъ сверху положишь, какъ въ прошлый разъ. Да булки испеки, да каюту подмети, какъ слѣдуетъ, ты, лѣнивый чертенокъ; да поторапливайся, если не хочешь попробовать веревки, а не то я тебя багромъ подгоню! Но прежде всего принеси мнѣ сюда клеенчатый плащъ и треухъ; дождя нынче будетъ столько, что насъ чисто потопитъ, а вѣтромъ всѣ паруса пооборветъ.

Дрожащій мальчикъ-юнга,—онъ же «кокъ» или поваръ, онъ же общій слуга, на всѣ руки,—нырнулъ внизъ, затѣмъ сейчасъ же вскарабкался наверхъ по желѣзной лѣстницѣ, вынырнулъ на палубу изъ дыры, которая замѣняла люкъ, и принесъ хозяину его желтый клеенчатый плащъ

и треухъ. Рваныя панталоны и миткалевая рубаха служили плохой защитой мальчику отъ холоднаго восточнаго вѣтра. Шкиперъ, сидѣвшій у борта, привѣтствовалъ его шутливымъ пинкомъ въ спину, отчего юнга ткнулся головой въ животъ помощника, стоявшаго у руля. Помощникъ въ свою очередь далъ ему здороваго пинка ногой, отбросивъ его къ люку, и грубо освѣдомился, почему это мальчишкѣ вздумалось цѣловаться съ его жилеткой? Юнга заворчалъ, какъ побитая собаченка, и когда помощникъ пустилъ ему въ голову доскою отъ разбитаго ящика, онъ спрыгнулъ въ каюту, позабывъ о лѣстницѣ.

— Еслибъ я такъ огрызался, когда былъ молодъ, такъ съ меня бы съ живого шкуру содрали,—замѣтилъ шкиперъ.—Вотъ оно что значитъ набивать голову ребятамъ всякимъ школьнымъ ученіемъ. Ученіе, можетъ и помогаетъ разбирать названія кораблей, но врядъ ли поможетъ рыбачить.

«Вангардъ» направлялся домой послѣ двухмѣсячнаго лова съ Синисъ флотомъ, на недѣльный отдыхъ, и въ ожиданіи обычнаго періодически повторявшагося разгула на берегу шкиперъ находился въ веселомъ настроеніи духа. Онъ былъ кривъ на одинъ глазъ, но, приближаясь къ порту, онъ намѣревался вставить второй стеклянный, который, впрочемъ, носилъ только въ торжественныхъ случаяхъ, когда дѣлалъ визиты или во время флотскихъ праздниковъ.

Онъ намѣревался также возобновить знакомство съ мыломъ и водой, въ первый разъ послѣ своего отплытія изъ порта, такъ чтобы вступить на берегъ въ совершенно благообразномъ видѣ.

Удовольствіе свое онъ выразилъ тѣмъ, что затянулъ сиплымъ голосомъ пѣсню, отбивая тактъ почернѣвшей глиняной трубкой съ обгрызаннымъ мундштукомъ.

Ну, разомъ, якорь подымай!
«Вангардъ» нашъ поплыветъ.
Но насъ опять въ родимый край
Обратный вѣтръ вернетъ.

* * *

Тогда за чаркой пѣснь споемъ!
Пускай реветъ прибой...
Не страшенъ бури свистъ и громъ,
Когда придешь домой.

— Теперь вступаетъ хоръ,—скомандовалъ шкиперъ и снова запѣлъ пѣсню сначала.

Помощникъ охотно подтягивалъ, но въ виду полнаго отсутствія голоса подтягивалъ говоркомъ на хриплыхъ басистыхъ нотахъ.

— Во всемъ Сѣверномъ морѣ одно только судно и есть, о которомъ пѣсню сложили, и это судно нашъ «Вангардъ»,—съ гордостью замѣтилъ шкиперъ.

— Вѣдь это тотъ газетчикъ въ очкахъ сложилъ ее, который съ нами ходилъ въ послѣдній разъ?—спросилъ помощникъ.

— Онъ самый,—отвѣтилъ шкиперъ.—Мастеръ, нечего и говорить, такую штуку выдумалъ, «Вангарда» въ пѣсню втиснулъ, словно аллилуя въ церковный гимнъ.

Шкиперъ взялъ трубку въ ротъ, повернувъ ее отверстіемъ книзу и, стиснувъ мундштукъ зубами, ожидалъ отвѣта помощника, который, повидимому, что-то обдумывалъ.

— Пѣсни-то онъ умѣетъ складывать,—замѣтилъ помощникъ послѣ нѣкотораго молчанія,—а вотъ рыбачье судно пришлось ему не по вкусу. Онъ говорилъ мнѣ, что побывалъ во всѣхъ океанахъ, всякія бури видѣлъ и все ему было нипочемъ, а тутъ въ первый же день легкій вѣтерокъ и тотъ ему все нутро вывернулъ. Онъ ночью тогда мнѣ сказалъ, когда лежалъ наверху, завернувшись въ парусъ, потому что не могъ спать въ каютѣ отъ блохъ и другого вздора, что всю жизнь будетъ помнить рыбацкія суда на Доггеръ-Банкѣ. А когда я переправилъ его вмѣстѣ съ его чемоданомъ на пароходъ, который шелъ въ Билинсгэтъ, онъ мнѣ сказалъ, что съ берега прелесть моря ему будетъ много понятнѣе, чѣмъ съ рыбацкаго судна.

— Онъ пѣсню сложилъ дома, у себя въ постели,—объяснилъ шкиперъ.—Такъ, по крайней мѣрѣ, было написано въ письмѣ, которое онъ мнѣ прислалъ. Докторъ на миссіонерскомъ пароходѣ читалъ его мнѣ. И Богъ мой, и хохоталъ же докторъ, когда я ему разсказывалъ, какъ удивился газетчикъ, увидѣвъ, что у насъ въ каютѣ нѣтъ ни ложекъ, ни вилокъ и что столъ у насъ безъ скатерти! А всетаки мастеръ онъ былъ своего дѣла и здоровъ тоже бестія, крѣпкій. Помните, какъ онъ по утрамъ окачивался на палубѣ въ этотъ чертовскій холодъ, выливалъ на себя по полъ-дюжинѣ ведеръ морской воды, а? Меня тогда дрожь пробирала, на него глядя.

— Да,—подтвердилъ помощникъ,—онъ былъ здоровякъ и смѣльчакъ тоже, да и тароватый. Помните, какъ онъ намъ съ миссіонерскаго парохода восемь фунтовъ табаку привезъ? У меня и по сейчасъ еще табакъ этотъ цѣлъ.

— Оно, пожалуй, выгодно было бы каждый разъ съ собой такого молодца брать,—замѣтилъ шкиперъ послѣ нѣкотораго раздумья.—И барышъ есть, и умъ развивается. Видите ли, онъ узналъ, какъ рыба ловится, а я узналъ, что новости не сами собой съ улицы въ печать попадаютъ, какъ я прежде думалъ.

— Не взять ли намъ парочку рифовъ, не убавить ли парусовъ?—освѣдомился помощникъ, съ тревогой поглядывая на потемнѣвшее небо.—Свѣжѣетъ. Скоро задуетъ здоровый нордъ-остъ.

— Къ чорту рифы! Пусть дьяволъ убавляетъ паруса, если хочетъ, а я не стану,—отвѣтилъ шкиперъ. Онъ всталъ, нахлобучилъ треухъ и облачился въ клеенчатый плащъ, такъ какъ пошелъ сильный дождь.—Я и шкиперъ, и владѣлецъ «Вангарда», и если паруса снесетъ, тѣмъ лучше для парусныхъ фабрикантовъ. Что до убытковъ, такъ мнѣ наплевать, а что до жены, семьи и родныхъ, такъ мнѣ тоже наплевать: у меня никого нѣтъ. Если паруса снесетъ, никто не поплатится, кромѣ меня.—Шкиперъ пріосанился съ горделивостью собственника-капиталиста.—А если меня снесетъ вмѣстѣ съ ними, некому и плакать будетъ. Юнга!—шкиперъ допилъ свою кружку.—Еще чаю! Только подбавь въ него побольше патоки и поменьше сала. Ты баранину-то съ картофелемъ варишь, какъ я тебѣ говорилъ, а не съ чаемъ, какъ на прошлой недѣлѣ?

— Я варю ее, какъ вы приказывали, и картофель вамъ по вкусу будетъ,—отвѣтилъ мальчикъ.

— Ладно. А булки хорошо выпечены?

Мальчикъ утвердительно кивнулъ.

— А ну-ка принеси показать, я посмотрю,—приказалъ шкиперъ и

добавилъ подозрительнымъ тономъ:—Ты такой хитрый чертенокъ, что всякаго на словахъ проведешь.

Мальчикъ быстро юркнулъ внизъ, въ кухню, и принесъ оттуда вынутую изъ печи булку; на ней ясно выдѣлялись полосы грязи, втертыя въ тѣсто со стола каюты; плохо выпеченная и вымѣшанная булка была тяжела, какъ камень, но шкиперъ остался весьма доволенъ ею и въ знакъ поощренія далъ мальчику такой здоровый подзатыльникъ, что тотъ едва удержался на ногахъ.

— Смотри, чтобы всѣ были такія же,—крикнулъ шкиперъ,—тогда получишь кусокъ къ чаю, это вѣдь будетъ немножко пожирнѣе, чѣмъ въ рабочемъ пріютѣ, откуда тебя къ намъ прислали!

Вѣтеръ все крѣпъ и холодными сильными порывами потрясалъ снасти «Вангарда». Небо было сплошь покрыто однотоннымъ сѣрымъ покровомъ, а свинцовый цвѣтъ моря разнообразился только бѣлой кипящей пѣной, появлявшейся на гребняхъ волнъ. На этомъ мрачномъ пространствѣ между небомъ и водой «Вангардъ» быстро подвигался впередъ, то погружаясь въ воду, такъ что его бугшпритъ скрывался подъ водой, и вода заливала палубу, то корпусъ судна высоко поднимался надъ волной, и тогда ясно была видна симметричность линій стройнаго корабля. Рѣзкій блѣдный свѣтъ освѣщалъ его до малѣйшихъ подробностей, отчетливо выдѣляя фигуры стоявшихъ на палубѣ.

— Насъ ожидаетъ скверная ночь,—рѣшилъ шкиперъ,—дѣло дрянь; пока солнце встанетъ, не обойдется безъ чьей-нибудь гибели. Но если бы вѣтеръ еще усилился разъ въ шесть, и то я держалъ бы поднятыми всѣ паруса. Такой вѣтеръ слишкомъ полезенъ, чтобы его пропустить зря. Если будемъ идти все время такимъ ходомъ, какъ теперь, то мы будемъ въ безопасности у пристани Св. Николая завтра въ полдень. Ну, сейчасъ я пойду внизъ поѣсть, а затѣмъ вы можете послѣдовать за мной. Когда я сойду, то попробую поднять этихъ сонныхъ болвановъ.

Сильный порывъ вѣтра потрясъ «Вангардъ» въ ту минуту, какъ шкиперъ занесъ ногу на ступеньку лѣстницы; судно погрузилось въ воду до самыхъ иллюминаторовъ, но шпатъ, снасти и паруса прекрасно выдержали напоръ.

— А что, не говорилъ я, что приближается?—сказалъ шкиперъ, гордясь тѣмъ, что его предсказаніе такъ скоро исполнилось.—Ого! Этимъ насъ не испугаешь; другое судно никогда бы не выдержало такой бури, но «Вангардъ» ничего не боится. Слушайте: я пришлю вамъ на помощь Жозефа, онъ вамъ пригодится у руля.

Съ этими словами онъ спустился внизъ и направился прямо къ тому мѣсту въ каютѣ, гдѣ у печи лежала команда, растянувшись на полу. Закутавшись въ плащи, они улеглись, какъ только «Вангардъ» вышелъ отъ Доггеръ-Банки, и теперь храпѣли во всю, не тревожась бѣшенымъ ходомъ судна, которое неслось, какъ на крыльяхъ, подъ вліяніемъ налетѣвшаго шторма. Шкиперъ безцеремонно толкнулъ ногой ближайшаго изъ спавшихъ. Лицо послѣдняго освѣщалось отблескомъ догоравшаго огня и тусклымъ золотомъ отливали его свѣтлыя кудри. Онъ крѣпко спалъ, заложивъ лѣвую руку подъ голову, но при первомъ толчкѣ шкипера проснулся.

— Есть, шкиперъ,—отвѣтилъ онъ, приподнимаясь съ пола и сладко зѣвая.—Сію минуту иду на палубу, я чувствую себя неважно. Скоро ли обѣдъ будетъ готовъ? Вѣдь мы съ завтрака ничего не ѣли.

— Чортъ возьми, только и знаютъ что думаютъ о томъ, какъ бы набить брюхо!—сказалъ шкиперъ, обращаясь въ пространство, къ воображаемому слушателю.

— Такъ вѣдь съ самаго утра, какъ позавтракали, шкиперъ, во рту крохи не было, а времени прошло немало. Обѣдъ отложили, потому что готовились въ обратный путь, домой... А теперь, вѣрно, около трехъ часовъ?

— Тѣмъ лучше,—отвѣтилъ шкиперъ.—Чѣмъ позже будете обѣдать, тѣмъ это будетъ моднѣе. Богатые бары всегда поздно обѣдаютъ; говорятъ, что королева не получаетъ своего обѣда раньше того, какъ соберется спать, такъ что, когда мнѣ приходится обѣдать на слѣдующій день, я очень радъ, я знаю тогда, что живу, какъ большой баринъ. Ну, маршъ на палубу!

Шкиперъ былъ расположенъ пообѣдать съ комфортомъ. Поэтому онъ крикнулъ юнгѣ захлопнуть люкъ, что тотъ поспѣшилъ исполнить. Послѣ этого шкиперъ снялъ свой клеенчатый плащъ и приказалъ мальчику вытереть полъ передъ печкой, усѣлся у огня и вынулъ изъ кармана перочинный ножикъ. Замѣняя пальцами вилку, онъ принялся уничтожать вареный картофель и баранину, доставая ихъ изъ желѣзной кастрюльки, помѣщавшейся у него между колѣнъ.

Шкиперъ не только былъ доволенъ, но находилъ, что онъ устроился даже роскошно. Еще бы! Огонь въ печкѣ уютно потрескивалъ, люкъ былъ плотно закрытъ, а маленькая керосиновая лампочка, качавшаяся надъ его головой, освѣщала его своимъ слабымъ свѣтомъ. Передъ нимъ стояла кружка чая, а въ печи пеклась для него булка.

— Это,—разсуждалъ шкиперъ, мѣшая чай ручкой ножа,—это я называю роскошью, удобствомъ. Снаружи вѣтеръ, вода плескается вокругъ, заливаетъ палубу, стремится все залить; люкъ на замкѣ и лампа сіяетъ въ темнотѣ, какъ... какъ я ужъ не знаю, какъ что! Эй,—окликнулъ онъ вдругъ мальчика, который до тѣхъ поръ сидѣлъ и, не спуская глазъ съ начальства, съ чувствомъ удовлетвореннаго самолюбія наслаждался лицезрѣніемъ жующаго хозяина,—ты не знаешь такой пѣсни, гдѣ бы говорилось о маякѣ?

Мальчикъ быстро процитировалъ:

Зажигай огонь скорѣе,
Пусть онъ свѣтитъ надъ волной;
Моряка, Богъ дастъ, спасемъ мы,
Что ведетъ съ волнами бой.

— Ага! — замѣтилъ шкиперъ, втыкая кончикъ ножа въ картофелину.—Тотъ былъ умный человѣкъ, кто это написалъ. Когда слушаешь, то чувствуешь, какъ это хорошо сидѣть у печки и пользоваться всѣмъ комфортомъ, который можешь имѣть. Да, страшно подумать о несчастныхъ людяхъ, терпящихъ кораблекрушеніе. Каково имъ плескаться въ холодномъ морѣ? Ты долженъ быть благодаренъ за то, что сейчасъ тебѣ такъ хорошо и уютно. А? Тебѣ вѣдь лучше здѣсь, чѣмъ въ пріютѣ?

— Понятно,—не задумываясь отвѣтилъ мальчикъ.

— А не убѣжишь къ нимъ обратно, какъ только причалимъ?

— Какъ бы не такъ!—сказалъ юнга.—Я ужъ достаточно натерпѣлся отъ подзатыльниковъ и отъ красноносыхъ наставниковъ. Особенно одинъ изъ нихъ всегда меня таскалъ напоказъ посѣтителямъ, чтобы похва-

статься, какъ они воспитываютъ дикихъ оборванцевъ въ пріютѣ. Это былъ самый отвратительный изо всѣхъ. Онъ сказалъ какимъ-то барынямъ: «Эта система укрощаетъ ихъ; неправда ли, мой маленькій дружокъ?». А я ненавижу, когда меня такъ разглядываютъ, поэтому въ отвѣтъ на его слова я его здорово лягнулъ въ бокъ.

— Такъ за это они тебя и прислали ко мнѣ?—полюбопытствовалъ шкиперъ.

— Да,—подтвердилъ мальчикъ.—Они сказали мнѣ, что отошлютъ меня къ шкиперу, который или переломитъ мнѣ спину, или заставитъ меня слушаться.

— А,—протянулъ шкиперъ, отпивая чая изъ кружки,—они такъ и сказали?

— Да, а красный носъ такъ тотъ сказалъ, что онъ надѣется, что при первомъ штормѣ меня и тому подобную дрянь снесетъ въ море.

— Истинный христіанинъ этотъ учитель, — равнодушно замѣтилъ шкиперъ.—Хорошо бы ему нынѣшнюю ночку съ нами вотъ здѣсь пробыть! Это бы ему выбило изъ головы всякія такія мысли. Такъ, значитъ, ваши учителя считали меня дрянью?

— Красный носъ называлъ васъ самымъ жестокимъ человѣкомъ на свѣтѣ,—чистосердечно сказалъ мальчикъ,—онъ говорилъ, что вы немало воришекъ заколотили до смерти.

— Въ такомъ случаѣ красный носъ лгунъ!—возразилъ шкиперъ, начиная раздражаться.—Я поступалъ такъ, какъ поступилъ бы на моемъ мѣстѣ любой шкиперъ, поэтому этого нельзя назвать скверными поступками. Къ тому же это только послужило на пользу дряннымъ воришкамъ, которые ничего не понимали и не хотѣли слушаться. Вотъ тебѣ вѣдь я ничего же не сдѣлалъ дурного?

— Нѣтъ. Вы были хороши ко мнѣ и обращались со мной справедливо, какъ человѣкъ съ человѣкомъ. Вы за все время дали мнѣ нѣсколько затрещинъ да одинъ разъ бросили въ меня доскою отъ ящика.

— Но зато я подарилъ тебѣ старый клеенчатый плащъ,—прервалъ мальчика шкиперъ,—я позволилъ тебѣ класть патоку въ чай, къ тому же я позволилъ тебѣ бывать на миссіонерскихъ судахъ и пѣть тамъ гимны, молиться, хотя самъ я такими пустяками не занимаюсь.

— На миссіонерскомъ суднѣ мнѣ говорили, что вы страсть какъ злы,—продолжалъ юнга, поощренный хорошимъ настроеніемъ хозяина,—что вы разъ напились пьяны въ пловучемъ кабакѣ и продали сѣти и весь приборъ съ судна для того, чтобы купить рому и водки. Потомъ еще разсказывали, что вы разъ подожгли судно, не свое, а чужое, потому что были пьяны, и потопили его...

Шкиперъ находилъ странное удовольствіе выслушивать всѣ эти подробности, которыя показывали ему, что онъ былъ когда-то человѣкомъ не безъ значенія во флотѣ: о немъ говорили, его осуждали и боялись. Въ настоящую минуту онъ думалъ о себѣ, какъ о близкомъ знакомомъ, въ дѣлахъ котораго онъ особенно заинтересованъ.

— Теперь я измѣнился,—сказалъ онъ наконецъ.—Я сталъ вѣжливъ и добродушенъ съ тѣхъ поръ, какъ открылись миссіи. Все это вздоръ! Если бы я на самомъ дѣлѣ убивалъ ребятишекъ, то меня давно бы схватила полиція и посадила въ тюрьму. Миссіи вѣдь очень заботятся о ребятишкахъ.

— Я хочу быть шкиперомъ на миссіонерскомъ суднѣ, когда выросту,—сказалъ мальчикъ.—Я буду носить куртку съ блестящими пуговицами и нарядный картузъ, я буду возить разныхъ лэди и джентльмэновъ, ловить рыбу и буду постоянно пѣть гимны и молиться съ командой.

— Ты будешь славный, крѣпкій мальчишка,—сказалъ шкиперъ и, занявшись чаемъ, умолкъ. Затѣмъ онъ обернулся и взглянулъ на юнгу.

Послѣдній при тускломъ свѣтѣ лампы, съ босыми ногами, въ широчайшихъ панталонахъ, подвязанныхъ ремнемъ сверхъ полотняной рубахи, мало походилъ на многообѣщающаго въ будущемъ субъекта. Шкиперъ, очевидно, намѣревался продолжать разговоръ, но налетѣвшій сильный порывъ вѣтра потрясъ «Вангардъ», и юнга полетѣлъ внизъ, задѣвъ шкипера своимъ паденіемъ.

— Тише, чортъ!—загремѣлъ тотъ, какъ будто мальчикъ нарочно упалъ на него.—Съ чего это ты навалился на меня, какъ мѣшокъ? Слушай: собери вотъ этотъ картофель, что разлетѣлся по полу, это тебѣ на обѣдъ, да прежде разбуди этихъ лѣнивыхъ мошенниковъ, что храпятъ во всю мочь, пусть идутъ на палубу.

Мальчикъ немедленно исполнилъ приказаніе, и трое заспанныхъ, одѣтыхъ въ клеенку людей прошли мимо и поднялись по лѣстницѣ. Шкиперъ снова приказалъ имъ плотно закрыть люкъ и не безпокоить его.

— Теперь, — сказалъ онъ, — пока эти дурни соберутся обѣдать, я покурю и угощу себя виски, а то становится холодно.

Онъ долго курилъ и много пилъ.

Мальчикъ успѣлъ собрать валявшійся на полу картофель и поѣлъ его съ здоровымъ аппетитомъ, почитая себя счастливымъ, что кастрюлька опрокинулась, такъ какъ картофель оказался теперь обильно политымъ бараньимъ жиромъ—роскошь, которой онъ обыкновенно не зналъ.

Порывъ за порывомъ вѣтра обрушивались на «Вангардъ», но шкиперъ продолжалъ сидѣть внизу, курить и пить виски.

Юнга примостился какъ можно основательнѣе въ углу и спалъ, но не крѣпко, однимъ глазомъ.

Одинъ разъ или два люкъ открывался и въ немъ появлялось лицо помощника шкипера, все мокрое отъ дождя и соленыхъ брызговъ. Онъ вглядывался въ теплую мистическую глубь каюты и его грубый голосъ спрашивалъ:

— Не пора ли убавить парусовъ?

— Нѣтъ,—рычалъ изъ глубины шкиперъ,—ни на одинъ вершокъ.

— Паруса не выдержатъ дольше,—возражалъ помощникъ.

— Такъ пусть убираются къ чорту вмѣстѣ съ канатами. Я не двинусь отсюда, даже если судно разлетится въ щепки. Я прежде и не такіе виды видывалъ и теперь не стану пороть труса изъ-за пустяковъ, ни за что на свѣтѣ! «Вангардъ» не баржа, а я не иностранецъ! Ужь если васъ такой сильный страхъ разобралъ, то передайте руль Чарли, а сами спрячьтесь внизу.

Вмѣсто отвѣта помощникъ шкипера съ сердцемъ топнулъ ногой и скрылся.

Шкиперъ выронилъ трубку изо рта и потянулся къ бутылкѣ. Наступила ночь, но онъ не шевелился и не шелъ наверхъ на палубу, чтобы взглянуть, какъ «Вангардъ» боролся съ бурей и какъ управлялась голодная команда въ эту холодную октябрьскую ночь.

Юнга давно уже крѣпко спалъ. Приготовленная имъ баранина и картофель давно ужь стали несъѣдобными для кого бы то ни было, кромѣ служащихъ на рыбачьихъ судахъ, подобныхъ «Вангарду», а булки, оставленныя въ печи, чтобы не остыли, превратились въ уголь. Одинъ только чай не испортился, потому что ничто не могло сдѣлать его хуже того, чѣмъ онъ былъ въ минуту его приготовленія.

Громкій крикъ: «Воды!» разбудилъ наконецъ шкипера, и онъ вскочилъ на ноги въ ту минуту, какъ дверца у люка была съ силою отброшена назадъ, и помощникъ рулевого пытался удержаться за нее, въ то время какъ другіе наверху боролись съ нимъ.

Раздался оглушительный трескъ на палубѣ «Вангарда» и страшный ударъ, за которымъ послѣдовалъ плескъ воды наверху. Въ каюту хлынула вода, и «Вангардъ» качнулся всѣмъ корпусомъ назадъ; вода достигла печи, раздалось легкое шипѣнье, и огонь погасъ.

Помощникъ шкипера свалился въ каюту съ перебитой поясницей. Шкиперъ, теперь совершенно вытрезвившись, бросился къ нему, поднялъ его сильной рукой и посадилъ на ящикъ.

— Теперь всему конецъ,—простоналъ помощникъ,—вы были слишкомъ неосторожны и слишкомъ долго упрямились. Еще два часа тому назадъ намъ надо было убавить парусовъ. Да, я погибъ теперь, я это знаю, а у меня на берегу жена и ребенокъ.

— Накажи меня Господь, если я не позабочусь о нихъ!—крикнулъ шкиперъ, въ которомъ заговорила совѣсть.—Да вы не думайте такъ, Данъ, вы только сильно ушиблись. Эй, юнга, смотри за Даномъ, я пойду на палубу, тамъ никого нѣтъ у руля.

Онъ запахнулъ свой клеенчатый плащъ и быстро взобрался наверхъ.

На палубѣ ему бросилось въ глаза, что одна изъ мачтъ обломалась и виситъ за бортомъ вмѣстѣ съ парусами и обрывками канатовъ и, что главный парусъ сорванъ и хлопаетъ, развѣваемый вѣтромъ, какъ громадный флагъ.

— Чарли, Артуръ! Джозефъ!—громко крикнулъ онъ.

Никто не отозвался. Всѣ они были смыты за бортъ тяжелой волной, которая разбила помощника шкипера и сломала мачту. Шкиперъ зналъ лучше чѣмъ кто бы то ни было, что невозможно было спасти ихъ. Если даже они остались живы, то, завернутые въ клеенчатые плащи съ тяжелыми, громадными сапогами, они не могли держаться на водѣ и должны были потонуть.

Шкиперъ былъ человѣкъ необыкновенной силы и большой рѣшимости. Эти качества еще возросли при видѣ угрожающей имъ неминуемой опасности. Онъ бросился къ рулю и могучимъ усиліемъ привкрутилъ его такъ, что «Вангардъ» понесся по вѣтру.

Затѣмъ онъ крикнулъ юнгѣ, чтобы тотъ подалъ ему топоръ, и съ помощью его принялся расчищать обломки и другіе слѣды разрушенія. Покончивъ съ этимъ, онъ взялся за руль и, напрягая всѣ силы, исполнялъ одинъ работу цѣлой команды.

Взошла луна и освѣтила дикое, угрюмое небо и изувѣченный «Вангардъ», который продолжалъ носиться по волѣ вѣтра точно корабль-привидѣніе, мрачный, безъ огней, безъ признака жизни на немъ. Послѣдняя горѣвшая тусклымъ огнемъ лампа погасла за неимѣніемъ керосина, а огонь въ печкѣ давно уже былъ залитъ водой.

Въ конурѣ, называвшейся каютой, теперь до половины залитой водой, дрожалъ юнга, со страхомъ поддерживая порученнаго его заботамъ помощника шкипера, удивляясь, что послѣдній лежитъ безъ движенія и не дѣлаетъ ни малѣйшаго усилія, чтобы спастись. Наконецъ послѣднія силы оставили мальчика. Отъ сильнаго толчка они оба упали внизъ, и вода на мгновеніе покрыла ихъ. Блѣдный лучъ луны проникъ въ открытый люкъ и освѣтилъ безжизненное лицо помощника шкипера. Невыразимый ужасъ охватилъ мальчика, и онъ бросился наверхъ на палубу, гдѣ уцѣпился за обломокъ мачты.

— Что съ Даномъ?—крикнулъ ему шкиперъ.

— Умеръ,—отвѣтилъ мальчикъ.—Его убило, а теперь онъ утонулъ.

— Иди внизъ, а то тебя снесетъ здѣсь.

Вотъ все, что отвѣтилъ шкиперъ на слова мальчика.

— Я лучше останусь здѣсь,—дрожа всѣмъ тѣломъ, произнесъ мальчикъ.—Я боюсь оставаться тамъ наединѣ съ н и м ъ.

— Тогда принеси свой плащъ и возьми для себя во что одѣться изъ моего ящика, а то ты здѣсь замерзнешь.

— Я... охотнѣе замерзну, шкиперъ...

— Пойди сейчасъ и одѣнься,—приказалъ ему шкиперъ твердо, но ласково.—Бояться нечего. Я недалеко, да и Данъ не укуситъ тебя.

Нехотя послушался мальчикъ, несмѣло спускаясь внизъ. Тамъ онъ быстро надѣлъ свой клеенчатый плащъ и досталъ теплую куртку изъ шкиперскаго ящика.

— Надѣнь сперва куртку и привяжи себя къ мачтѣ, вотъ такъ! И мы оба благополучно дойдемъ до входа въ Ярмутъ, тогда, можно сказать, опасность будетъ далеко. Я видывалъ случаи еще похуже этого. Въ морѣ и не то бываетъ.

Мальчикъ молча послушался, и вскорѣ онъ былъ крѣпко привязанъ къ мачтѣ, одѣтъ въ куртку, доходившую до колѣнъ, и завернутъ въ старый клеенчатый плащъ. Ноги его были попрежнему босы, но ему не было холодно. Усталый и сонный, онъ не замедлилъ уснуть, и шкиперъ одинъ несъ всю службу на суднѣ.

И такъ всю ночь «Вангардъ», какъ гигантское пугало несся по вѣтру, шкиперъ въ постоянной борьбѣ у руля и спокойно спящій мальчикъ, не чувствовавшій ни качки, ни зловѣщаго треска судна.

Какъ только стало разсвѣтать, шкиперъ внимательно оглядѣлъ горизонтъ въ надеждѣ увидать берегъ. Но ясная даль замѣнилась густымъ туманнымъ покровомъ, который молочной непроницаемой завѣсой повисъ въ воздухѣ. Вблизи видны были лишь пѣнистыя волны. По временамъ гулъ вѣтра и плескъ волнъ прорѣзывали рѣзкіе свистки пароходовъ, и одинъ разъ онъ чуть не столкнулся съ тяжелымъ угольщикомъ, плывшимъ на сѣверъ. Еще секунда, и судно врѣзалось бы въ «Вангардъ», но случайно его отклонило въ сторону, и угольщикъ проскочилъ влѣво и исчезъ въ туманѣ.

Насколько могъ шкиперъ догадаться, они были теперь у Норфолькскаго побережья. Будь ясный день несмотря на аваріи «Вангарда», шкиперъ былъ бы спокоенъ. Силы его не убывали, и онъ попрежнему управлялъ рулемъ. Но усиливающійся туманъ угрожалъ ему больше, чѣмъ самая сильная буря, такъ какъ онъ не могъ предпринять ничего и слѣпо долженъ былъ придерживаться курса и искусно маневрировать по вѣтру.

Волна за волной обливала «Вангардъ» и заливали его каюту. Люкъ былъ теперь на одномъ уровнѣ съ палубой, рыболовная снасть была снесена въ море, также какъ и часть фальшъ-борта. Одинъ только трюмъ, наполненный пустыми ящиками изъ-подъ рыбы, держалъ судно на водѣ. Каждый разъ, какъ только «Вангардъ» наклонялся, шкиперъ думалъ, что разбитое судно не выдержитъ; при каждомъ размахѣ раздавался трескъ, и шкиперу казалось, что балластъ ударяетъ въ палубу. Но рѣшеніе его было непоколебимо. Въ своемъ грубомъ, неразвитомъ воображеніи онъ сравнивалъ себя съ борцомъ, сражавшимся съ могучими силами, съ пигмеемъ въ борьбѣ съ гигантами. Растерзанный обломокъ дерева дерзалъ сражаться съ голодными водами неумолимаго Сѣвернаго моря. Свирѣпая радость побѣды наполняла его въ ту минуту, когда гибель подкрадывалась къ нему. Но громче всего въ немъ говорило желаніе спасти того мальчика, который въ эту страшную ночь спалъ около него на палубѣ, по временамъ окатываемый съ головы до ногъ разъяренной волной. Шкиперъ смутно чувствовалъ, что онъ виноватъ во всемъ, онъ согрѣшилъ и долженъ искупить свою вину, и что первымъ шагомъ къ этому было спасеніе мальчика, а затѣмъ раздача его имущества вдовамъ тѣхъ несчастныхъ, которые пострадали изъ-за его упрямства. О послѣднемъ онъ позаботится, когда приведетъ «Вангардъ» въ защищенную отъ вѣтра гавань.

Въ эту минуту судно внезапно отскочило въ сторону. За этимъ скачкомъ послѣдовалъ оглушительный трескъ: «Вангардъ» былъ уничтоженъ. Его корма и носъ, выдержавшіе отчаянную бурю, были теперь расшиблены, а фокъ-мачта, на которой развѣвались оборванныя полосы холста, съ глухимъ стукомъ повалилась на палубу.

«Вангардъ» или, вѣрнѣе, остатки «Вангарда» очутились на мели у Кросби-Сандъ, и волны одна за другой перекатывались черезъ него.

Шкиперъ былъ отброшенъ силою толчка и лежалъ ничкомъ на палубѣ, оглушенный ударомъ. Когда онъ пришелъ въ себя, то увидѣлъ, что юнга проснулся, разбуженный при паденіи страшнымъ трескомъ.

Судно было устойчивѣе теперь и, зарывшись глубоко въ песокъ, оно почти стояло на килѣ. Сильная волна выбросила корму на мель, и долго приходилось бороться разъяреннымъ волнамъ, пока онѣ добирались до нея.

Штормъ не былъ страшенъ «Вангарду» теперь, и пока плотно сколоченный деревянный остовъ судна будетъ держаться, можно было свободно вздохнуть.

Попрежнему настойчивый и неустрашимый, шкиперъ принялся немедленно за работу, чтобы спасти мальчика.

Шкиперъ спустился внизъ, ощупью добрался до своего ящика и вытащилъ оттуда нераскупоренную бутылку водки, отбилъ горлышко и отхлебнулъ порядочную порцію. Затѣмъ онъ вернулся на палубу, влилъ нѣсколько капель въ ротъ мальчика и натеръ ему водкой руки и лицо.

— Эй, братъ, подтянись,—крикнулъ онъ,—туманъ разсѣивается, и насъ замѣтятъ съ берега.

Пришедшій въ себя мальчикъ, отвѣтилъ:

— Они уже замѣтили насъ,—и указалъ вдаль.

Туманъ дѣйствительно разсѣялся, и шкиперъ увидѣлъ, что на берегу снаряжали спасательную лодку. Вѣтеръ также стихалъ.

— Туманъ проясняется, вѣтеръ стихаетъ,—ободряюще замѣтилъ шкиперъ,—ну, малышъ, мы еще поживемъ съ тобой и «Вангардъ» спасемъ. Спасательная лодка насъ сниметъ, а завтра мы пошлемъ буксиръ за «Вангардомъ».

— Я замерзъ, шкиперъ, развяжите меня,—отвѣтилъ мальчикъ.

Шкиперъ развязалъ его. Мальчикъ повалился на палубу, онъ не могъ стоять на ногахъ.

— О, Господи,—воскликнулъ шкиперъ,—онъ совсѣмъ, какъ туша новозеландской баранины, надо его хорошенько растереть.

И шкиперъ сталъ растирать и мять мальчика, стараясь согрѣть его. Затѣмъ онъ самъ опустился на палубу, сѣлъ, обнялъ мальчика одной рукой, притянулъ его къ себѣ, а другой держался за обломокъ мачты. Мальчикъ опять впалъ въ забытье и какъ будто заснулъ.

Борясь съ волнами, подходила спасательная лодка къ «Вангарду». На ней гребли такіе же рыбаки, какъ и тѣ, которыхъ они спѣшили спасти; они знали, что случилось съ «Вангардомъ» и какую ночь пришлось провести его командѣ.

Лодка подошла такъ близко, насколько это было возможно, избѣгая опасной мели, на которой завязъ «Вангардъ».

— Эй-эй-ого-го!—крикнулъ рулевой, вставъ во весь ростъ, причемъ за ноги его держали товарищи.—Лови конецъ и давай-ка сюда къ намъ одного изъ васъ, мы его притянемъ, а потомъ бросимъ конецъ другому.

Привычной рукой онъ бросилъ свернутую веревку на палубу «Вангарда». Шкиперъ поймалъ ее.

— Скорѣе,—кричалъ рулевой,—а то васъ сейчасъ на щепки разнесетъ. Какъ называется судно? «Вангардъ», что ли? Трудно разобрать.

— Да!—крикнулъ въ отвѣтъ шкиперъ.—Тащите, когда я крикну: готово.—Онъ обвязалъ мальчика веревкой.—Когда я скажу разъ, прыгай въ воду, они тебя сейчасъ же вытащатъ, а потомъ пришлютъ за мной.

— Есть, шкиперъ, я не боюсь.

— Скорѣй!—кричалъ рулевой.—Идетъ громадный валъ.

— Готово,—отвѣтилъ шкиперъ.—Разъ!—крикнулъ онъ мальчику и толкнулъ его за бортъ.

А гребцы на спасательной лодкѣ протащили его по пѣнящимся волнамъ, и рулевой подхватилъ его и вытащилъ изъ воды почти бездыханнаго и опустилъ на дно лодки.

Шкиперъ смотрѣлъ вдаль. Громадной стѣной надвигался валъ, словно безпощадный врагъ шелъ на послѣдній приступъ.

Слишкомъ много такихъ могильныхъ холмовъ въ морѣ видѣлъ шкиперъ, чтобъ обмануться насчетъ смертоносной силы этой громадной волны. Онъ всталъ, вытянувшись во весь свой ростъ, величественный на своемъ послѣднемъ посту, и крѣпко обхватилъ обломокъ мачты.

— Скажите имъ, на берегу,—крикнулъ онъ,—чтобы страховую премію отдали вдовамъ, а десять фунтовъ въ банкѣ—мальчишкѣ.

На лодкѣ его услышали, но значеніе его словъ они поняли только впослѣдствіи.

— Мы васъ еще снимемъ, когда пройдетъ волна!—крикнулъ въ отвѣтъ рулевой, поворачивая лодку на перерѣзъ волнѣ.

Лодка поднялась почти вертикально, взбираясь на водяную гору, затѣмъ ухнула внизъ съ другой стороны и зарылась въ цѣломъ облакѣ пѣны.

Никто не видалъ, какъ шкиперъ махнулъ на прощанье рукой, никто не слыхалъ его послѣднихъ словъ:

— Я много грѣшилъ, но теперь мнѣ не страшно. Я заплатилъ за все. Не думайте обо мнѣ, позаботьтесь о вдовахъ и о мальчишкѣ.

Валъ надвинулся, налегъ всей своей тяжестью на корму «Вангарда» и раздавилъ судно.

Балки разсѣлись, палубу снесло волной и вмѣстѣ съ ней шкипера и унесло его въ глубину.

Когда валъ покатился дальше, гребцы на спасательной лодкѣ обернулись въ сторону потерпѣвшаго крушеніе судна и, понявъ, что случилось, они налегли на весла, и спасательная лодка, переправившись черезъ баръ у входа въ гавань, вошла въ тихія воды.

II.

Спасенные противъ воли.

«Кавалеръ», рыбачье судно вмѣстимостью въ 80 тоннъ, неслось подъ напоромъ сѣверо-восточнаго вѣтра, захватившаго его въ концѣ Доггеръ-Банки. Съ мачтъ развѣвались съ зловѣщимъ хлопаньемъ обрывки парусовъ, а реи перекачивались съ одной стороны на другую и такъ подозрительно скрипѣли и трещали, что, казалось, ихъ немедленно сорветъ и унесетъ въ море. Буря неожиданно налетѣла среди ночи и порвала паруса, прежде чѣмъ успѣли ихъ убрать, и теперь несла «Кавалера» домой послѣ восьминедѣльнаго рейса съ рыбацкой флотиліей. Громадныя волны перекатывались черезъ палубу, очиствъ ее отъ полусотни заготовленныхъ ящиковъ съ рыбой, которые только-что собирались перегрузить на пароходы для доставки на рынокъ, а чтобы не оставить своей работы незаконченною, волны захватили по пути и всю рыбацкую снасть, и теперь громадная сѣть, которою съ «Кавалера» ловили рыбу, бездѣятельно покоилась въ морской глубинѣ на той самой песчаной банкѣ, которую она такъ часто очищала отъ ея обитателей. Съ порванными парусами, безъ снастей и безъ рыбы, «Кавалеръ» спѣшилъ на Ярмутскій рейдъ, чтобы укрыться отъ бури.

На рулѣ стоялъ шкиперъ Денисонъ, и шелъ уже одиннадцатый часъ съ той минуты, какъ онъ, ухватившись за деревянную рукоять, велъ неустанную борьбу съ моремъ, напиравшимъ на руль.

Это была осенняя буря, и рѣжущій вѣтеръ больно хлопалъ шкипера по лицу крупой и снѣгомъ, покрывая ледянымъ налетомъ его треухъ и клеенчатый плащъ, но часъ за часомъ стоялъ Денисонъ на своемъ посту, на желѣзной рѣшеткѣ у руля и держалъ «Кавалера» подъ вѣтромъ, не упуская изъ своихъ рукъ управленія судномъ, и до сихъ поръ усталость еще не одолѣла его.

Впрочемъ, некому было бы и смѣнить шкипера, такъ какъ вся команда, до Дана, каютнаго юнги, включительно, работала у насоса, смѣняясь поочередно и еле держась на ногахъ отъ утомленія. Если Денисонъ каждую минуту готовъ былъ уступить почти непреодолимому

стремленію упасть и растянуться на палубѣ, то что же должны были чувствовать они, работавшіе у насоса и безконечное число разъ поднимавшіе и опускавшіе его рукоять, которая съ каждой минутой какъ будто становилась все тяжелѣе.

Сначала помощникъ одинъ выкачивалъ воду въ продолженіе пяти минутъ и остальные, за исключеніемъ юнги (онъ тогда еще не началъ), дѣлали то же самое. Затѣмъ пять минутъ уменьшились до четырехъ, потомъ до трехъ и до двухъ, и на двухъ минутахъ долго держались очереди потому, что матросы старались не уступать въ настойчивости своему предводителю, помощнику [illegible]шкипера. Но и онъ не выдержалъ и сталъ просить смѣны послѣ шест[illegible]тисекундной очереди, причемъ въ минуту онъ поднималъ и опускалъ рукоять ровно шестьдесятъ разъ. Два часа они проработали такъ, смѣняясь каждую минуту, и держали «Кавалера» почти чистымъ отъ воды, но теперь ужь рукоятка стала подниматься всего по сорока разъ, и шкиперъ ожидалъ, что того и гляди у очереднаго не хватитъ силъ для смѣны товарища, и всѣ матросы безнадежно и безпомощно свалятся съ ногъ, какъ это случается при непосильной работѣ. Мальчишку-юнгу, изъ сожалѣнія къ его юнымъ годамъ и не развившимся силамъ, не требовали на работу до тѣхъ поръ, пока даже его слабая помощь оказалась необходимою для спасенія «Кавалера». Тѣ двадцать секундъ, которыя онъ работалъ у насоса, давали хоть какую-нибудь передышку остальнымъ.

Шкиперъ не былъ рѣзокъ и грубъ, но онъ долженъ былъ заставлять остальныхъ работать. Добродушный, загорѣлый, съ черной бородой и крѣпкими мускулами, Денисонъ гордился своимъ судномъ, своей командой и своимъ умѣньемъ подписать свое имя и разбирать по слогамъ Библію, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ главъ, гдѣ трактовалось о генеалогіи, и за исключеніемъ нѣкоторыхъ очень трудныхъ названій городовъ и именъ пророковъ. Онъ старался думать только одно хорошее обо всѣхъ людяхъ, даже о своемъ хозяинѣ, владѣльцѣ «Кавалера», который, какъ всѣмъ извѣстно, былъ самымъ грубымъ скупердяемъ изо всѣхъ судовладѣльцевъ отъ Питергеда до Лостофта.

Будущее представлялось Денисону въ довольно мрачномъ свѣтѣ. Буря причинила на много фунтовъ убытка, хотя если бы не она, то рейсъ былъ бы изъ удачныхъ, такъ какъ во все время «Кавалеръ» ни разу не спускалъ своихъ снастей въ море безъ хорошей добычи. Но шкиперу едва ли поможетъ, что вина въ потерѣ снастей лежитъ, собственно говоря, на адмиралѣ флотиліи, который слишкомъ поздно далъ сигналъ: «выбирать снасти»; никакія извиненія не оправдаютъ его возвращенія домой безъ снастей, безъ рыбы и почти безъ парусовъ,—вѣдь его хозяинъ не страховалъ своихъ судовъ отъ аварій, а исправленія обойдутся-таки ему въ копеечку. Шкиперъ рисовалъ себѣ тяжелую картину, какъ онъ будетъ безцѣльно и тоскливо бродить по набережнымъ, оставшись безъ занятій; но надежда все еще поддерживала его, онъ вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду, вѣрилъ въ то, что хотя его участь и казалась безнадежною, но какая-нибудь случайность выручитъ его.

— Надо держаться, ребята, надо держаться до вечера, а тогда мы будемъ уже на рейдѣ!—крикнулъ онъ, напирая всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ на сопротивлявшуюся рукоять руля.—Ступай внизъ, Данъ, и завари намъ кофе. Положи его горсти двѣ въ котелокъ и прокипяти его

хорошенько, чтобы весь смакъ изъ него вытянуть. Когда будетъ готово, разлей его въ кружки и принеси сюда. Это какъ разъ то, что нужно, чтобы подбодрить насъ. Послѣ кружки крѣпкаго кофе мы поправимся и легко доберемся до гавани. Я, право, выдержу еще полсутокъ. У меня силъ еще хватитъ.

Усталые, подтянутые глаза шкипера не подтверждали этихъ словъ, въ дѣйствительности онъ еле держался на ногахъ, и его бросало изъ стороны въ сторону при каждомъ раскачиваніи судна, но бодрость духа поддерживала его, и онъ кусалъ себѣ губы до крови, чтобы побороть апатію, навѣваемую утомленіемъ. Онъ сознавалъ, что если онъ, шкиперъ, поддастся, то его команда совсѣмъ падетъ духомъ.

Насосъ стучалъ неровно, но безостановочно, рукоять руля отбила бокъ у борящагося съ нею шкипера, и «Кавалеръ» несся впередъ, зарываясь носомъ въ волны. Наконецъ явился юнга съ кружкой неприглядной бурой жидкости и поднесъ ее шкиперу. Ему это казалось райскимъ напиткомъ, и запахъ его былъ такимъ соблазнительнымъ. Онъ уже протянулъ руку за кружкой, но, замѣтивъ голодные завистливые взгляды матросовъ, онъ поборолъ соблазнъ.

— Пейте, ребята,—крикнулъ онъ, — это поддержитъ васъ, пока мальчикъ еще принесетъ, а я могу и подождать, мнѣ пить не хочется.

И работники у насоса выпили, почмокивая, и еще выпили, и еще почмокали, и только тогда, когда они напились кофе, и юнга Данъ получилъ свою долю, взялся за кружку и шкиперъ. Онъ проглотилъ горячій напитокъ, отдававшій жиромъ, и съ новой силой ухватился за руль, не давая «Кавалеру» уклоняться отъ курса.

— А вѣдь это не буря, а просто свѣжій вѣтеръ,—замѣтилъ онъ поощрительно и добавилъ:—Теперь ужъ намъ немного осталось, ребята.

— Свѣжій-то онъ свѣжій,—отвѣтилъ помощникъ, ухватившись за бортъ и всматриваясь въ показавшійся вдали берегъ,—а только любой бригъ въ щепки разобьетъ. Вонъ одинъ сидитъ на мели, на пескахъ у Газбро. Глядите!

Весь экипажъ «Кавалера», отъ шкипера до юнги Дана включительно, сталъ смотрѣть въ указанную сторону. Цѣлую минуту длилось молчаніе. Вѣроятно, одна и та же мысль мелькнула у всѣхъ ихъ о томъ, что и съ ними могло то же случиться и что и имъ не далѣе какъ сегодня же, можетъ быть, придется стоять на песчаной отмели до тѣхъ поръ, пока волны не разобьютъ ихъ судна.

— Да, это бригъ на мели,—подтвердилъ шкиперъ. И какъ будто осѣненный внезапнымъ наитіемъ, онъ крикнулъ: — Ребята, вѣдь это счастье намъ въ руки дается! Этотъ бригъ на мели поможетъ намъ покрыть наши убытки.

— Какъ такъ?—спросилъ помощникъ.—Какую можетъ онъ намъ дать пользу? Насъ еле хватаетъ, чтобы съ «Кавалеромъ» управляться.

— Можетъ!—крикнулъ опять шкиперъ.—Ребята, «Кавалеръ» его спасетъ и доставитъ въ гавань. Можетъ быть, на немъ люди есть!

Вмѣстѣ съ человѣколюбіемъ въ шкиперѣ пробудилась вся его дѣловитость; съ поразительной быстротой онъ повернулъ свое судно, управляясь съ рулемъ со свѣжими силами человѣка, только-что покинувшаго гавань, и взялъ курсъ къ тому кораблю, который заливали волны на песчаной отмели.

— Подбодритесь! Соберитесь съ силами!—ревѣлъ онъ съ своего мѣста у руля; среди грохота волнъ и рева вѣтра человѣкъ долженъ былъ обладать стальными легкими, чтобы перекричать и этотъ ревъ, и этотъ грохотъ.—Я чувствую, словно меня живой водой спрыснули, подтянитесь и вы, тогда мы этотъ бригъ въ гавань приведемъ и еще наживемъ на этомъ цѣлое состояніе.

По тому, какъ понесся доблестный «Кавалеръ» къ Газброссимъ пескамъ, можно было подумать, что въ него вселился духъ его шкипера. Обрывки его парусовъ натянулись подъ напоромъ вѣтра, и судно шло, ни на линію не уклоняясь отъ курса. Наконецъ они настолько приблизились къ бригу, что Денисонъ крикнулъ:

— Бригъ, ао!

Онъ подождалъ минуту, чтобы его голосъ донесся по волнамъ, но отвѣта не было. Тогда онъ крикнулъ вторично, но такъ какъ съ брига опять не отвѣтили, то вся команда «Кавалера» присоединилась къ своему шкиперу и вмѣстѣ съ нимъ крикнула хоромъ еще разъ:

— Бригъ, ао!..

Въ это время «Кавалеръ» поравнялся съ бригомъ и быстро несся мимо него. Подумавъ, что на бригѣ никого не было, и всею душой стремясь къ спокойной стоянкѣ на Ярмутскомъ рейдѣ, шкиперъ собирался уже продолжать путь. Но крики были услышаны, и изъ люка на бригъ наполовину выставился какой-то человѣкъ съ трясущейся головой и размахивавшій бутылкой, которою онъ указалъ на сигналъ о бѣдствіи, поднятый на одной изъ мачтъ. Потомъ онъ поднесъ бутылку ко рту и началъ пить изъ нея, когда волна залила палубу и сбросила его внизъ въ каюту.

— Убрать паруса, отдать якорь и спустить лодку,—крикнулъ шкиперъ, подводя свое судно поближе къ бригу.—На бригѣ есть люди, и мы должны ихъ спасти.

— Они всѣ пьютъ тамъ, внизу, въ каютѣ,—замѣтилъ помощникъ.—Слышите, какъ они орутъ пѣсни? Они спокойно пойдутъ ко дну, чего намъ мѣшаться?

— Какъ!—воскликнулъ шкиперъ.—Вотъ уже никогда бы не подумалъ, что вы будете труса праздновать...

— Ничего я не трушу,—отвѣтилъ помощникъ,—только лодку нашу расколотитъ въ щепки, на такой волнѣ развѣ только спасательный ботъ выдержитъ.

— Мы неразъ грузились рыбой въ такую погоду,—сказалъ шкиперъ,—и что мы дѣлали ради денегъ, то мы можемъ сдѣлать ради спасенія человѣческихъ жизней. Пойдемте, вы, я и Билль, мы спустимъ лодку и съѣздимъ на бригъ, съ подвѣтренной стороны мы на него легко взлѣземъ.

— Есть, шкиперъ, я съ вами пойду,—отвѣтилъ помощникъ,—усталъ я, какъ собака, а то не сталъ бы такъ разговаривать.

Тѣмъ временемъ шкиперъ привязалъ рукоятку руля, и якорь былъ выброшенъ за бортъ. Ржавыми лапами глубоко врѣзался онъ въ песокъ, и ржавая цѣпь подозрительно натянулась, но держала «Кавалера» крѣпко, а такъ какъ воды у него въ трюмѣ больше не было, потому что течь удалось заткнуть, то судно сравнительно легко держалось на водѣ.

Они спихнули лодку въ воду въ то время, когда подвѣтренный бортъ «Кавалера» оказался на одномъ уровнѣ съ волной; шкиперъ спрыгнулъ въ нее и, тяжело грохнувшись на скамью, схватился за весло въ то время, какъ слѣдующая волна высоко подняла судно надъ его головой. Когда «Кавалеръ» сталъ опять опускаться, спрыгнули въ лодку помощникъ и матросъ и очутились по колѣна въ наполнявшей ее водѣ.

— Ну, впередъ!—крикнулъ шкиперъ, отталкиваясь весломъ отъ «Кавалера» и выпустивъ конецъ, который онъ держалъ въ рукахъ.— Гребите къ бригу!

Всѣ трое принялись за работу: шкиперъ гребъ, обернувшись лицомъ къ носу, а остальные работали оба однимъ весломъ, обернувшись лицомъ къ кормѣ. Футъ за футомъ пробивали они себѣ путь по бушевавшему морю, среди волнъ, ослѣплявшихъ ихъ своей пѣной и брызгами, и шкиперъ, выбравъ минуту, съ концомъ каната въ зубахъ, вскарабкался на бригъ. Онъ привязалъ канатъ, и тогда, подтянувшись, вскарабкались оба его товарища, изъ которыхъ одинъ остался у борта сторожить, чтобы не разбило лодки.

— Бригъ иностранный,—замѣтилъ шкиперъ.

— Значитъ, намъ придется всю работу самимъ дѣлать,—проворчалъ помощникъ.

— Это «Санта-Марія» изъ Кадикса,—сказалъ шкиперъ, прочитавъ это названіе на одномъ изъ спасательныхъ круговъ.—Испанцы будутъ плохими помощниками. «Санта-Марія», ао!—крикнулъ онъ, наклонившись надъ люкомъ и постучавъ о стѣнку навѣса.

Въ отвѣтъ снизу раздались какіе-то крики.

— «Санта-Марія», ао! Что вы, оглохли, что ли?

Внизу снова закричали.

— Они, небось, думаютъ, что самъ чортъ за ними пришелъ,—замѣтилъ помощникъ.—Дайте мнѣ къ нимъ спуститься, я ихъ тамъ вотъ этимъ пощекочу!

Онъ схватилъ обломокъ шеста, лежавшій на палубѣ, и направился къ люку, но въ это время на лѣстницѣ показался человѣкъ въ красной шапкѣ и, пошатываясь, вышелъ на палубу.

— Я было хотѣлъ вамъ смѣлости подбавить,—объяснилъ помощникъ, съ неудовольствіемъ разставаясь со своимъ оружіемъ.

— Уходите, уходите!—икая, объявилъ человѣкъ въ красной шапкѣ, оказавшійся самимъ капитаномъ.—Уходите и оставьте насъ.

— Я бы такъ и сдѣлалъ, если бы моя воля,—отвѣтилъ помощникъ.— Мы сюда пришли, рискуя жизнью, чтобы спасти васъ, а вы насъ же и гоните. Сколько васъ тамъ внизу?

— Десять!—сказалъ капитанъ, посѣщавшій англійскіе порты и умѣвшій объясняться по-англійски.

— Десять?!—удивился подошедшій къ нимъ шкиперъ.—Неужели вы хотите сказать, что у васъ тамъ десять человѣкъ прячутся внизу, пока море разбиваетъ вашъ бригъ? Почему не поставите вы ихъ на работу и не попытаетесь сняться съ мели?

— Сняться?—переспросилъ капитанъ.—У насъ нѣтъ руля, мачты расшатаны, и мы не вытащимъ якоря, если бы и попытались.

— Можно обрубить цѣпи,—сказалъ шкиперъ,—а мачты еще выдержатъ кусокъ паруса. Что до руля, то мы привяжемъ васъ канатомъ къ

«Кавалеру», пустимъ впередъ, а сами будемъ править. Что вы на это скажете?

— Слушайте, вы!—прикрикнулъ на него помощникъ.—Мы не будемъ тутъ цѣлый день возиться съ вами, пока эту старую посудину разнесетъ. Будете вы намъ помогать?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ капитанъ,—конечно, нѣтъ, мы всѣ молимся внизу.

— Не время молиться и пьянствовать, когда надо работать,—сказалъ шкиперъ.—Прикажите вашей командѣ стянуть бригъ съ мели. Повидимому, онъ еще крѣпокъ, а до Лостофта всего часъ или два пути; съ такимъ вѣтромъ лучше всего идти именно въ Лостофтъ.

Капитанъ началъ было спорить, но Денисонъ оттолкнулъ его и самъ спустился въ каюту, гдѣ вся команда, стоя на колѣняхъ, пьяными голосами выкрикивала молитвы.

Шкиперъ Денисонъ криками и угрозами старался подѣйствовать на тѣхъ, которые казались ему потрезвѣе, и выгнать ихъ наверхъ, но они окидывали его недоумѣвающими взглядами и ничего не отвѣчали. Въ каютѣ стояла вода, и по поясъ въ водѣ они ожидали конца.

— Ахъ, чтобъ васъ черти разорвали!—прикрикнулъ Денисонъ на капитана, выбравшись на палубу.—Чего вы позволяете имъ сидѣть въ водѣ внизу и причитать по-бабьему? Пусть они, какъ мужчины, поднимутся на палубу и помогутъ сдвинуть бригъ. Мои люди съ ногъ валились отъ усталости, и мы всетаки къ вамъ пришли, а ваши прячутся внизу каютъ и орутъ, какъ зарѣзанные!

Но капитанъ былъ пьянъ, вся команда была пьяна, и шкиперъ понялъ, что отъ нихъ ничего не добьешься. Онъ подавилъ поднимавшуюся въ немъ злобу и пошелъ къ своимъ людямъ, державшимся за мачту, чтобы не свалиться за бортъ при толчкахъ, когда бригъ, поднимаемый волнами, колотился объ отмель.

— Ну ихъ къ чорту, шкиперъ!—сказалъ помощникъ.—Оставимъ ихъ, пусть тонутъ, не стоитъ ихъ спасать.

— Не будь у нихъ на родинѣ женъ и дѣтей, я бы вернулся къ себѣ на судно и оставилъ ихъ на произволъ судьбы,—сердито отвѣтилъ шкиперъ.

Онъ вспомнилъ свою жену и семью, съ тревогой ожидавшихъ его и отдѣленныхъ отъ него всего нѣсколькими милями. Придетъ день, когда, можетъ быть, и имъ придется благодарить какого-нибудь иностранца за его спасенье. Онъ вспомнилъ также, что его долгомъ было поддержать честь и репутацію родной страны, и далеко отбросилъ отъ себя мысль о томъ, чтобы покинуть въ несчастіи даже этихъ антипатичныхъ ему чужеземцевъ.

— Ребята,—сказалъ онъ,—покажемъ мы этимъ пьянымъ мерзавцамъ, на что способны англичане! Я скорѣе умру, чѣмъ сдамся судьбѣ такъ, какъ они сдаются.

— Если они не хотятъ помогать намъ, такъ пускай, по крайней мѣрѣ, не мѣшаютъ,—рѣшилъ помощникъ.—Давайте запремъ ихъ внизу, а то по пьяному дѣлу они, пожалуй, еще выберутся наверхъ и убьютъ насъ.—Онъ закрылъ люкъ, закрѣпилъ крышку и, обернувшись къ шкиперу, добавилъ:—Теперь мы можемъ распорядиться на свободѣ. Что до меня, то я тоже готовъ работать, пока не свалюсь.

Еще разъ повторили они свою опасную переправу на лодкѣ съ одного судна на другое, доставляя канатъ съ брига на «Кавалера», но сначала обрубили якорную цѣпь на бригѣ. «Кавалеръ» поднялъ свой якорь, поставилъ опять паруса и началъ стягивать «Санта-Марію» съ отмели. Сначала старый испанецъ натягивалъ канатъ и плохо поддавался, но наконецъ двинулся, поднятый начинавшимся приливомъ, и поплылъ.

Крикъ торжества съ «Кавалера» привѣтствовалъ этотъ успѣхъ. Крикъ пробудилъ капитана на бригѣ, и онъ началъ карабкаться по лѣстницѣ наверхъ, удивляясь, что это значитъ и почему его судно не колотится больше объ отмель.

— Надо еще разъ съѣздить на бригъ,—крикнулъ шкиперъ,—а потомъ намъ останется только плыть спокойно въ Лостофтъ на старой посудинѣ и ждать своей доли изъ преміи за спасеніе ея.

Возбужденіе отъ этой авральной работы вдохнуло новыя силы въ Денисона и въ его команду, до мальчишки Дана включительно, который перещеголялъ самого себя въ искусствѣ варить кофе на кипяткѣ, въ которомъ только-что сварилъ солонину, и въ быстротѣ, съ которой онъ подавалъ командѣ этотъ напитокъ съ черствыми сухарями на придачу. Работа казалась теперь легкою, а когда на бригѣ подняли кусокъ паруса, и онъ поплылъ на югъ къ берегу, привязанный канатомъ къ «Кавалеру», который плылъ сзади, направляя и себя, и его, не было ни одного человѣка изо всей Денисоновской команды, который не сообразилъ бы, что, въ сущности, судьба была къ нимъ милостива, и что дѣла ихъ обстоятъ теперь значительно лучше, чѣмъ въ прежніе рейсы, когда они приходили домой безъ аваріи, неповрежденными, съ полнымъ трюмомъ рыбы, со всѣми снастями и парусами въ цѣлости и неприкосновенности.

Капитанъ «Санта-Маріи», добравшись до выхода изъ люка и найдя его закрытымъ и задраеннымъ, началъ колотить въ крышку кулакомъ, затѣмъ, когда никто не обратилъ вниманія на его стукъ, онъ попробовалъ разбить крышку ногой. Когда же и это не помогло, то онъ спустился въ каюту, взобрался на столъ и кочергой сталъ бить стекла въ потолкѣ, выходившія на палубу. Когда онъ перебилъ всѣ стекла и понялъ, что мѣдная рѣшетина всетаки мѣшаетъ ему выйти на свободу, то онъ сталъ долго и пронзительно кричать, употребляя сильнѣйшія англійскія выраженія, которыя были только ему извѣстны.

— Эй, вы, грабители изъ преисподней,—кричалъ онъ, подъ вліяніемъ пришедшаго ему въ голову подозрѣнія,—вы грабите мой бригъ! Я васъ за это въ тюрьму упрячу!

Шкиперъ и его помощникъ натягивали парусъ неподалеку, и капитанъ злобно зашипѣлъ на нихъ.

Денисонъ презрительно отмахнулся, но помощникъ оказался менѣе снисходительнымъ.

— Держите-ка конецъ, шкиперъ,—сказалъ онъ, передавая ему веревку, а самъ направился къ каютѣ.—Пошелъ внизъ, желторожая пьяница, поплавай тамъ, въ каютѣ, топись, если тебѣ нравится, проклятый оселъ, только не лѣзь сюда и не мѣшай намъ.

И здоровымъ грязнымъ кулакомъ онъ ткнулъ капитана въ красную шапку, такъ что тотъ свалился со стола.

— Слушайте, шкиперъ,—замѣтилъ онъ, принимаясь опять за работу,—если эти иностранные черти еще разъ начнутъ глупить, прежде чѣмъ мы доберемся до гавани, я возьму багоръ и разобью имъ башки. Довольно мы съ ними и такъ повозились.

— Теперь они не будутъ мѣшать,—отвѣтилъ шкиперъ,—у нихъ тамъ еще внизу вино есть. «Кавалеръ» что-то плохо слушается руля, но мы всетаки хорошо идемъ.

Они шли уже мимо Горльстона, когда оттуда вышелъ маленькій буксиръ и, рискуя перевернуться на высокой волнѣ, быстро работая своими колесами, подошелъ къ бригу и предложилъ за пятьдесятъ фунтовъ отбуксировать оба судна въ Лостофтъ.

— Вамъ заплатятъ изъ преміи,—крикнулъ ему въ отвѣтъ шкиперъ,—я знаю этотъ бригъ, онъ изъ Россіи идетъ въ Лондонъ съ полнымъ грузомъ, и премія будетъ большая.

И Денисонъ сторговался съ маленькимъ, бойко попыхивавшимъ пароходикомъ, вмѣстимостью въ двадцать тоннъ и сорока-сильною машиною, и буксиръ тихо и съ большимъ трудомъ потянулъ ихъ въ Лостофтъ.

Когда «Санта-Марія» и «Кавалеръ» отшвартовались бокъ-о-бокъ у пристани, Денисонъ объяснилъ, что испанцы сидятъ подъ арестомъ въ каютѣ, и, утомленный долгою борьбою съ вѣтромъ и волнами, онъ тутъ же, на палубѣ, свалился и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

До слѣдующаго выхода въ море хозяинъ Денисона, владѣлецъ «Кавалера», прислалъ своему шкиперу бутылку шотландской виски худшаго качества и боченокъ—самый маленькій—сомнительнаго пива.

— Чтобъ ихъ черти взяли, Билль,—сказалъ онъ съ видомъ безграничной щедрости, но не упоминая о письмѣ, только-что полученномъ отъ владѣльцевъ брига,—пусть никто не подумаетъ, чтобы я сталъ скупиться въ этомъ дѣлѣ съ испанцемъ. Я беру на себя рискъ получить то, что мнѣ дадутъ изъ преміи, а вотъ вамъ двадцать фунтовъ на вашу долю и еще по фунту на каждаго ребенка.

— А такъ какъ у меня ихъ десять, значитъ еще десять фунтовъ,—пробормоталъ сконфуженный и обрадованный Денисонъ, сожалѣя въ эту минуту, что у него не вдвое больше дѣтей.

— Тридцать фунтовъ хорошенькая сумма,—замѣтилъ добродушно хозяинъ,—вы, пожалуй, на это и коттэджъ купите?

Онъ попыхивалъ сигарой съ сознаніемъ человѣка, совершившаго добродѣтельный поступокъ и имѣющаго право спокойно и мирно наслаждаться совершоннымъ.

— Вы очень добры, сэръ,—сказалъ благодарный шкиперъ, почтительно отворяя дверь и выпуская своего хозяина на улицу.

— Я всегда стараюсь исполнять свой долгъ,—замѣтилъ владѣлецъ «Кавалера».—Доброе утро, мистриссъ Денисомъ, прощайте, Билль. Вы будете готовы выйти въ море въ понедѣльникъ утромъ? Вамъ къ тому времени доставятъ новыя снасти и новыя паруса. Конечно, это большой убытокъ, но не надо показывать вида, что намъ тяжело его перенести. Пускай буксиръ придетъ за вами ровно въ четыре пополуночи, тогда какъ разъ захватите отливъ.

Хозяинъ медленно пошелъ своей дорогой, покусывая кончикъ сигары и соображая, что послѣ уплаты тридцати фунтовъ Денисону, раздачи другихъ тридцати фунтовъ остальной командѣ и считая пятьдесятъ

фунтовъ за буксировку и стоимость новыхъ снастей и новыхъ парусовъ, на его долю, какъ владѣльца, останется тысяча фунтовъ изъ преміи.

«Оно, конечно, тяжеловато платить всѣ эти деньги, пока еще премія не получена, но и при всемъ томъ спасать потерпѣвшія крушеніе суда выгоднѣе, чѣмъ ловить рыбу. Если бы ежегодно спасать хотя бы по одному бригу, то я скоро бы разбогатѣлъ и попалъ въ городскіе мэры».

Пока его хозяинъ увлекался такими мечтами, Денисонъ говорилъ съ своей женой.

— Онъ ничего, не плохой человѣкъ, Марта, когда все какъ слѣдуетъ подсчитаетъ,—замѣтилъ онъ весело.—Но зачѣмъ же ты плачешь?

— О, Билль,—отвѣчала она, рыдая,—я знаю, что я очень дурная женщина, но я не чувствую никакой благодарности. Тридцать фунтовъ это сущіе пустяки, особенно когда м-ръ Гриммель получаетъ цѣлую тысячу, какъ мнѣ говорили. Онъ не работалъ, какъ ты, и ничѣмъ не рисковалъ. Тебя могли убить и море могло тебя смыть съ палубы, а ему это было бы все равно, развѣ только пришлось бы искать такого же хорошаго и дешеваго шкипера, какъ ты...

— Но вѣдь, ты же знаешь, онъ владѣлецъ судна и, конечно, ему по праву должна достаться премія. Вѣдь его судно спасло бригъ, а мы—я и команда—мы только работали на немъ.

— Не знаю, но это несправедливо. Я понимаю, что это несправедливо, только не могу объяснить. Можетъ быть, грѣшно желать, чтобы еще нѣсколько испанскихъ бриговъ попались такъ же, какъ попалась «Санта-Марія», а я желаю этого. Тогда ты никогда, н и к о г д а больше не пойдешь въ море, никогда не поплывешь по этимъ ужаснымъ волнамъ, а займешься чѣмъ-нибудь на берегу, на газовомъ заводѣ или въ гавани.

Шкиперъ обнялъ жену и прижалъ ее къ себѣ, стараясь лаской и шуткой осушить ея слезы, но въ то же время онъ смутно чувствовалъ, что гдѣ-то что-то идетъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и когда-нибудь кѣмъ-нибудь должно быть исправлено...

Его глаза тоже затуманились, и какой-то комокъ сталъ у него въ горлѣ.

Тотъ же самый комокъ еще разъ сталъ у него въ горлѣ, когда въ понедѣльникъ утромъ его «Кавалера» буксировали изъ гавани, а онъ, стоя на палубѣ, махалъ рукою, прощаясь съ женщиной, которая дошла до самаго конца мола и сдерживала слезы, пока «Кавалеръ», оставленный буксиромъ, не поднялъ парусовъ и не направился на востокъ, къ блѣдной зарѣ, поднимавшейся надъ пустынными волнами.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛЮДИ СѢВЕРНАГО МОРЯ.

Разсказы о Доггеръ-Банкѣ, Вальтера Вуда.

(Переводъ съ англійскаго Холли).

III *).

Свадебный рейсъ шкипера Бэйна.

Обыватели Винкапсъ-Ярда были страшно возбуждены. Въ одномъ изъ его коттэджей должна была состояться свадьба, и такая свадьба, что съ послѣднихъ похоронъ ни о чемъ такъ много не говорили, не спорили и не волновались.

Шкиперъ Бэйнъ, мѣстный аристократъ, единственный владѣлецъ судна «Моя Красавица», человѣкъ, державшій прислугу, появлявшійся иногда въ вычищенныхъ сапогахъ, мывшій себѣ лицо и руки и надѣвавшій по праздникамъ чистый целулойдовый воротничекъ (конечно, только на берегу), собирался жениться на Кэрри Даузонъ, дочери стараго Даузона, владѣльца лавки корабельныхъ припасовъ, про котораго говорили, что онъ хорошо зарабатывалъ не только своей торговлей, но и нѣкоторыми не совсѣмъ чистыми дѣлишками на Доггеръ-Банкѣ въ былое время, когда онъ ходилъ туда шкиперомъ.

Ни одному изъ винкапсъ-ярдцевъ не приходило въ голову допытываться о правахъ миссъ Кэрри Даузонъ считать себя красавицей, и никто не оспаривалъ того, что шкиперъ Бэйнъ былъ первымъ модникомъ. Причина такого единогласія крылась въ томъ, что въ одинъ памятный день они, одѣтые въ самые лучшіе свои наряды, прошлись по эспланадѣ передъ церковью, и произведенная ихъ появленіемъ сенсація надолго осталась въ памяти у мѣстныхъ жителей. Этотъ подвигъ поставилъ ихъ наравнѣ съ тѣми свѣтскими лэди и джентльмэнами, которые посѣщали лѣтомъ Скарборо, и поэтому никто не осуждалъ ихъ за то, что они рѣшили устроить свой домъ не въ Винкапсъ-Ярдѣ, а вдали отъ гавани и ея веселыхъ рыбаковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, было уже извѣстно всѣмъ, что шкиперъ Бэйнъ

*) Продолженіе. См. «Вѣстн. Ин. Лит»., кн. VII. 1905 г.

пріобрѣлъ небольшой каменный коттэджъ, изъ оконъ котораго не было видно моря, было извѣстно даже, что это пріобрѣтеніе онъ сдѣлалъ при посредствѣ одной строительный компаніи, а также и то, что миссъ Даузонъ наняла себѣ дѣвушку изъ мѣстнаго дома трудолюбія, которая будетъ имъ прислуживать; кромѣ того, въ гавани еще говорили, будто она похвасталась, что придетъ день, когда она купитъ себѣ велосипедъ, а мужъ ея будетъ избранъ членомъ городского совѣта.

Нельзя сказать, чтобы миссъ Даузонъ возбуждала явную антипатію, нѣтъ, однако, мнѣнія всѣхъ сходились на томъ, что она возгордилась и позабыла тѣ времена своей юности, когда обстоятельства такъ скверно складывались для нея, что одно и то же платье служило ей въ продолженіе многихъ лѣтъ и подолъ его иногда замѣнялъ ей носовой платокъ.

Винкапсъ-Ярдъ находился въ самомъ концѣ гавани и въ него вела одна единственная дорога, служившая одновременно входнымъ и выходнымъ путемъ. Эта дорога была, собственно говоря, узенькимъ тупичкомъ въ полтора ярда ширины и шестнадцать футовъ длины, заканчивавшимся на четыреугольномъ дворѣ, который былъ вымощенъ булыжникомъ и имѣлъ скатъ на средину, гдѣ находилась ничѣмъ не прикрытая помойная яма и куда по наклонной плоскости стекали всѣ нечистоты.

Коттэджей было всего шесть и всѣ они стояли на правой сторонѣ двора. Ихъ населяли рыбаки, которые въ нихъ родились, жили теперь и надѣялись жить до тѣхъ поръ, пока ихъ не снесутъ внизъ по дорогѣ на кладбище.

Весь дворъ былъ пропитанъ запахомъ рыбы и просушиваемыхъ неводовъ. Какъ бы тамъ ни было и несмотря на скверный запахъ, дворъ былъ картинный, и немало художниковъ устанавливали свои складные стулья по дорогѣ и воспроизводили Винкапсъ-Ярдъ на холстѣ.

Любители фотографіи тоже появлялись послѣ полудня, такъ какъ это единственное время, когда солнце на обратномъ пути заглядывало на дворъ, и поэтому немало пленокъ и стеколъ было испорчено фотографами, къ великой ихъ досадѣ и къ вящшему обогащенію продавцовъ фотографическихъ принадлежностей.

Входный тупичекъ шелъ съ Приморской улицы, и какъ разъ на другой сторонѣ улицы, противъ тупичка, устроена была маленькая пристань въ концѣ гавани. Во время высокихъ весеннихъ приливовъ море нерѣдко заливало улицу и по тупичку навѣщало Винкапсъ-Ярдъ, но, повидимому, это мѣсто не представлялось ему привлекательнымъ, потому что конечныхъ предѣловъ тупичка море не переступало и во внутренній дворъ никогда не заглядывало.

Послѣ бури и гибели какого-нибудь стараго брига или не менѣе древней шкуны бревна и доски море прибивало къ самой пристани, и юное поколѣніе Винкапсъ-Ярда занималось изловленіемъ этой добычи съ цѣлью увеличенія запасовъ топлива въ отцовскихъ коттэджахъ.

Когда часы прилива приходились днемъ и вода стояла высоко, старые колесные буксиры тыкались носами въ дома на Приморской улицѣ, а рыбачьи лодки плясали на своихъ канатахъ подъ вліяніемъ почти неудержимаго стремленія прогуляться по мостовой. Въ такіе дни, когда было тепло и солнечно, женщины съ дѣтьми изъ Винкапсъ-Ярда переходили черезъ улицу на пристань, усаживались на бревнахъ и занимались вязаньемъ или шитьемъ. Дѣти же, очень грязныя, оборванныя, но весе-

лыя и радостныя, бродили по берегу, заходя по колѣно въ воду и пуская самодѣльные кораблики, представляя себѣ, что это точныя модели рыбачьихъ судовъ.

Въ этотъ жаркій іюньскій день всѣ обитатели Винкапсъ-Ярда покинули свои душныя жилища по сосѣдству съ помойной ямой и сидѣли на бревнахъ на пристани.

Всѣ съ любопытствомъ смотрѣли, какъ пароходъ буксировалъ «Мою Красавицу» въ море. До нихъ долеталъ голосъ владѣльца судна, онъ же и шкиперъ, стоявшаго на мостикѣ и отдававшаго приказанія въ машинное отдѣленіе:

— Задній ходъ! Ходъ впередъ! Стопъ! Ладно, полный ходъ!

Буксиръ какъ бы нехотя двинулся къ выходу въ заливъ, и отъ его движенія нетерпѣливо заплескали волны въ гавани.

Солнце ярко освѣщало коричневые паруса судна, и когда оно проходило мимо пристани, оно важно поклонилось, подхваченное волной на поворотѣ за Замковой скалой, при выходѣ въ море у наружнаго мола. Зрители слѣдили за нимъ, когда оно удалялось, слѣдуя за пароходомъ, и, вытянутое за молъ, скрылось вдали. Тогда языки развязались и усердно работали, пока буксиръ не вернулся обратно въ гавань.

— Вотъ такъ щегольское судно,—замѣтила мистриссъ Брэдди, жена рыбака, обладательница могучей фигуры, за которой прятались другъ отъ друга двое игравшихъ ребятишекъ.—Такого щеголя не видали въ Скарборо.

— Говорятъ, Бэйнъ истратилъ десять совереновъ на то, чтобы выкрасить и прибрать судно для этого рейса,—сказала другая жена рыбака, мистриссъ Брэксъ.

— Онъ будетъ поосторожнѣе со своими соверенами, когда женится на Кэрри Даузонъ. Извѣстное дѣло, ей требуется много больше, чѣмъ онъ можетъ дать, а она—заработать! Франтиха!—мрачно отвѣтила мистриссъ Брэдди. И чтобы потвердить мучившія ее предчувствія, она дала здоровый подзатыльникъ своему первенцу, носившему звучное имя Вильяма-Эннери, и строго приказала ему не возиться у ней за плечами, такъ какъ онъ надоѣдаетъ ей.— Кто она, эта Кэрри Даузонъ? Кто она такая, скажите пожалуйста, чтобы воображать себя лучше остальныхъ въ Винкапсъ-Ярдѣ?—продолжала мистриссъ Брэдди, взывая къ общественному мнѣнію, но такъ какъ никто не откликнулся, то она угостила новой затрещиной Вильяма-Эннери и сообщила ему, что въ томъ случаѣ, если онъ опять будетъ вертѣться у ней подъ ногами, она безъ дальнѣйшихъ предостереженій сброситъ его въ воду.

Однако, угроза плохо подѣйствовала на упрямаго мальчугана, онъ снова ударился съ разбѣга о широкую материнскую спину, такъ какъ возбужденное воображеніе рисовало ему, что онъ великій разбойникъ, спасающійся отъ палача, совмѣщавшаго свои обязанности съ званіемъ главнаго судьи и старшины присяжныхъ. Такъ какъ новая затрещина, щедро отпущенная ласковою материнскою рукою, свалила его съ ногъ, то онъ сталъ легкою добычею своихъ преслѣдователей, былъ торжественно отведенъ въ Винкапсъ-Ярдъ и привязанъ на веревочкѣ къ дверной скобкѣ родительскаго коттэджа.

— Ничтожная дрянь,—продолжала мистриссъ Брэдди, съ облегченіемъ сложивъ руки, когда ребятишки исчезли.

— Да, но она-то воображаетъ себя невѣсть какой особой,—возразила мистриссъ Брэксъ.—О, она въ послѣднее время такъ задрала носъ, можно подумать, что ей и шкиперъ не пара. Одинъ только король достоинъ ея...

— Не говоря уже о капитанахъ,—съ удареніемъ произнесла мистриссъ Брэдди. Ея мужъ командовалъ старой ладьей для ловли сельдей съ экипажемъ въ составѣ трехъ человѣкъ, и она позволяла себѣ и не такія разсужденія, особенно съ мистриссъ Брэксъ, женою простого матроса на рыбачьемъ суднѣ.—Я всетаки скажу, что Кэрри Даузонъ самая безстыдная изъ всѣхъ женщинъ на нашей улицѣ. Только подумать, какъ она увивалась около Чарли Бэйна! Тошно было смотрѣть. Я называю это нахальною ловлей жениха.

— А скоро онъ попался въ ея сѣти,—мрачно замѣтила мистриссъ Брэксъ.

— Эта Кэрри Даузонъ недурна, что правда, то правда,—продолжала мистриссъ Брэдди,—да и какъ бы могло это быть иначе, когда она покупаетъ себѣ шляпки и платья въ первыхъ магазинахъ! Затѣмъ она играетъ на фортепіано не хуже любого итальянца на шарманкѣ. И про Чарли Бэйна нельзя сказать, что онъ не джентльмэнъ! Онъ родился и выросъ въ Винкапсъ-Ярдѣ, а это тоже много значитъ! Съ тѣхъ поръ, какъ я замужемъ, мы съ нимъ сосѣди, и потому я знаю всю правду о немъ. Онъ не пьяница и ведетъ себя тихо и скромно. Для него не существуетъ трактировъ, онъ не заглядываетъ къ «Веселымъ Морякамъ» и не оставитъ тамъ всѣхъ денегъ, которыя должны идти въ домъ на прокормъ жены и дѣтей.—При этомъ она многозначительно взглянула на мистриссъ Брэксъ, у которой мужъ—всѣ это прекрасно знали—отъявленный пьяница, считался однимъ изъ самыхъ незавидныхъ обитателей Винкапсъ-Ярда, позорящихъ общую репутацію этой мѣстности.—Всѣ его деньги до послѣдняго пенни вложены въ сберегательную кассу, а теперь и проценты наросли,—продолжала мистриссъ Брэдди.

— Онъ бы такъ не разжился, если бы «Моя Красавица» не досталась ему по завѣщанію,—возразила мистриссъ Брэксъ.—Есть много другихъ, кромѣ Чарли Бэйна, которые могли бы быть сахарными голубчиками и носить бѣлые воротнички, если бы имъ доставались суда по наслѣдству.—Она намекала на своего добраго, но слишкомъ слабохарактернаго мужа, который и въ настоящую минуту засѣдалъ въ трактирѣ «Веселые Моряки», когда по настоящему онъ долженъ былъ бы быть въ морѣ, и невольно подумала, что даже и теперь, если бы ктонибудь подарилъ ему судно, то онъ исправился бы и заслужилъ бы всеобщее уваженіе.

— Но это къ дѣлу не относится,—замѣтила мистриссъ Брэдди, которая, какъ весьма дѣятельный членъ общества «Вечернихъ развлеченій для женщинъ по понедѣльникамъ», развила въ себѣ необыкновенную свободу рѣчи.—Это къ дѣлу не идетъ. Мы не будемъ ссориться изъ-за Чарли Бэйна или Кэрри Даузонъ. Она поймала его—хорошо ли это или плохо, все равно,—она не выпуститъ его теперь, хотя онъ, кажется, не очень-то ея слушается, иначе онъ не ушелъ бы въ море сегодня. Вѣдь ихъ свадьба назначена на субботу на слѣдующей недѣлѣ. Сегодня среда, завтра онъ будетъ на Доггеръ-Банкѣ, ну будетъ тамъ рыбу ловить, скажемъ, до слѣдующей среды. Къ четвергу онъ

вернется, и если уловъ будетъ удачный, то на вырученныя деньги устроитъ себѣ чудное гнѣздышко.

— Ну, а что онъ будетъ дѣлать, если вмѣсто попутнаго вѣтра да станетъ мертвая тишь такъ, примѣрно, недѣли на двѣ?—спросила мистриссъ Брэксъ.

— Дойдутъ какъ-нибудь, не безпокойтесь,—отвѣтила мистриссъ Брэдди.

— Если же онъ застрянетъ, я ручаюсь, что эта негодяйка понесется за нимъ,—сказала мистриссъ Брэксъ.—Развѣ такая ловля достойна женщины?—продолжала она, смутно чувствуя, что поведеніе миссъ Даузонъ набрасываетъ тѣнь на остальныхъ представительницъ прекраснаго пола, вызывая предположенія, что всѣ онѣ обычно придерживаются такихъ же стратегическихъ пріемовъ.

— Ш-ш...—остановила ее мистриссъ Брэдди.—Вотъ она сама.

Кэрри Даузонъ внезапно появилась передъ ними. Наступило молчаніе. Она подошла къ разговаривавшимъ, разрумянившись отъ быстрой ходьбы, высокая, красивая, веселая и счастливая...

— Смотрѣли, вѣрно, какъ вышла «Моя Красавица» изъ залива?—спросила мистриссъ Брэдди съ любезной улыбкой.

— Да, она какъ разъ обогнула мысъ,—отвѣтила Кэрри.—Прекрасный вѣтеръ для нея, попутный...

— Прекрасный-то онъ сейчасъ, а потомъ все можетъ измѣниться,—мрачно проговорила мистриссъ Брэксъ.—Вотъ будетъ досада, если установится мертвый штиль на недѣлю или двѣ, когда Чарли будетъ на Доггеръ-Банкѣ!

— Мистеръ Бэйнъ,—отвѣтила не задумываясь молодая дѣвушка,—сумѣетъ справиться и съ мертвымъ штилемъ.

— Надѣюсь, ничего такого не случится, чтобы помѣшать ему попасть во-время въ церковь,—продолжала мистриссъ Брэксъ въ еще болѣе зловѣщемъ тонѣ.—Конечно, на пароходѣ можно быть всегда спокойнымъ, ну а на парусникѣ другое дѣло. Это напоминаетъ мнѣ тотъ разъ, когда мужъ, онъ былъ съ флотомъ на Доггеръ-Банкѣ тогда, пропадалъ два мѣсяца въ морѣ; шкиперъ и тогда, я помню, былъ увѣренъ, что они вернутся на слѣдующей недѣлѣ, такъ, чтобы провести дома Рождество, дѣло было зимой. Ну, и что же? Когда же они вернулись? Не только Рождество прошло, но и Новый годъ миновалъ и много дней еще прошло, пока они появились. Надѣюсь, что ничего подобнаго съ Чарли Бэйномъ не случится,—закончила свой разсказъ мистриссъ Брэксъ, и по тону ея можно было догадаться, что она почти увѣрена, что именно это-то съ нимъ и случится.

— Откуда у васъ берутся такія глупыя мысли?—спросила Кэрри, недовольно взглянувъ на сплетницъ.

— Это всегда случается,—сказала ей мистриссъ Брэксъ.—Никогда не надо быть увѣреннымъ передъ вѣнцомъ, что все пойдетъ гладко—женихи народъ ненадежный. Свадьба это не похороны, тутъ ужь, понимаете, покойникъ не сбѣжитъ...

На глазахъ у Кэрри навернулись слезы.

Посмотрѣвъ съ укоромъ на говорившихъ, она быстро повернулась и пошла домой. Зловѣщія предсказаніи мистриссъ Брэксъ огорчили ее и, оставшись въ одиночествѣ, она не могла удержаться отъ слезъ.

— А если на самомъ дѣлѣ онъ не вернется во-время?—прошептала она...

Но эта мысль показалась ей невыносимой и она принялась сейчасъ же думать, какъ бы помочь жениху вернуться, если дѣйствительно безвѣтріе или буря задержитъ его. Она ни минуты не сомнѣвалась въ его умѣньѣ и искусствѣ, а также ей не приходила въ голову мысль, что онъ можетъ совсѣмъ не вернуться. Нѣтъ! Но она знала, что такое Сѣверное море. Она слишкомъ много слыхала о коварствѣ этого моря и знала, какая бездна лукавства таится въ его холодныхъ сѣрыхъ волнахъ! Оно способно задержать ея милаго и не тронется мыслью о невѣстѣ, ожидающей въ церкви жениха.

Кэрри разсказала отцу о своихъ опасеніяхъ, и старикъ, будучи самъ въ мрачномъ настроеніи, вспомнилъ, какъ лопались въ былое время всѣ его планы о свободной торговлѣ водкой на морѣ частью изъ-за коварства морской погоды, а частью изъ-за догадливости акцизныхъ чиновниковъ, и не могъ утѣшить свою дочь. Напротивъ, онъ самъ теперь думалъ, что Чарли можетъ не вернуться къ назначенному дню.

— Но,—добавилъ онъ,—мы устроимся какъ-нибудь! Если понадобится, такъ наймемъ буксиръ и доставимъ его во что бы то ни стало.

— На буксирѣ!—воскликнула Кэрри.—Ахъ, дорогой папа, это какъ разъ то, что нужно!

Она бросилась обнимать старика. Такое необычайное проявленіе чувствъ такъ тронуло бывшаго шкипера, что слезы показались на его глазахъ, а дымъ отъ трубки какимъ-то образомъ попалъ въ горло и онъ долго откашливался.

А въ это время шкиперъ Бэйнъ несся на всѣхъ парусахъ къ Доггеръ-Банкѣ. «Моя Красавица» была хорошимъ ходокомъ и шла какъ нельзя лучше.

Южнѣе онъ встрѣтилъ миноносецъ, и шкиперъ, котораго не покидало радостное, веселое настроеніе, привѣтствовалъ его, помахавъ рукой.

— Какимъ полинявшимъ, тусклымъ кажется онъ въ сравненіи съ «Моей Красавицей»,—замѣтилъ шкиперъ.—Въ немъ нѣтъ никакой поэзіи, — продолжалъ онъ, закуривая трубку.—Что это такое? И откуда взялся этотъ миноносецъ? Кому онъ принадлежитъ? Нельзя даже назвать по имени его хозяина. Каждый Томъ, Дикъ или Гарри въ Англіи можетъ считать себя владѣльцемъ какой-нибудь части въ немъ.

— Конечно, это не то, что имѣть свое собственное судно,—сказалъ помощникъ, стоявшій у руля и полагавшій, что собственное судно это верхъ человѣческаго благосостоянія,—еще бы! Командиръ этого миноносца можетъ быть каждую минуту смѣненъ, а ужь настоящаго хозяина никто не смѣнитъ. Развѣ только онъ самъ продастъ свое судно...

— Юнга, — позвалъ шкиперъ, — подай сюда двѣ бутылки пива и кружки. Выпьемте, Ульямъ, за здоровье «Моей Красавицы», этой вотъ, на которой мы плывемъ, и той, что осталась на берегу...

— Ваше здоровье, шкиперъ,—произнесъ Ульямъ, взявъ рукоятку между ногъ, такъ какъ обѣ руки его были заняты тяжелой кружкой.

При этомъ онъ старался угадать, послѣдуетъ ли за первой бутылкой вторая. Но Бэйнъ берегъ свое пиво, и Ульяму пришлось пожалѣть о томъ, что онъ слишкомъ поспѣшилъ опорожнить кружку.

— Всѣ наверхъ!—крикнулъ Бэйнъ, наклонившись надъ люкомъ.

Команда поднялась на палубу, недоумѣвая, въ чемъ дѣло.

— Слушайте,—обратился къ нимъ шкиперъ.—Вы знаете, что это мой свадебный рейсъ, поэтому я хочу васъ всѣхъ порадовать. Знайте, что весь уловъ я отдаю вамъ и вы подѣлите прибыль между собой поровну. Чѣмъ больше наловите рыбы, тѣмъ больше и выручите. Я хочу, чтобы каждый изъ васъ долго помнилъ объ этомъ рейсѣ.

Обрадованные и удивленные рыбаки поблагодарили Бэйна и разошлись. Несмотря на сонныя лица и неуклюжія манеры, они были благодарны и толковали теперь между собой, что такой необыкновенный рейсъ надолго останется въ памяти, такъ какъ не часто случалось, чтобы команда получала барыши вмѣсто шкипера или владѣльца. И дѣйствительно, этотъ рейсъ остался надолго въ памяти у каждаго изъ нихъ, но не въ томъ смыслѣ, какъ они воображали, такъ какъ ни одного раза не спускали они снастей въ море съ тѣхъ поръ, какъ «Моя Красавица» гордо вышла изъ гавани, и до того времени, какъ она вернулась туда съ позоромъ. Этой бѣдой они обязаны были исключительно тому, что вѣтеръ стихъ, какъ только они подошли къ Доггеръ-Банкѣ. Воцарилась такая тишь, что команда ходила безъ дѣла, понуря головы, и занималась только ссорами и бранью. Рыбаки бранились, впрочемъ, съ осторожностью, потому что Бэйнъ былъ строгій шкиперъ и пользовался репутаціей ученаго человѣка. Про него знали, что онъ подписывается на «Механическій и Литературный Журналъ», и это внушало страхъ и почтеніе. Онъ держалъ команду въ рукахъ и не любилъ шутить.

— Второй день приходитъ къ концу, шкиперъ, а снасти висятъ безъ дѣла,—замѣтилъ помощникъ.—Мнѣ уже надоѣло по цѣлымъ днямъ спать да ѣсть. Этакъ можно съ ума сойти, особенно когда видишь, какъ пароходы шныряютъ взадъ и впередъ и таскаютъ рыбу полными сѣтями.

— Навѣрное, вѣтеръ скоро поднимется,—сердито перебилъ его шкиперъ, который и самъ начиналъ безпокоиться.

Онъ находился въ ста миляхъ отъ Винкапсъ-Ярда, и если безвѣтріе продолжится, то какимъ образомъ очутится онъ тамъ въ назначенный для вѣнчанія съ Кэрри день? Онъ проклиналъ себя за глупую мысль пуститься въ плаваніе передъ свадьбой. Какъ теперь быть?

Прошло еще два дня, и попрежнему море ласково плескалось, было тихо, казалось, что вѣтеръ навсегда покинулъ Сѣверное море.

Шкиперъ теперь былъ самъ не свой. Свадьба его была назначена въ субботу на этой недѣлѣ. Сегодня понедѣльникъ. Чтобы быть увѣреннымъ, что онъ дойдетъ во-время, онъ долженъ былъ сняться не позже вторника. Половина времени была потеряна даромъ и въ настоящую минуту у него въ трюмѣ не найдется даже завалящей трески. Правда, было около двухъ тоннъ льда, взятаго для храненія рыбы, но можно было думать, что ледъ превратится въ воду задолго до того, когда потребуется.

Зловѣщія подозрѣнія зародились въ душѣ у команды. Шкиперъ пообѣщалъ имъ весь уловъ. Да, но развѣ онъ не былъ достаточно ученъ, развѣ онъ не умѣлъ писать и дѣлать разныя вычисленія? Развѣ онъ не зналъ, что наступитъ такая погода?

— Конечно, зналъ,—рѣшилъ помощникъ, которому первому пришло въ голову это предположеніе.—Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Кромѣ того,—добавилъ онъ непочтительно, но лукаво,—почему

онъ не даетъ намъ того пива, что спрятано внизу? Мы бы его живо убрали!

Тихая погода продолжалась до среды, и вечеромъ, глядя на безоблачное небо, на которомъ сіяла луна, шкиперъ Бэйнъ чувствовалъ себя близкимъ къ помѣшательству. То, что случилось съ нимъ, было не только обидно, это было унизительно, ужасно!

Если онъ не появится во-время, то это сочтутъ бѣгствомъ, и онъ опасался, что женщины въ гавани, особенно обитательницы Винкапсъ-Ярда, возмущенныя тѣмъ, что изъ-за его поведенія онѣ лишились дарового зрѣлища, на которое имѣли всѣ права, устроятъ ему кошачій концертъ.

Онъ былъ погруженъ въ эти мрачныя мысли, когда пароходъ изъ Скарборо медленно прошелъ мимо, какъ бы дерзко поддразнивая его. Снасти парохода были спущены въ воду и команда, лѣниво опираясь на бортъ, курила и отпускала веселыя шуточки.

Шкиперъ, также свѣтскій франтъ и поэтому считавшій Бэйна своимъ соперникомъ, потягивался на мостикѣ въ одномъ бѣльѣ, или «въ панжатахъ», какъ онъ называлъ, такъ какъ ночь была очень теплая.

— Много наловили рыбы, а? — любезно освѣдомился онъ, зная, что «Моя Красавица» не могла спустить снасти.—Мы просто тонемъ отъ груза.

Бэйнъ вмѣсто отвѣта угрюмо промолчалъ.

— Вамъ бы купить пару мѣховъ да подуть въ паруса, если хотите поспѣть къ свадьбѣ,—продолжалъ шкиперъ парохода, и вся пароходная команда покатилась со смѣху.—Если на то пошло, я, такъ и быть, возьму васъ на буксиръ, если дадите пятьдесятъ фунтовъ,—донесся его насмѣшливый голосъ, такъ какъ пароходъ отошелъ уже на достаточное разстояніе.

Бэйнъ рѣдко выходилъ изъ себя, но на этотъ разъ терпѣніе его лопнуло.

— Чтобъ тебя черти разорвали!—пустилъ онъ въ догонку дерзкому шкиперу.

Съ парохода долетѣлъ громкій хохотъ, и шкиперъ крикнулъ въ рупоръ, что Чарли слишкомъ волнуется и что по приходѣ въ гавань онъ передастъ миссъ Кэрри его привѣтъ и сожалѣнія, что опоздаетъ къ свадьбѣ, непремѣнно передастъ!

Наступилъ четвергъ, и раннее утро застало шкипера на палубѣ, неумытаго, въ полномъ отчаяніи...

Всю ночь онъ не смыкалъ глазъ и не притронулся утромъ къ ѣдѣ. Разныя мысли, одна отчаяннѣе другой, возникали въ его возбужденной головѣ, но сдѣлать теперь онъ ничего не могъ. «Моя Красавица» стояла одиноко. Онъ горько сожалѣлъ о томъ, что отказался отъ предложенія парохода взять его на буксиръ. Конечно, это даже за половину запрошенной цѣны было бы весьма дорогимъ удовольствіемъ, но лучше потерять значительную сумму, чѣмъ быть осмѣяннымъ, пожалуй, и опозореннымъ кумушками Винкапсъ-Ярда!

Къ полудню поднялся легкій вѣтерокъ, еле зарябившій гладкую поверхность моря, какъ бы только для того, чтобы вызвать у шкипера грѣшную мысль, что только злые духи царствуютъ надъ моремъ.

— Глупая забава, больше ничего,—ворчалъ помощникъ, покачивая головой съ такимъ видомъ, точно онъ не только претерпѣлъ уже всевоз-

можныя лишенія, но видитъ ихъ еще много впереди,—ни къ чему не приведетъ, по помните мое слово, шкиперъ, мы прокляты, какъ судно-привидѣніе, какъ «Летающій Голландецъ».

Весь день они, еле-еле двигаясь, прошли нѣсколько миль; ночью, впрочемъ, вѣтеръ нѣсколько смилостивился и они взяли курсъ на сѣверъ, но въ пятницу утромъ находились на разстояніи семидесяти миль отъ гавани и подвигались впередъ со скоростью всего двухъ узловъ въ часъ.

— Мы никогда не дойдемъ,—говорилъ помощникъ и въ своемъ несчастьѣ черпалъ такую горькую радость, что искренно надѣялся не дойти

Такъ продолжалось весь день. Еле-еле двигались они впередъ. Все время продолжалось безконечное ворчанье шкипера, который утверждалъ теперь, что если вѣтеръ и окрѣпнетъ, то это для того только, чтобы отнесть ихъ въ открытое море.

— Но,—добавлялъ онъ въ утѣшенье,—если этотъ вѣтеръ не принесетъ намъ пользы, а скорѣе вредъ, если благодаря ему разстроится свадьба, то подумайте такъ, какъ полезенъ онъ судамъ, которыя спѣшатъ теперь въ Германію или Норвергію.

На разсвѣтѣ въ субботу судно находилось въ двадцати миляхъ отъ Скарборо, а такъ какъ вѣтеръ значительно окрѣпъ, то къ десяти часамъ «Моя Красавица» очутилась миляхъ въ десяти отъ Замковой скалы. Однако, внезапно вѣтеръ, стихъ и шкиперъ безпомощно, въ нѣмой тоскѣ смотрѣлъ на далекій берегъ. Теперь не оставалось сомнѣнія, что они придутъ много позже назначеннаго для вѣнчанія часа.

— Что дѣлать? Что дѣлать?—повторялъ въ отчаяніи несчастный женихъ.

— А что, если бы... лодку спустить?—предложилъ помощникъ, полагая, что эти слова только усилятъ отчаяніе Бэйна.

Лодка была тяжелая, старая, громоздкая; для того, чтобы ее спустить, потребуется не менѣе двадцати минутъ, а грести на ней десять миль было бы ужасно, особенно противъ отлива, и Ульямъ отбросилъ эту неосуществимую съ практической точки зрѣнія мысль.

Но шкиперъ Бэйнъ былъ другого мнѣнія.

Онъ вскочилъ и его тяжелая рука опустилась на плечо подскочившаго помощника.

— Лодку,—крикнулъ онъ,—больше ничего не остается! Сейчасъ же спустить лодку! И вы, Ульямъ, поѣдете вмѣстѣ со мной и поможете мнѣ грести.

— Но... — перебилъ помощникъ, не ожидавшій такого печальнаго результата.

— Никакихъ «но». Я, вы и Джэкъ, мы или доберемся до берега вовремя, или околѣемъ!

— Такъ вѣдь это не «моя» свадьба,—пробормоталъ Ульямъ, но взглянувъ на лицо шкипера, онъ воздержался отъ дальнѣйшихъ разсужденій.

Итакъ, лодка была спущена, и Бэйнъ, помощникъ и младшій матросъ усѣлись, тогда какъ остальная команда на «Моей Красавицѣ» должна была придти вслѣдъ за ними, если вѣтеръ поднимется, если же нѣтъ, то дожидаться, пока шкиперъ пришлетъ буксирный пароходъ.

Шкиперъ гребъ съ поразительной энергіей. Это былъ уже не изящный Чарли Бэйнъ, всегда гладко выбритый, красивый владѣлецъ прекраснаго судна. Въ этотъ день, самый важный день всей его жизни,

когда по настоящему онъ долженъ былъ бы быть въ цилиндрѣ, шелковомъ цилиндрѣ, наслѣдованнымъ имъ отъ отца, въ новомъ сюртукѣ и перчаткахъ, онъ сидѣлъ немытый, неодѣтый, съ подвязаннымъ косынкой воротомъ и небритый вотъ уже цѣлую недѣлю. Онъ бранился что есть мочи, гребъ и потѣлъ, надѣясь поспѣть домой во-время, чтобы переодѣться.

— Вонъ, посмотрите, вдали показался пароходъ,—сказалъ, обливаясь потомъ, помощникъ.—Похоже на «Бравый Морякъ», можетъ быть, они подтянутъ насъ за соверенъ или два.

— Нечего разсуждать, когда надо грести,—перебилъ его шкиперъ.— Мы будемъ въ гавани прежде, чѣмъ растолкуешь имъ, что намъ нужно. Нечего глядѣть по сторонамъ и считать пароходы, надо грести.

И они продолжали грести, а пароходъ неуклюже повернулъ въ сторону.

— Если я сейчасъ же не отдохну, то околѣю,—простоналъ помощникъ, когда они подвинулись общими усиліями мили на двѣ.

— А я выкину васъ за бортъ, чортъ васъ подери, если вы перестанете грести!—крикнулъ Бэйнъ.

— Вы можете дѣлать со мной, что хотите,—возразилъ Ульямъ,—но я не буду больше грести. Да я и не обязанъ, въ нашемъ договорѣ ничего не сказано про свадебные рейсы хотя бы самого шкипера...—послѣднія слова онъ произнесъ насколько могъ язвительно.

— Да,—подтвердилъ младшій матросъ Джэкъ, вытирая себѣ лицо рукавомъ,—многаго мы и не потеряемъ, если вылетимъ за бортъ, особенно если подсчитать барыши отъ этого рейса.

— Слушайте,—съ отчаяніемъ воскликнулъ Бэйнъ,—даю каждому изъ васъ по соверену, только гребите! Боже мой,—онъ взглянулъ на часы,— теперь уже часъ!

— Такъ-то лучше,—замѣтилъ помощникъ.

Младшій матросъ Джэкъ былъ согласенъ съ нимъ, и они налегли на весла съ удвоенной энергіей.

— Что за чортъ! — воскликнулъ вдругъ Джэкъ.—Пароходъ дошелъ до нашего судна и повернулъ назадъ, ишь какъ несется, что бы это значило?

— Не ваше дѣло,—оборвалъ его Бэйнъ,—гребите!

— Я не могу больше, — воскликнулъ помощникъ,—даже за десять совереновъ не могу!

— И я тоже, — согласился матросъ.—Эта лодка не годится для гонокъ. Ея и не сдвинешь противъ отлива.

— Подождемъ парохода,—рѣшилъ помощникъ, складывая руки.

Наконецъ, шкиперъ понялъ, что онъ одинъ въ полѣ не воинъ. Какъ ни силенъ онъ былъ, все же не могъ грести одинъ и съ горькимъ вздохомъ покорился своей участи, съ тупымъ отчаяніемъ глядя на приближающійся пароходъ.

Пароходъ быстро шелъ прямо на нихъ.

— Похоже на то, что онъ догоняетъ насъ, вѣрно, хочетъ перевернуть лодку,—сказалъ Джэкъ.

— И хорошо бы сдѣлалъ,—простоналъ шкиперъ.

— Эй! Ого-го! — закричалъ помощникъ.— Эй, клянусь Богомъ, на мостикѣ стоитъ женщина!

Бэйнъ приподнялся и пристально взглянулъ на приблизившійся пароходъ. Внезапно онъ поблѣднѣлъ, увидавъ, что женщина на мостикѣ была Кэрри Даузонъ.

— Эй, лодка, — крикнулъ шкиперъ парохода, вынимая изо рта дешевую сигару, которыми угощалъ его старый Даузонъ,—что Чарли Бэйнъ здѣсь? Его невѣста требуетъ. Онъ ей необходимъ по важному дѣлу.—И шкиперъ, а съ нимъ и вся команда парохода покатились со смѣху.

Тотъ рейсъ, который они только-что совершили, былъ самый необычайный и самый веселый изъ всѣхъ ихъ рейсовъ и они наслаждались теперь во всю. Дѣло было сдѣлано, оставалось только получить деньги. Старый Даузонъ нанялъ ихъ, чтобы отыскать «Мою Красавицу», а на ней шкипера Бэйна. Узнавъ, что послѣдній на лодкѣ устремился къ берегу, пароходъ повернулъ обратно, нагналъ ихъ, и теперь шкиперъ Бэйнъ былъ найденъ.

Кэрри въ отчаяніи не могла спокойно оставаться на берегу и тоже поѣхала на пароходѣ и теперь, увидавъ жениха, чуть не въ истерикѣ кричала:

— Чарли, Чарли!..

— Есть, — отвѣтилъ шкиперъ, которому наконецъ вернулся голосъ.

— Мы какъ разъ поспѣемъ въ церковь во-время! — воскликнула Кэрри.—Чарли, идите сюда, на пароходъ.

— Взбирайтесь сюда, — сказалъ шкиперъ парохода, — и оставьте этихъ двоихъ въ лодкѣ.

— Ну нѣтъ,—взмолился помощникъ,—возьмите насъ на буксиръ, а то мы не доберемся.

Лодку взяли на буксиръ, а Бэйнъ очутился на пароходѣ около своей невѣсты.

— Поймите, Кэрри, вѣдь я не могъ, я дѣйствительно не могъ вернуться,—объяснялъ женихъ.—Еще никогда въ жизни меня не преслѣдовала такая неудача, какъ теперь въ моемъ свадебномъ рейсѣ.

— Ничего, ничего,—успокоивалъ Бэйна шкиперъ,—ничего, худшее еще впереди, это несомнѣнно! — Шкиперъ былъ женатъ и потому немудрено, что онъ судилъ о брачной жизни по собственному опыту.

Кэрри повела Бэйна въ каюту, гдѣ при помощи матросовъ онъ постарался привести себя въ приличный видъ, такъ какъ невѣста объявила ему, что съ парохода они отправятся прямо въ церковь, гдѣ ихъ ожидали пасторъ и приглашенные.

Бэйнъ вздумалъ было протестовать, ссылаясь на то, что онъ не можетъ показаться въ такомъ видѣ въ общество, но такъ какъ невѣста слишкомъ много выстрадала за это время, то она не согласилась отложить свадьбу даже на полчаса.

— Нѣтъ, покорно благодарю,—сказала она.—Теперь, когда я васъ нашла, то ужъ не выпущу.

«Бравый Морякъ» съ тріумфомъ подошелъ къ пристани, и, сопровождаемая ревомъ его сирены, парочка направилась къ церкви, не смущаясь взглядами сотни любопытныхъ зрителей. Въ церкви Чарли торжественно обвѣнчали съ его невѣстой.

Когда мистеръ и мистриссъ Чарли Бэйнъ очутились въ домѣ стараго Даузона, то Кэрри помогла мужу переодѣться въ приготовлен-

ный для вѣнчанія костюмъ. Хотя въ церкви онъ обошелся безъ фрака и бѣлаго галстуха, но теперь можно было и принарядиться. И тутъ же Кэрри объявила ему, что она хочетъ разъ навсегда откровенно поговорить съ нимъ.

— Я такъ настрадалась, что мнѣ хватитъ этого опыта на всю жизнь,—добавила она.

— Чего же ты хочешь? — спросилъ шкиперъ Бэйнъ, повеселѣвшій теперь, когда все уже было окончено.

— Ты продашь судно и бросишь морскую службу, — отвѣтила мистриссъ Бэйнъ.

Шкиперъ расхохотался. Ему казалось, что это единственная вещь на свѣтѣ, которую онъ не можетъ сдѣлать.

— Или я, или море,—заявила Кэрри.

Шкиперъ опять расхохотался, но на этотъ разъ не такъ громко.

— Это не шутка,—предупредила его жена.

— Но это глупость, этого нельзя сдѣлать,—попробовалъ спорить шкиперъ.

— Почему? «Моя Красавица» стоитъ пятьсотъ фунтовъ, столько же у тебя въ банкѣ. Отецъ даетъ мнѣ столько же, и такъ какъ онъ оставляетъ торговлю, ты купишь его дѣло, и мы будемъ торговать. Я уже переговорила съ нимъ, пока ты пропадалъ.

Шкиперъ что-то невнятно промычалъ.

— Да или нѣтъ? Чарли, ты вѣдь знаешь меня!—настаивала неумолимая Кэрри

Что было дѣлать? Никакіе доводы не подѣйствовали. Кэрри стояла на своемъ, и шкиперъ въ концѣ концовъ принужденъ былъ уступить. Правда и то, что Сѣвернее море достаточно ему опротивѣло, а наоборотъ, жизнь дома вмѣстѣ съ Кэрри улыбалась ему. Поэтому онъ согласился ловить рыбу не иначе какъ съ берега и на удочку.

Они сошли внизъ, гдѣ ихъ ожидалъ роскошный банкетъ, и собравшіеся гости встрѣтили ихъ дружными поздравленіями. Мистеръ Бэйнъ, теперь уже не шкиперъ Бэйнъ, а купецъ, котораго ожидали въ жизни разныя почести, обыкновенно щедро расточаемыя капиталу, почувствовавъ себя въ этой новой роли совершенно счастливымъ. Мистриссъ Бэйнъ, разрумянившаяся отъ счастья и гордости, была чрезвычайно любезна и даже не разсердилась, когда ей сообщили, что Вильямъ-Эннери, собравъ всѣхъ самыхъ грязныхъ ребятишекъ въ Винкапсъ-Ярдѣ, отправился въ старый коттэджъ Бэйна и устроилъ тамъ представленіе только-что изобрѣтеннаго имъ фарса, который назывался такъ: «Кто похитилъ шкипера?».

IV.

«Упрямая Мэри».

— Я говорилъ вамъ, что оно придетъ,—сказалъ шкиперъ и владѣлецъ «Упрямой Мэри».—Никто меня не увѣритъ въ томъ, что когда у насъ бываетъ такое лѣто, какъ въ нынѣшнемъ году, что мы не расплатимся за него осенью. Еще бы! Розъ безъ шиповъ не бываетъ, также какъ великолѣпное лѣто несетъ намъ на хвостѣ своемъ бурю и непогоду.

Такъ-то всегда,—продолжалъ онъ задумчиво,—когда все кончено, только тогда и замѣтишь бѣду. Выбери-ка снасти, пойдемъ напрямикъ, дѣлать нечего! Ого! Какъ на востокѣ темнѣетъ! Эта буря, видно, ужь не одинъ день гуляетъ и не умолкнетъ, я думаю, пока Сѣверное море не напрыгается вволю. Слушайте, молодцы, живѣй, надо идти домой. Наша «Упрямая Мэри» тоже стосковалась по берегу и, навѣрное, не хуже насъ, грѣшныхъ, обрадуется, когда мы войдемъ въ портъ!

— Но вѣдь дуетъ-то восточный, не такъ ли?—перебилъ шкипера помощникъ.

— Ну, такъ что же?

— Какъ же мы войдемъ въ гавань Скарборо при восточномъ вѣтрѣ?—продолжалъ помощникъ.—Подумайте, какая тамъ волна будетъ!

— Объ этомъ я подумаю, когда будетъ въ виду Скарборскій замокъ,—возразилъ шкиперъ.—Слушайте, Чарли, ступайте-ка къ себѣ и предоставьте мнѣ управлять кораблемъ. Я войду въ гавань или разобьюсь въ щепки, слышите ли!

— И потопите насъ всѣхъ?

— Не все ли равно, гдѣ тонуть,—сказалъ шкиперъ,—въ виду своихъ гнѣздъ, при входѣ въ гавань, или здѣсь, на Доггеръ-Банкѣ?

— Насъ ни за что не впустятъ,—продолжалъ настаивать помощникъ,—они зажгутъ костеръ, чтобы указать, что входъ закрытъ, и мы пойдемъ ко дну, никто не выйдетъ спасать насъ.

— Никто не будетъ зажигать костеръ и не дастъ мнѣ сигнала уходить изъ порта,—возразилъ съ сердцемъ шкиперъ,—я не какая-нибудь лондонская баржа, чтобы мнѣ сигналировали «вонъ», потому что въ морѣ волненіе.

— Это не простое волненіе,—замѣтилъ помощникъ.—Съ такимъ вѣтромъ идти къ восточному берегу значитъ идти на вѣрную смерть. Вы вѣдь знаете, какая участь постигла «Симли», когда его шкиперъ хотѣлъ войти въ гавань, несмотря на зажженный костеръ.

— Такъ развѣ «Симли» могъ сравняться съ «Упрямой Мэри»!—возразилъ опять шкиперъ.—Его шкиперъ былъ шотландецъ и у нихъ не было фалшь-борта. Вотъ тоже! «Упрямая Мэри» и какая-то шотландская лодка для ловли сельдей.

— А забыли про «Гордость Богачей», перевернувшуюся вверхъ килемъ у самаго мола? Тогда тоже зажигали костеръ, но на суднѣ этого не приняли во вниманіе, и сигналы, что подавали съ маяка, тоже не помогли, и всѣ перевернулись, а на слѣдующій день къ берегамъ прибило ихъ мертвыя тѣла. Вся команда погибла.

— Не держали правильнаго курса, вотъ почему и погибли,—стоялъ на своемъ несговорчивый шкиперъ.—Барлоу всегда теряется, когда необходимо сохранить присутствіе духа. Однако, знаете что, Чарли, вы прежде никогда такъ не разговаривали. Что это значитъ, а? Почему такая перемѣна? Вы меня удивляете. Про васъ всѣ говорили, что вы настоящій морякъ и достойны плавать съ сумасшедшимъ Дикомъ.

Помощникъ шкипера промолчалъ.

— Ага, понимаю!—сказалъ шкиперъ.—Все дѣло въ молодой женѣ, я и позабылъ. Видите, какъ я былъ правъ, когда говорилъ, что солдату и моряку никогда не слѣдуетъ жениться. Только вѣдь ваша жена умница и скорѣе согласится видѣть васъ входящимъ въ гавань съ рискомъ

быть разбитымъ, чѣмъ болтающимся вокругъ Скарборо невѣсть сколько времени.

— А если идти на Ярмутъ или въ Хумберъ-Маусъ?—спросилъ помощникъ.

— Да, а сколько времени намъ придется потратить, чтобы дойти туда? Кромѣ того, я не достаточно знакомъ съ гаванью Хумберъ-Маусъ, а что касается Ярмута, то какъ же вы войдете туда во время отлива? Слушайте, Чарли, бросьте-ка всѣ ваши глупости и приготовьтесь къ тяжелой работѣ, которая намъ всѣмъ предстоитъ, пока мы доберемся до Іоркшайрскаго побережья. Сегодня пятница, скоро ужь стемнѣетъ. Слушайте, если въ воскресенье утромъ вы рука-объ-руку съ вашей женой не будете слушать проповѣдь въ церкви, то я буду не шкиперъ Ричардъ Дженкинсъ, а чортъ знаетъ кто. Ступайте посмотрите, зажжены ли боковые огни. Глупая трата керосина зажигать ихъ въ такое время, но все же это можетъ спасти насъ отъ какой-нибудь дьявольской западни.

Помощникъ, не возражая болѣе, отправился къ своей работѣ. Ночью «Упрямая Мэри», съ зарифленными парусами, тяжело ныряла въ бушующемъ морѣ.

Всю эту ночь Дженкинсъ самъ стоялъ у руля, направляя «Упрямую Мэри», и ни разу не взглянулъ на высоко поднимавшіяся сердитыя волны.

Внизу, въ каютѣ, спала команда. Люди улеглись на полу, поближе къ печкѣ, на которой кипѣлъ котелокъ съ водой, и крѣпко спали, позабывъ о непогодѣ.

Когда ночная тьма окончательно сгустилась, а разразившаяся буря достигла страшной силы, команду разбудилъ грубый голосъ шкипера и стукъ его тяжелыхъ сапогъ о палубу.

Помощникъ проснулся первымъ и, протирая глаза, вскочилъ на ноги, отряхивая капавшую съ него воду. Затѣмъ онъ растолкалъ остальную команду, и всѣ они одинъ за другимъ выползли наверхъ по крутой желѣзной лѣсенкѣ, которая вела на палубу. Одинъ только юнга, онъ же и поваръ, былъ оставленъ внизу. Внезапный сильный толчокъ отбросилъ его въ сторону печки и онъ обжегъ себѣ пальцы о желѣзо.

— Имъ тамъ, наверху, похуже этого достается,—пробормоталъ онъ въ видѣ самоутѣшенія, опуская пальцы въ жестянку съ деревяннымъ масломъ. Облегчивъ такимъ образомъ боль, онъ поставилъ котелокъ на огонь, чтобы приготовить кофе для команды.

«Шкиперъ крѣпитъ паруса, — думалъ онъ, бросая въ чайникъ пригоршню кофе, сильно подмѣшаннаго цикоріемъ; въ чайникѣ оставались еще остатки чая, но юнга и не подумалъ выполоскать его.—И я бы такъ поступалъ, если бы былъ шкиперомъ «Упрямой Мэри». Господи, вотъ такъ буря!».

Налетѣвшій шквалъ потрясъ въ это время судно, которое содрогнулось и заскрипѣло по всему корпусу.

«Чего это они тамъ орутъ?», съ невольнымъ страхомъ подумалъ юнга.

Громкій крикъ покрылъ на минуту завыванье вѣтра и шумъ бушующихъ волнъ, и мальчикъ догадался, что снесло человѣка. Могучая стихія похитила его, полнаго жизни, и предала внезапной жестокой смерти.

Порывъ бури, потрясшій минуту тому назадъ судно, смылъ матроса

съ палубы, и теперь онъ, навѣрное, достигъ уже дна, притянутый своими тяжелыми сапогами и плащомъ.

— Держись, держись!—кричалъ въ изступленіи шкиперъ и, передавъ руль помощнику, бросился къ тому борту, съ котораго, какъ онъ видѣлъ, снесло матроса въ воду.

Однако, протянутый имъ шестъ не могъ помочь, такъ какъ въ эту минуту утопающаго покрыло водой.

— Держись! — кричалъ шкиперъ, зорко вглядываясь въ волны, но никто не отвѣчалъ, и онъ пошелъ назадъ. — Мы ничего не можетъ сдѣлать для него. Чарли, отдайте мнѣ руль и идите внизъ. Не надо рисковать болѣе, чѣмъ это требуется, а никто не знаетъ, когда опять налетитъ шквалъ и снесетъ всю палубу.

Онъ взялся за руль, а Чарли спустился въ каюту въ ожиданіи своей очереди. Команда послѣдовала за нимъ. Они сдѣлали все, что могли, и шкиперъ остался одинъ на палубѣ.

Внизу они собрались въ кучку и отрывисто, странными голосами разговаривали о томъ, кто еще полчаса тому назадъ, полный жизни и удальства, находился среди нихъ. Вскорѣ, однако, послышался голосъ шкипера, звавшаго опять помощника.

— Подите сюда и будьте со мной до утра,—просилъ Дженкинсъ.—Я не могу оставаться теперь одинъ, мнѣ такъ и кажется, что бѣдный Данъ каждую минуту выглядываетъ изъ волнъ.

Чарли помѣстился около шкипера. Они не обмѣнялись ни однимъ словомъ. Ничто не нарушало этого молчанія. Стало разсвѣтать.

— Теперь толкуйте о томъ, что насъ не впустятъ въ портъ, — воскликнулъ вдругъ шкиперъ,—да я, кажется, соглашусь перескочить вмѣстѣ съ судномъ черезъ мостъ, чѣмъ провести опять такую ночь въ морѣ!

— Все равно,—сказалъ Чарли,—если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ и для меня бы зажгли костеръ, я бы ушелъ и не пытался войти. Вѣдь это значитъ искушать Провидѣніе.

— Подумайте только о томъ, что вы говорите!—воскликнулъ шкиперъ.—Мы находимся у самаго берега и нигдѣ на всемъ этомъ безконечномъ побережьи не найдется ни одного заливчика, гдѣ бы могло укрыться даже такое суденышко, какъ «Упрямая Мэри». И еще, кромѣ того, для насъ же зажгутъ костеръ въ видѣ сигнала, что о насъ некому позаботиться. И это христіанская страна! Не говорите этого! Развѣ возможно, чтобы христіане поступали такимъ образомъ?

— Можетъ быть, они не понимаютъ, — замѣтилъ помощникъ шкипера.

— Можетъ быть, а можетъ быть, они не хотятъ понимать, не желаютъ,—возразилъ Дженкинсъ съ горькой усмѣшкой.—Клянусь святымъ Георгіемъ, если бы я могъ, я бы заставилъ каждаго изъ отвѣтственныхъ по гавани лицъ пробыть на суднѣ такую ночь, какъ эта. Пусть погуляютъ по Сѣверному морю въ бурю. Небось, когда ихъ хорошенько потреплетъ, то, вернувшись, они настроятъ прибѣжищъ для кораблей на каждыхъ пяти миляхъ вдоль берега. Надо перетопить половину этихъ господъ, чтобы они поняли и стали внимательнѣе. — Шкиперъ коснулся предмета, который согрѣвалъ его не въ примѣръ болѣе принесеннаго ему юнгой кофе. — Конечно, — продолжалъ онъ,—это очень легко запалить костеръ и предоставить какому-нибудь бѣднягѣ-рыболову либо тонуть,

либо носиться по морю, пока оно не успокоится. Они палятъ костеръ для чего? Потому что входъ въ гавань опасенъ. А почему онъ опасенъ? Я войду во что бы то ни стало и ни за что не остановлюсь. Подумать только, что ни одинъ буксиръ не выйдетъ къ намъ навстрѣчу! Не посмѣетъ, боится бури! Тоже гавань, чортъ бы ее побралъ! И въ хорошую-то погоду пропустить приливъ, такъ и то бѣда, а ужь въ бурю это не гавань, а крысоловка. Пришло время показать имъ, что у нихъ за гавань. Я это сдѣлаю, хотя бы мнѣ пришлось потерять свою «Упрямую Мэри». Я готовъ ее расшибить на куски, лишь бы хорошенько проучить ихъ.

— Вы свернете себѣ шею для того, чтобы плюнуть имъ въ лицо,— сказалъ ему на это Чарли,—и сыграете плохую штуку со всей командой.

— А развѣ съ нами не можетъ случиться то же самое, что случилось съ бѣднымъ Вилькинсомъ въ мартѣ? Ему запалили костеръ и онъ метался по морю цѣлую ночь, а при слѣдующемъ приливѣ ему опять запалили костеръ. И въ третій разъ ему подали тотъ же сигналъ, а буря была ужасная и вмѣсто парусовъ у него болтался остатокъ какой-то тряпки! И что же? Всѣ они истомились, полузамерзли и не могли больше управлять судномъ, такъ что когда его прибило волной къ берегу, то на немъ не оказалось ни одного человѣка въ живыхъ! Вотъ это-то и заставило меня поклясться, что я никогда больше не послушаюсь ихъ проклятаго костра. Они могутъ палить его сколько угодно, а я пойду прямо на него. Я знаю, что я дѣлаю.

Послѣ такого заявленія, нечего было и возражать. Чарли взглянулъ на суровое лицо шкипера, на которомъ была написана непреклонная воля, и понялъ, что ему не разубѣдить его. Правильно или нѣтъ, но онъ принялъ твердое рѣшеніе, и Чарли со вздохомъ умолкъ, посылая въ душѣ мольбы къ Всевышнему, чтобы укротить бурю и не взыскивать слишкомъ строго съ «сумасшедшаго Дика».

День прошелъ сравнительно спокойно, слѣдующая ночь тоже, и рано утромъ въ воскресенье на туманномъ сѣромъ горизонтѣ показался берегъ и сѣрыя развалины стараго замка на горѣ.

— Скарборо! Наконецъ-то, слава Богу!—воскликнулъ шкиперъ.

— Несомнѣнно, это Скарборо, — подтвердилъ его помощникъ.— Только они насъ ни за что не впустятъ при такомъ волненіи. Они зажгутъ костеръ.

— Я сказалъ, что я войду,—закричалъ шкиперъ,—пусть запалятъ хоть цѣлый адъ, но я войду!

Шкиперъ былъ самъ не свой. Два дня и двѣ ночи онъ боролся съ бурей и за все это время не сходилъ съ палубы. Его клеенчатый плащъ давно уже пересталъ его защищать отъ дождя и его мокрая одежда, тяжелая и холодная, прилипла къ тѣлу. Онъ промокъ насквозь съ головы до ногъ.

Судно такъ же сильно пострадало. На немъ не было сухого уголка, не было возможности развести огонь, нельзя было обогрѣться, укрыться отъ пронизывающаго холода. Убогое, мрачное, мокрое, оно казалось сродни темному, непривѣтливому, унылому морю, по которому оно плыло.

Дженкинсъ вспомнилъ о небольшомъ коттэджѣ подъ горой, въ которомъ онъ жилъ, о небольшой комнаткѣ, которая казалась ему верхомъ комфорта... Ему вспомнился яркій огонь камина, ровный, ласковый свѣтъ лампы, ярко-красная занавѣска, которую онъ собственноручно

прибилъ къ окну, и широкая постель въ тепломъ углу у камина, и сравнивая это блаженное воспоминаніе съ ужасомъ настоящей минуты, онъ поклялся еще разъ, что лучше подвергнуться смертной опасности, чѣмъ продолжать блужданіе по морю.

Буря все усиливалась, и въ короткіе промежутки, когда вѣтеръ стихалъ, какъ бы набираясь силъ для новаго порыва, до ушей находившихся на суднѣ моряковъ доносился шумъ монотоннаго прибоя волнъ о берегъ.

— Слышите,—воскликнулъ помощникъ, обращаясь къ шкиперу,— вотъ вамъ предостереженіе, слышите, съ какой силой бьетъ прибой? Что же вы попрежнему думаете входить въ гавань?

Шкиперъ утвердительно кивнулъ головой.

— Черезъ часъ начнется приливъ,—продолжалъ Чарли,— и волны будутъ, какъ сумасшедшія, биться о восточный молъ. Онѣ покроютъ его, какъ же вы найдете входъ? Что вы будете дѣлать?

— Рискну и пойду наугадъ,—отвѣтилъ шкиперъ.

— Они замѣтили насъ,—воскликнулъ вдругъ помощникъ,—смотрите, они зажигаютъ костеръ!

— Пускай себѣ зажигаютъ,—пробормоталъ шкиперъ.—Это не для насъ, а для той барки, что идетъ вслѣдъ за нами. Посмотрите на бѣдняжку.

Онъ указалъ на югъ, и Чарли увидалъ барку съ одной бизанью, направлявшуюся къ замковой скалѣ. Старая барка плясала дикую пляску по волѣ вѣтра, и опытный глазъ Чарли сейчасъ же понялъ, что одно только чудо могло спасти ее.

— Она подаетъ сигналъ о бѣдствіи,—сказалъ шкиперъ.—Если бы я могъ къ ней приблизиться, но я едва могу держать свое судно на водѣ. Идите ко мнѣ наверхъ, Чарли, остальные пусть дожидаются внизу.

Помощникъ взялся за руль.

— Ну, теперь предстоитъ самая трудная работа,—замѣтилъ шкиперъ.—Надо спѣшить и попасть въ спокойную полосу, если это возможно. Если же мы промахнемся, тогда конецъ: судно перекувырнется.

— Барка подаетъ сигналъ за сигналомъ, — оглянувшись, сказалъ Чарли.—Эге, слышите, звонятъ на берегу, то-то теперь оживится гавань.

Чарли былъ правъ. Барка, которую какой-то роковой силой влекло къ берегу, была замѣчена, и начальникъ гавани первый увидалъ ее съ галереи маяка. Онъ послалъ человѣка съ приказаніемъ приготовить спасательную лодку и также приказалъ буксирному пароходу развести пары, чтобы быть готовымъ на случай, если потребуется. Когда слухъ о гибнущей баркѣ разнесся по берегу и на немъ собралось до тысячи человѣкъ, изъ туманной мглы вдругъ совершенно неожиданно вынырнула «Упрямая Мэри».

— Зажечь костеръ!—приказалъ начальникъ гавани.

Сейчасъ же на молѣ набросали сухія старыя доски и, обливъ ихъ керосиномъ и дегтемъ, зажгли ихъ. Громадный столбъ чернаго дыма и пламени высоко поднялся надъ моломъ.

— Они, навѣрное, уже замѣтили костеръ,—сказалъ разводившій его человѣкъ,—а впрочемъ, вотъ имъ еще на закуску.

Съ этими словами онъ опрокинулъ полную жестянку керосина на костеръ; яркое пламя взвилось кверху, но въ ту же минуту нахлынувшая волна покрыла каменный молъ и горѣвшій на немъ костеръ.

Вода цѣлымъ потокомъ устремилась съ мола на пристань. Костеръ потухъ, загорѣвшіяся доски съ зловѣщимъ шипѣньемъ погрузились въ воду и минуту спустя, обугленныя и почернѣвшія, онѣ въ безпорядкѣ валялись уже на берегу.

— Судно, навѣрное, замѣтило огонь,—продолжалъ разсуждать вслухъ разводившій костеръ, думавшій болѣе о входившей въ гавань «Упрямой Мэри», чѣмъ о гибнувшей баркѣ.

— Однако, оно не обращаетъ никакого вниманія и не даетъ отвѣта,— сказалъ стоявшій вблизи шкиперъ буксирнаго парохода.

— Все равно, никто не осмѣлится войти въ этакую погоду въ гавань, развѣ сумасшедшій.

— Такъ что же,—возразилъ шкиперъ парохода,—развѣ на борту у нихъ не сумасшедшій человѣкъ? «Упрямая Мэри» это самое подходящее названіе для судна сумасшедшаго Дика Дженкинса. Сколько, однако, на немъ парусовъ, онъ всего только наполовину убавилъ ихъ.

Они съ любопытствомъ слѣдили за судномъ, которое, тяжело маневрируя, повернуло ко входу въ гавань и скорѣе ползло, нежели шло впередъ. Съ каждой волной оно приближалось къ тому, что наблюдавшіе за нимъ люди на молѣ называли вѣрной гибелью. Судно было не въ состояніи найти входъ въ гавань, такъ какъ волна заливала молъ и конецъ его временами совершенно исчезалъ подъ массою кипящей пѣны. Единственной надеждой для «Упрямой Мэри» было проскочить въ секунду затишья между двумя валами, но вѣроятнѣе всего, что судно будетъ подхвачено однимъ изъ громадныхъ валовъ и прибито къ берегу разбитой, никуда не годной скорлупой.

О баркѣ никто и не вспоминалъ, несмотря на то, что съ нея сломало бугшпритъ и ее несло въ сторону.

— Она войдетъ!—воскликнулъ шкиперъ парохода, подразумѣвая «Упрямую Мэри».

— Никогда она не обогнетъ мола!—возразилъ одинъ опытный морякъ.

— Буксиръ его подтянетъ, если сумасшедшій Дикъ сумѣетъ подойти къ нему,—замѣтилъ одинъ изъ мѣстныхъ обывателей, съ морскимъ складомъ ума, совершавшій иногда, въ хорошую погоду, прогулку на буксирѣ.

— Я увѣренъ, что они войдутъ!—закричалъ опять шкиперъ парохода.—Смотрите, они вдвоемъ стоятъ у руля. Эге, Чарли, очевидно, еще будетъ жить и цѣловать свою женку.

— Ш-ш...—перебилъ его старый рыбакъ громкимъ шепотомъ и значительно взглянулъ на шкипера.

Тотъ обернулся и увидалъ молодую жену помощника на «Упрямой Мэри», одиноко стоявшую позади нихъ. Блѣдная, она, какъ во снѣ, не шевелясь, смотрѣла на борьбу судна со стихіей.

— Вотъ эта или спасетъ, или погубитъ ихъ,—произнесъ шкиперъ, указывая на громадную волну, которая яростно надвигалась прямо на судно.

Море съ новой силой устремилось на «Упрямую Мэри», когда она подходила къ молу. На секунду судно, казалось, повисло на гребнѣ волны какъ бы въ нерѣшительности, что предпринять. Шкиперъ и его помощникъ вмѣстѣ увидали приближеніе опасности, но, несмотря на пережитыя испытанія, духъ борьбы не покинулъ ихъ.

— Держите по вѣтру!—гремѣлъ шкиперъ.

Напрягая послѣднія силы, онъ круто повернулъ руль и вмѣстѣ со своимъ помощникомъ всѣми силами удерживалъ его въ данномъ положеніи.

Волна устремилась на нихъ. Непреодолимая, мутная, желтая, угрожающая стѣна вынырнула вдругъ изъ туманной дали. Она налетѣла съ такой силой, что всѣ видѣвшіе это подумали, что судно превратилось въ обломки. Одни только верхушки мачтъ и реи были видны, когда оно почти легло набокъ, и волны одна за другой перекатывались черезъ палубу, словно проходили насквозь судна.

— Я зналъ, что оно не выдержитъ,—печально потряхивая головой, замѣтилъ старый рыболовъ.

Жена помощника вскрикнула и замертво свалилась на землю.

Шкиперъ парохода бросился къ ней и началъ приводить ее въ чувство.

— Онъ не погибъ еще, успокойтесь... Тамъ старый Никъ съ буксиромъ, который дотянетъ судно до берега. Если «Упрямая Мэри» выдержала такую штуку, то она все выдержитъ. Смотрите, оно уцѣлѣло и продолжаетъ путь въ гавань! Буксиръ подберетъ ихъ и привезетъ вамъ вашего Чарли.

— Да, если его не снесло въ морѣ,—мрачно проговорилъ старый рыбакъ,—я такъ думаю, что эта волна всѣхъ до единаго снесла съ палубы.

— Поди и утопись, старая ворона! — крикнулъ шкиперъ.—Теперь, дорогая мистриссъ, идите-ка домой, а я поскорѣе поспѣшу направить къ вамъ Чарли.

«Упрямая Мэри», совершенно изломанная, была подхвачена теченіемъ и отброшена за молъ, гдѣ стоялъ буксиръ; послѣдній храбро пошелъ ей навстрѣчу и подтянулъ судно къ берегу, привѣтствуемый общими радостными кликами, которые заглушили на минуту ревъ бури.

— Все ли благополучно? Всѣ ли цѣлы? — спросилъ начальникъ гавани.

— Кромѣ бѣднаго стараго Дана: его снесло волной. Слава Богу, что онъ былъ одинъ, какъ перстъ, ни жены, ни дѣтей. Мнѣ съ Чарли пришлось не легко, обвѣтрились немного, но теперь уже хорошо; что же касается судна, то оно застраховано, такъ что и тутъ все обстоитъ благополучно,—добавилъ Дженкинсъ,—я очень радъ, что оно уцѣлѣло, потому что я люблю свою «Упрямую Мэри» всей душой! Ну, Чарли, теперь удирайте скорѣе къ своей молодухѣ, я увѣренъ, что она васъ ждетъ не дождется!

— Еще бы,—потвердилъ шкиперъ парохода.—Идите скорѣе, я самъ помогу старому Дику все здѣсь разобрать.

Чарли не заставилъ себѣ повторять два раза это разрѣшеніе и быстрыми шагами направился къ своему коттэджу. Когда онъ дошелъ до дома, то у него хватило какъ разъ настолько силы, чтобы перешагнуть порогъ, поцѣловать жену и свалиться на диванъ, на которомъ онъ тотчасъ же и заснулъ. Жена его усѣлась рядомъ и не будила его до поздняго вечера.

— Нечего сказать, хорошая погодка была, старый Дикъ,—замѣтилъ шкиперъ парохода, поднимаясь на палубу «Упрямой Мери».

— Да, — отвѣтилъ Дженкинсъ, который уже началъ забывать о

только-что перенесенныхъ испытаніяхъ.—Покачало-таки. Вѣтеръ порядочно бѣды натворилъ, вонъ сколько поломалъ да разрушилъ. Конечно, страховка все это покроетъ! Ну лацно, теперь я пойду цомой, а то вѣдь я почти шестьдесятъ часовъ не спалъ!

Онъ отправился къ своему коттэджу, въ которомъ была всего одна комната, спустилъ собственноручно прибитыя имъ красныя занавѣси, разложилъ на столѣ старую газету, такъ какъ хотѣлъ не только вкусно, но и съ комфортомъ напиться горячаго чая и съѣсть нѣсколько пшеничныхъ лепешекъ, которыя онъ клалъ въ ротъ парами. Подкрѣпившись, онъ съ наслажденіемъ завернулся въ сухое, теплое одѣяло и, растянувшись на кровати, скоро захрапѣлъ.

Рано утромъ на слѣдующій день шкиперъ всталъ другимъ человѣкомъ. Онъ вновь насладился своимъ удивительнымъ комфортомъ и продолжилъ это наслажденіе послѣ утренняго чая, сидя съ трубкой у горящаго камина и грѣя у огня свои прозябшія ноги. Стаканъ виски довершилъ его блаженство. Затѣмъ онъ отправился на пристань и тамъ съ товарищами прошелся по молу. Погода къ этому времени совершенно перемѣнилась и море тихо плескалось подъ лучами яркаго солнца. Конецъ мола былъ совершенно черенъ отъ пролитаго на вчерашній костеръ дегтя. Дженкинсъ увидѣлъ эти слѣды и вспоминалъ обстоятельста, вызвавшія зажиганіе этого костра, какъ вспоминаютъ скверный сонъ.

— Эй, Дикъ, — крикнулъ ему одинъ изъ его пріятелей, также старый шкиперъ,—ты, однако, молодецъ! Вчера была скверная погода, я никогда не думалъ, что ты войдешь въ гавань.

— Я тоже не думалъ, что войду,—отвѣтилъ сумасшедшій Дикъ,—но такъ какъ я вошелъ, то теперь объ этомъ нечего говорить. Къ тому же въ это время года мы должны ожидать скверную погоду, это не болѣе какъ расплата за слишкомъ хорошее лѣто...

V.

Пираты.

Шкиперъ рыболовнаго парохода «Предпріимчивый» перевелъ взглядъ съ аспидной доски и грифеля, которыя онъ держалъ въ рукѣ, на голландскую канонерку, охранявшую голландскія территоріальныя воды. Шкиперъ рѣшалъ ариѳметическую задачу и, помогая мозговой работѣ, онъ пососалъ грифель и почесалъ у себя за ухомъ.

— Вотъ мой подсчетъ,—сказалъ онъ, прерывая царившее молчаніе, вынувъ грифель изо рта и упорно смотря на доску.—Нуль и нуль—нуль, два и два—четыре, и три—семь, и четыре... семь и четыре... семь и четыре...

— Двѣнадцать!—подсказалъ помощникъ.

— Двѣнадцать. Значитъ пишемъ два и одинъ въ умѣ,—продолжалъ шкиперъ.

— Не одиннадцать ли?—нерѣшительно выразилъ нѣкоторое сомнѣніе матросъ.

— Позовите юнгу!—приказалъ шкиперъ.

Они крикнули юнгу, который явился изъ кухни, раскраснѣвшись

отъ жара и сгорая отъ любопытства; узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ сейчасъ же принялъ значительный видъ.

— Скажи-ка это, Джо,—сказалъ ему шкиперъ.—Оно, конечно, я и самъ могу, но надо провѣрить. Насъ всегда заставляли провѣрять сложенiе, когда меня посылали въ школу, а съ тѣхъ поръ вѣдь не такъ ужь много лѣтъ прошло. Въ ариѳметикѣ два ума всегда лучше одного. Цифры что твой циркуль, концы ихъ всегда далеко расходятся, если за ними не присматривать...

— Девяносто одинъ!—заявилъ юнга съ быстрой сообразительностью юнца, недавно распростившагося со школьной скамьей.

— А ты провѣрилъ?—недовѣрчиво спросилъ шкиперъ.

— Тутъ нечего провѣрять, провѣряютъ вычитанiе, ну и тамъ... другiя дѣйствiя,—отвѣтилъ мальчикъ,—но я еще разъ пробѣгу весь столбецъ сверху. Да,—добавилъ онъ черезъ нѣсколько секундъ,—девяносто одинъ. Вѣрно, какъ въ аптекѣ. То ли намъ приходилось дѣлать въ школѣ на берегу. Тамъ насъ заставляли пробѣгать одинъ столбецъ за другимъ такъ быстро, чтобъ учитель не могъ за нами поспѣть!

— Э! Тебя бы слѣдовало на ярмаркѣ показывать. Такой умница, какъ ты, скоро бы нажилъ деньги,—замѣтилъ шкиперъ.—Я разъ видѣлъ на ярмаркѣ ученаго парненка, такъ онъ складывалъ цифры, какъ добрый школьникъ.

— Это не умъ, а чутье, нюхъ,—вставилъ свое слово матросъ, дни своего дѣтства проведшiй на фермѣ.—Они такъ это дѣлаютъ: у каждой карточки съ цифрой свой запахъ. Если, напримѣръ, первый нумеръ пахнетъ помоями, то...

— Нѣтъ, это чтенiе мыслей,—безцеремонно прервалъ его шкиперъ.

— Надо еще сложить что-нибудь?—спросилъ юнга.

— Не требуется пока. Ступай внизъ, вымой посуду и смотри не оставляй много сала на кружкахъ.

Мальчикъ презрительно сплюнулъ, желая еще разъ показать, что задача, которую онъ рѣшилъ, была для него сущими пустяками и что онъ готовъ когда угодно дать новое доказательство своихъ математическихъ способностей. Затѣмъ онъ спокойно отправился внизъ къ своимъ хозяйственнымъ обязанностямъ.

— Да, онъ ученый,—одобрительно замѣтилъ шкиперъ.—Его слѣдовало бы въ банкирскую контору посадить.

— Ну,—спросилъ помощникъ, до тѣхъ поръ больше молчавшiй,—стоитъ ли овчинка выдѣлки?

— Тутъ-то и закорючка,—отвѣтилъ шкиперъ.—Снасти стоятъ семьдесятъ одинъ фунтъ, и, я полагаю, фунтовъ на двадцать насъ оштрафуютъ, если поймаютъ. О тюрьмѣ я ужь не упоминаю. Это составитъ всего девяносто одинъ фунтъ. Значитъ, какъ я и доказалъ на доскѣ, если эта старая канонерка насъ поймаетъ, они конфискуютъ наши снасти и оштрафуютъ насъ по меньшей мѣрѣ на двадцать фунтовъ. «Предпрiимчивый» тогда воротится домой остриженнымъ, какъ баранъ. Но если мы ихъ проведемъ, то заработаемъ не малую толику и для себя, и для владѣльца парохода. Какъ же быть? Давайте рѣшимъ по большинству голосовъ. Всѣ, кто за это, пусть скажутъ «да», а кто противъ, говори «нѣтъ».

Вся команда единодушно подняла закорузлыя, мозолистыя руки въ знакъ согласiя.

— Ну, а теперь кто говоритъ «нѣтъ»?—спросилъ шкиперъ, но оппозиціи не оказалось.—Нѣтчиковъ нѣтъ, — продолжалъ шкиперъ, тѣмъ лучше. Значитъ, рѣшено единогласно. Теперь я знаю, что дѣлать. Теперь 3 часа пополудни, и пусть меня не зовутъ Апльтономъ, если завтра въ это время мы не будемъ спѣшить на рынокъ въ Гримсби съ полнымъ грузомъ первосортной рыбы! Вниманіе! Сниматься съ якоря! Эта старая посудина тамъ наблюдаетъ за нами и надо быть осторожнымъ, чтобы не испортить всего дѣла.

«Предпріимчивый» повернулъ отъ берега и отошелъ прямо въ открытое море на такое разстояніе, что берега скрылись за горизонтомъ и сторожевая канонерка потеряла его совсѣмъ изъ вида. Настала ночь, и пароходъ повернулъ опять къ берегу; не зажигая огней, онъ шелъ въ голландскія воды, зорко выглядывая встрѣчныя суда, чтобы избѣжать столкновенія.

Разсчетъ у Апльтона былъ очень простой. Задача сводилась къ тому, чтобы въ территоріальныхъ голландскихъ водахъ, то есть въ районѣ трехмильнаго разстоянія отъ берега, наловить ночью какъ можно больше рыбы, которой эти воды изобилуютъ, и, не обращая вниманія на законъ и на сторожевую канонерку, отвезти эту рыбу на англійскій рынокъ, выручивъ за нее хорошую прибыль. Съ помощью своей команды онъ подсчиталъ шансы за и противъ и рѣшилъ, что дѣло стоитъ того, чтобы рискнуть. Захватъ на мѣстѣ преступленія обошелся бы ему, какъ онъ подсчиталъ, фунтовъ въ сто, но рыбы у берега было много и успѣшный ночной ловъ могъ дать ему груза фунтовъ на двѣсти.

— Къ тому же,—замѣтилъ шкиперъ послѣ рѣшенія дѣла,—занятно и рискнуть, а вѣдь на этомъ свѣтѣ безъ расплаты не получишь никакого удовольствія.

— Хозяинъ проиграетъ больше всѣхъ,—сказалъ механикъ.

— И выиграетъ тоже больше всѣхъ,—возразилъ шкиперъ.—А въ такомъ разѣ ему и несправедливо будетъ орать, если выйдетъ закорючка. Розы безъ шиповъ не бываетъ. Въ этомъ-то и логика.

— Я ея не вижу,—отвѣтилъ механикъ, какъ бы вызывая на разъясненіе.

— А я не могу пустую башку набить мозгами,—отвѣтилъ ему шкиперъ и, рѣшивъ, что этимъ онъ удовлетворительно разъяснилъ всѣ сомнѣнія, онъ сдѣлалъ послѣднія приготовленія къ ночи.

Насколько онъ могъ разглядѣть, канонерка была достаточно далеко и не могла помѣшать «Предпріимчивому» подойти близко къ берегу и спустить снасти; но ежеминутно врагъ могъ появиться и захватить непрошенныхъ гостей, а тогда оказалось бы потеряннымъ не одно только время, но пропала бы и порядочная сумма денегъ. Апльтонъ всегда возставалъ противъ дѣлежа, особенно съ иностранцами.

Тихо, чуть замѣтно двигался «Предпріимчивый». Подойдя къ берегу на разстояніе одной мили, онъ спустилъ снасти и замеръ, ожидая крупную добычу. Крупная рыба, преимущественно лучшихъ сортовъ, была распугана непрекращавшимся ловомъ, ушла съ Доггеръ-Банки и нашла себѣ пріютъ въ нейтральной полосѣ, гдѣ, въ силу закона, она была защищена отъ набѣговъ рыболовныхъ пароходовъ и парусниковъ. Поэтому когда тяжелая сѣть достигла рыбнаго царства, то она захватила огромное количество рыбы.

Обстоятельства складывались въ пользу Апльтона. Время было осеннее, ночи стояли темныя и длинныя. Какъ разъ въ эту ночь не было луны, а звѣзды не достаточно ярко свѣтили, чтобы можно было что-либо разглядѣть сквозь густую пелену туманной мглы. Глубокая тьма окутала «Предпріимчиваго», и немногіе обитатели пустыннаго берега, у котораго хозяйничалъ пароходъ, не могли его замѣтить. Шкиперъ и не боялся берега; единственной его заботой была сторожевая канонерка, и зоркимъ глазомъ онъ посматривалъ то на сѣверъ, то на югъ и западъ, откуда она могла появиться. Но отзывъ шкипера о канонеркѣ былъ справедливъ. Это была старая, глупая посудина, которой командовалъ старый, глупый капитанъ.

Однако, флегматичный голландецъ заподозрѣлъ и, какъ видно, не даромъ англійскій пароходъ, который весь день вертѣлся на его глазахъ, правда, внѣ территоріальныхъ водъ, но безъ всякаго дѣла, въ чемъ онъ положительно удостовѣрился, наблюдая за «Предпріимчивымъ» въ бинокль. Хитрый голландецъ нарочно сдѣлалъ видъ, точно онъ отошелъ на всѣхъ парахъ къ сѣверу, какъ бы совсѣмъ не замѣтивъ англійскаго судна и позабывъ о полосѣ охраняемыхъ имъ территоріальныхъ водъ. Съ веселой улыбкой на толстомъ туповатомъ лицѣ онъ наблюдалъ изъ-за высокаго укрывавшаго его мыса за приготовленіями британскаго пирата и съ сердцемъ, исполненнымъ злобы за такое посягательство на воды, принадлежащія его отечеству, онъ, отчасти прикрывъ, отчасти погасивъ огни, осторожно двинулся вдоль берега. Какъ разъ въ ту минуту, когда «Предпріимчивый» спускалъ снасти, онъ находился недалеко отъ него, у самаго берега, и выжидалъ удобной для нападенія минуты. Одно только смущало его, именно то, что до сихъ поръ онъ не успѣлъ разузнать названіе парохода и его нумеръ, а это, особенно если пароходу удастся скрыться, представляло большую невыгоду.

Осторожное приближеніе канонерки было, однако, замѣчено Апльтономъ. «Предпріимчивый» въ это время какъ разъ стоялъ не двигаясь и вытаскивалъ снасти. Громадная тяжелая сѣть, наполненная рыбой такъ, что чуть не лопалась, уже качалась на воздухѣ надъ палубой парохода. Шкиперъ намѣревался открыть мотню и выпустить уловъ на палубу, какъ вдругъ онъ поднялъ руку и прислушался. Ночь была попрежнему спокойна, и такъ какъ на «Предпріимчивомъ» все молчало, то Апльтонъ услыхалъ какой-то подозрительный шумъ.

— Что это такое?—прошепталъ онъ хриплымъ голосомъ.

— Какой-то странный звукъ!—произнесъ также тихо помощникъ.— Надо вслушаться.

— Чтобы васъ повѣсили за уши,—прошипѣлъ шкиперъ,—некогда слушать!

— Да это не пароходъ,—возразилъ помощникъ.—Въ чемъ же дѣло?

Но шкиперъ, крикнувъ «бросьте все это», выхватилъ у него маленькій, закопченый фонарикъ, при помощи котораго они работали, и выкинулъ его за бортъ, такъ какъ это былъ самый быстрый способъ погасить его.

— Закройте нумера парусомъ, Чарли!—крикнулъ Апльтонъ.—Вы, Томъ, станьте у руля и держите прямо отъ берега. На всѣхъ парахъ, Санди, валяйте самымъ полнымъ ходомъ, и мы еще уйдемъ отъ нихъ! Остальные держитесь около меня, сейчасъ начнется потасовка!

Помощникъ неловко вскарабкался по маленькой желѣзной лѣсенкѣ на мостикъ, при этомъ онъ сильно зашибъ себѣ колѣно. Несмотря на боль, онъ не издалъ ни звука и среди полнаго меракъ быстро ухватился за рулевое колесо. Въ то же время механикъ открылъ клапаны, винтъ завертѣлся, и помощникъ, повернувъ «Предпріимчиваго», направилъ его въ открытое море. Чарли, младшій помощникъ, схватилъ кусокъ паруса и закрылъ имъ нумеръ и названіе парохода на носу. Буквы и цифры на кормѣ не стоило прикрывать, такъ какъ онѣ давно уже покрылись сажей и ихъ нельзя было разобрать. Остальная команда, включая и юнгу, столпилась около шкипера, который зорко всматривался, перегнувшись черезъ правый бортъ.

— Ага! Я думалъ, что слышу ихъ, теперь я ихъ вижу!—воскликнулъ онъ.

Не успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ желѣзный багоръ, закинутый умѣлой рукой, зацѣпился за бортъ парохода какъ разъ около руки шкипера. Громкіе, сердитые голоса нарушили царившую тишину, и кто-то на чистомъ англійскомъ языкѣ приказалъ шкиперу остановиться.

Не отвѣчая, шкиперъ схватилъ багоръ за крюкъ и, напрягая всѣ силы, оттянулъ его и отбросилъ въ сторону, но въ шлюпкѣ всѣ люди уже стояли на ногахъ, и дюжина рукъ схватилась за бортъ. Въ то же время яркій свѣтъ внезапно освѣтилъ пароходъ и сосредоточился на носу у него. На шлюпкѣ, очевидно, желали узнать названіе парохода и его нумеръ, но парусъ скрылъ это отъ нихъ, и голландцевъ постигла первая неудача.

— Остановите немедленно машину, или я буду стрѣлять по васъ!— загремѣлъ съ шлюпки чей-то сердитый голосъ, вѣроятно, голосъ командовавшаго ею офицера.

Вмѣсто отвѣта шкиперъ въ свою очередь громко заоралъ:

— Руби ихъ по рукамъ! Вложи имъ по самую макушку! Если хоть одинъ чортовъ сынъ взберется сюда, я его выброшу за бортъ!

Онъ схватилъ пустой ящикъ изъ-подъ рыбы и ударилъ имъ по одной изъ грубыхъ, закорузлыхъ рукъ, которыя держались за перила борта. Команда послѣдовала его примѣру и пустила въ ходъ всѣ орудія, которыя оказались подъ рукой. Джо, юнга, выскочившій изъ кухни, гдѣ онъ былъ занятъ раскатываніемъ тѣста для лепешекъ, со скалкой въ рукахъ, принялся ожесточенно колотить по рукамъ покрытой тѣстомъ скалкой, испуская пронзительные крики и вихремъ переносясь съ одного мѣста на другое. Воинственный духъ, тлѣвшій до сихъ поръ незамѣтнымъ огнемъ въ его душѣ, вдругъ вспыхнулъ яркимъ пламенемъ, и онъ наносилъ жестокіе удары вездѣ, гдѣ виднѣлись руки враговъ.

Помощникъ у рулевого колеса, услыхавъ крикъ и драку, поощрительно бранился, въ то же время направляя «Предпріимчиваго» въ открытое море, вонъ изъ территоріальныхъ водъ. Санди, механикъ, сдѣлавъ свое дѣло у машины, не утерпѣлъ и тоже вскарабкался наверхъ съ ведромъ, наполненнымъ до верху пепломъ и угольною пылью и, протиснувшись между шкиперомъ и вторымъ помощникомъ, онъ съ отмѣннымъ ругательствомъ опорожнилъ ведро на головы враговъ; пепелъ и угольная пыль ослѣпили осаждавшихъ и послѣдній изъ карабкавшихся на пароходъ голландцевъ шлепнулся внизъ съ окровавленными руками, задыхаясь отъ попавшаго ему въ ротъ пепла.

— Браво!—заоралъ шкиперъ.

— Ну-ка, ну-ка, еще, попробуйте-ка! — кричалъ юнга, отбивая своей скалкой дикую дробь по периламъ.

— Канонерка впереди!—крикнулъ помощникъ съ мостика.

Одновременно онъ повернулъ рулевое колесо, и «Предпріимчивый», повинуясь рулю, проскочилъ подъ самымъ носомъ у канонерки.

Онъ еле-еле избѣгнулъ столкновенія, но, по мнѣнію команды «Предпріимчиваго», разъ ему удалось пройти, все обстояло благополучно.

— Зажгите ваши огни, вы, тихоходы!—оралъ помощникъ на мостикѣ, очевидно, забывъ, что у «Предпріимчиваго» не было никакихъ огней.

— Остановитесь, или я буду стрѣлять! — донесся свирѣпый окрикъ изъ туманной дали.

— И тотъ то же самое говорилъ, — отвѣтилъ шкиперъ, — только стрѣлять ему нечѣмъ, руки у него поотбивали!

— Что?—переспросили съ канонерки, но слова были едва слышны.

Спрашивалъ толстый капитанъ, а за это время его канонерка успѣла уже далеко отстать отъ парохода, и онъ не разслышалъ словъ Апльтона. Но въ тонѣ ихъ нельзя было ошибиться, тонъ былъ, несомнѣнно, презрительный, и капитанъ сердито приказалъ продолжать преслѣдованіе парохода-грабителя. Въ ту же минуту до него донесся окликъ его избитаго и побѣжденнаго абордажнаго отряда, возвращавшагося къ канонеркѣ на шлюпкѣ. Задержка вызвала у капитана новый взрывъ бѣшенства, но нечего было дѣлать: пришлось остановиться и принять на бортъ команду, которой досталось-таки на орѣхи за неудачу отъ взбѣшеннаго командира.

Въ это время «Предпріимчивый» на всѣхъ парахъ летѣлъ впередъ, проложивъ курсъ на Гримсби и зажегши огни, которые, однако, сзади были заслонены такъ, чтобы съ канонерки ихъ не было видно. Санди съ младшимъ механикомъ находились въ машинномъ отдѣленіи, изо всѣхъ силъ стараясь поддерживать ровный ходъ машины; шкиперъ самъ стоялъ у рулевого колеса, а помощникъ съ командой разбиралъ и сортировалъ рыбу. Одинъ только Джо былъ внизу, въ своей кухнѣ, и, лихорадочно возбужденный пережитымъ приключеніемъ, варилъ чай и пекъ лепешки для угощенія команды, которое должно было послѣдовать за благополучнымъ окончаніемъ затѣяннаго опаснаго предпріятія.

Между тѣмъ канонерка продолжала преслѣдованіе. Спокойное выраженіе самодовольства на жирномъ лицѣ ея капитана смѣнилось гнѣвомъ и раздраженіемъ. Его старая посудина слѣпо гналась въ ночномъ мракѣ за пароходомъ, который онъ не могъ различить, названія котораго онъ не разобралъ и который, если онъ принадлежалъ къ новому типу рыболовныхъ пароходовъ, шелъ съ такою же скоростью, какъ и канонерка, если еще не съ большею.

Онъ потерпѣлъ полнѣйшую неудачу, которая къ тому же обѣщала сдѣлать капитана предметомъ насмѣшекъ. Онъ лукаво подкрался къ своей добычѣ, разсчитывая захватить ее на мѣстѣ съ поличнымъ, спустилъ лодку, разсчитывая арестовать пароходъ со всей командой, и тѣмъ не менѣе эти грабители Сѣвернаго моря, эти рыбаки-пираты съ англійскихъ береговъ летятъ себѣ на свободѣ домой съ трюмами, полными рыбы.

«Конечно,—соображалъ онъ, — снасти уже были выбраны, когда подошла шлюпка, и рыбу уже укладывали въ ящики. Но горше и хуже всего была побѣда этихъ грубыхъ рыбаковъ надъ командой военнаго судна», думалось капитану.

Капитанъ съ бѣшенствомъ стучалъ ногами и лишь отчасти успокоивался, срывая гнѣвъ на погодѣ, старой канонеркѣ и ея командѣ.

Нѣсколько часовъ преслѣдуемый и преслѣдующій летѣли одинъ за другимъ. Случайно канонерка отгадала направленіе «Предпріимчиваго», такъ какъ капитанъ рѣшилъ, что пароходъ пойдетъ въ Гримсби. На разсвѣтѣ команда «Предпріимчиваго», отдохнувшая и подкрѣпленная угощеньемъ, стала всматриваться въ горизонтъ, отыскивая своего преслѣдователя. Съ неменьшимъ вниманіемъ вглядывались въ горизонтъ матросы на канонеркѣ, отыскивая бѣглеца. И они увидали другъ друга, но въ то время, какъ канонерка могла только подозрѣвать, что это преслѣдуемый ею пароходъ, «Предпріимчивый» отлично зналъ, что это преслѣдующая его канонерка. Толстый голландецъ соображалъ, что это могъ быть обыкновеннѣйшій и честнѣйшій рыболовный пароходъ, спѣшащій дойти съ уловомъ, а Апльтонъ отлично зналъ, что сзади него идетъ его врагъ—канонерка.

— Чего тамъ, — замѣтилъ онъ, — мы имъ свободно можемъ дать впередъ по узлу въ часъ. Мы скоро уйдемъ отъ нихъ совсѣмъ.

— Но даже если они и догонятъ насъ, то ничего не докажутъ, — отвѣтилъ помощникъ.—Вѣдь они не знаютъ ни названія, ни нумера нашего парохода, а знаковъ послѣ вчерашней драки ни на комъ изъ насъ не осталось.

— Да,—усмѣхнулся шкиперъ,—всѣ знаки достались на ихъ долю. Кто багромъ, кто скалкой, а кто доской отъ ящика; всѣмъ досталось на орѣхи.

— Хорошо, что имъ не удалось взобраться на палубу,—замѣтилъ помощникъ.

— Хорошо,—подтвердилъ шкиперъ,—а то бы пришлось ихъ въ море побросать, а я не люблю переступать законъ въ томъ, что касается членовредительства и человѣкоубійства. Побороться это ничего, это въ порядкѣ вещей... къ тому же, какого чорта лѣзли они на чужое судно?

— Правда!—согласился помощникъ.—Къ чему было имъ самоуправничать и зариться на чужое добро? Они къ намъ пришли незванные, ну, понятно, мы ихъ малость и проучили.

— Конечно! Если бы они не полѣзли къ намъ, мы бы ихъ и не тронули,—заявилъ шкиперъ, благодарный за нравственную поддержку, найденную у помощника.

— Рыба необходима человѣческому роду,—продолжалъ свои разсужденія помощникъ.—Она поддерживаетъ бѣдняковъ-рыболововъ, и наша обязанность ловить ее. Никакого извиненія для рыбы нѣтъ, если она подплываетъ къ берегамъ ближе, чѣмъ на три мили. А развѣ Англіи не требуется больше рыбы чѣмъ голландцамъ? Вѣдь англичанъ-то много больше и ѣсть имъ тоже надо и пищи имъ больше требуется.

— Вообще я законовъ не переступаю,—сказалъ шкиперъ,—но этого закона, который воспрещаетъ ловить рыбу въ трехъ миляхъ отъ берега, я держаться не могу.

— Вѣдь разрѣшаютъ же разнымъ иностранцамъ ловить рыбу у шотландскихъ береговъ, гдѣ мы ея не можемъ ловить,—добавилъ помощникъ,—отчего же намъ-то не позволяютъ ловить рыбу въ чужихъ водахъ?

— О Шотландіи я и вспомнить не могу,—съ негодованіемъ заявилъ шкиперъ.—Пускать туда иностранцевъ это просто подло! Ну и досталось же имъ отъ насъ, чортъ ихъ побери!—Онъ громко засмѣялся, съ удовольствіемъ соображая величину своего улова и подсчитывая въ умѣ барышъ, который онъ получитъ на рынкѣ.—Надо будетъ это опять на доскѣ подсчитать,—сказалъ онъ и, поставивъ матроса у руля, спустился въ каюту.

Тамъ, завтракая парой великолѣпныхъ камбалъ, вмѣстѣ съ помощникомъ онъ на доскѣ подвелъ итогъ своимъ барышамъ. Они оказались вполнѣ удовлетворительными, особенно послѣ провѣрки итоговъ, для которой опять былъ приглашенъ юнга Джо, совершавшій эту операцію съ благосклонною снисходительностью.

— Теперь ступай и подавай завтракъ командѣ,—отрывисто приказалъ шкиперъ, и математикъ удалился.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и, безъ всякой церемоніи войдя въ каюту, заявилъ, что, насколько онъ могъ опредѣлить, канонерка прекратила преслѣдованіе и повернула въ обратный путь.

Шкиперъ и помощникъ бросились на палубу и собственными глазами убѣдились, что преслѣдователь уже скрывается изъ вида. Дѣйствительно, толстый капитанъ, отчаявшись въ успѣхѣ, не довѣряя исправности своей машины и убѣдившись, что его угольныя ямы опустѣли, приказалъ идти въ обратный путь.

— Сойдемъ-ка на минутку внизъ,—сказалъ шкиперъ помощнику и, взявъ его по пріятельски подъ-руку, вернулся съ нимъ въ каюту, гдѣ состоялось краткое совѣщаніе.

— Ну, какъ человѣкъ съ башкой, не думаете ли вы, что мое предложеніе основательное?—спросилъ шкиперъ.

— Разумѣется,—отвѣтилъ помощникъ.—Самое лучшее помолчать и не выносить сору изъ избы. Я готовъ побиться объ закладъ, что и голландцы тоже будутъ молчать.

— Еще бы! И чѣмъ меньше мы будемъ болтать, тѣмъ спокойнѣе,—сказалъ шкиперъ.

— И тѣмъ больше надежды на успѣхъ, если мы попробуемъ это повторить,—добавилъ помощникъ.

— А мы это навѣрное повторимъ,—закончилъ бесѣду шкиперъ.

Спустя часъ вся команда поклялась блюсти тайну и не выносить сора изъ избы.

— А что касается тебя, Джо,—сказалъ шкиперъ, отведя юнгу въ сторону,—ты долженъ быть мужчиной и не болтать пустяковъ даже родной матери. Если же ты!..

— Кто? Я-то?—отвѣтилъ мальчикъ презрительно и съ досадой.— Я-то? Да пусть меня на дыбу вздернутъ, такъ и то я не проболтаюсь!

— Я такъ и думалъ!—одобрилъ его шкиперъ, потрепавъ по спинѣ.— И когда мы придемъ въ Гримсби, то получишь соверенъ. Принимая въ разсчетъ все то, что ты сдѣлалъ, я полагаю, что этого вполнѣ достаточно.

— За соверенъ я еще и не того бы надѣлалъ!—быстро согласился Джо.

— Ну, такъ говорить не годится. Ишь ты какой кровожадный мальчишка!

Шкиперъ старался говорить строгимъ тономъ, но за спиной у мальчика онъ съ восхищеніемъ мигнулъ помощнику и кивнулъ головой, указывая на Джо. Въ отвѣтъ онъ получилъ такой же одобрительный кивокъ, и помощникъ захохоталъ...

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЛЮДИ СѢВЕРНАГО МОРЯ.

Разсказы о Доггеръ-Банкѣ, Вальтера Вуда.

(Переводъ съ англійскаго Холли).

VI*).

Морская оргія.

Двѣсти парусныхъ судовъ, составляющихъ «Легкую синюю флотилію», спокойно покачивались въ Сѣверномъ морѣ. Яркое солнце пекло распущенные паруса, чуть замѣтно трепетавшіе надъ задремавшимъ океаномъ. Команда, около пятисотъ человѣкъ, считая и юнгъ, валялась безъ дѣла,—кто на палубѣ, кто въ трюмѣ. Одни пили чай изъ громадныхъ кружекъ, другіе курили, иные, наконецъ, созерцали безконечное темно-синее пространство океана или безоблачное прозрачное небо.

Вдали, налѣво, Гельголандъ высился надъ моремъ, точно громадный корпусъ сказочнаго корабля безъ мачтъ. Около самаго берега стояло небольшое судно, на которомъ былъ поднятъ флагъ. Множество плоскихъ большихъ и малыхъ барокъ роились вокругъ него; вся палуба судна была запружена рыболовами и матросами, которые или пили, или кричали, требуя еще виски и грогу. Судно это—пловучій кабакъ изъ Текселя. Грузъ его состоялъ изъ рома и бранди, джина, анисовки и виски, цѣной отъ шиллинга до двухъ съ половиной за бутылку. Шкиперъ, самодовольный толстый голландецъ, управлялъ судномъ и въ то же время торговалъ за наличныя деньги, пока онѣ имѣлись у рыбаковъ. Когда же средства изсякали, то онъ добродушно принималъ плату натурой. Такъ, часто покупалъ онъ за безцѣнокъ снасти и сѣти, а если онѣ не годились, то онъ не брезговалъ и другими предметами, какъ-то: одеждой и сапогами и другими вещами. Вообще онъ не упускалъ покупателя.

Толстый голландецъ потиралъ себѣ руки и весело посмѣивался, глядя на яркое солнышко, которое посылало ему столько алчущихъ вина посѣтителей. Онъ быстро носился по палубѣ, угощая гостей, сладко улыбаясь и ухаживая за новыми посѣтителями, стараясь задобрить ихъ и облег-

---

*) Продолженіе. См. «Вѣстн. Ин. Лит»., кн. VIII. 1905 г.

чить имъ способъ перевода ихъ наличнаго капитала въ его карманы. Адмиралъ флотиліи первый подавалъ примѣръ, какъ надо пить, и рыбаки усердно подражали ему, такъ же усердно, какъ исполнили они его сигналъ: не вытягивать въ этотъ день снасти, громадныя тяжелыя сѣти, которыя лежатъ теперь недвижимо на днѣ океана, потому что нѣтъ попутнаго вѣтра.

Въ меньшинствѣ оказался шкиперъ Макки. Его судно «Золотой Василекъ» стояло на цѣлую милю разстоянія отъ «Кабака». Въ настоящую минуту Макки лежалъ на раскаленной палубѣ на спинѣ и размышлялъ. Его воображеніе рисовало ему картину будущей жизни въ Іоркшайрѣ, о которой онъ часто мечталъ. Онъ представлялъ себя владѣтелемъ маленькой фермы. Взобравшись на холмъ, онъ будетъ тогда любоваться по праздникамъ синимъ моремъ, этимъ самымъ моремъ, которое онъ такъ хорошо изучилъ и которое унесло въ глубину столько его товарищей, такихъ же работниковъ, какъ онъ. За тридцать лѣтъ онъ много видалъ и перенесъ. Его мечта—покинуть шкиперство и зажить фермеромъ—близка къ осуществленію. Еще нѣсколько рейсовъ, и онъ достигнетъ давно желанной минуты. Макки былъ счастливъ, ему везло, такъ какъ съ самаго дня своей свадьбы онъ копилъ деньгу, не пьянствовалъ, усердно работалъ и пріобрѣлъ за свои личныя деньги судно «Золотой Василекъ». Это названіе онъ тогда самъ придумалъ. Ему сорокъ лѣтъ, онъ владѣлецъ судна и въ банкѣ лежитъ на его имя кругленькая сумма. Чего же еще желать!

— Еще шесть рейсовъ, голубка,—сказалъ Макки, прощаясь съ женой и собираясь въ путь,—и для меня море перестанетъ существовать. Развѣ только иногда полюбуюсь съ берега. Да, милая, я уже приглядѣлъ въ Іоркшайрѣ славную фермочку, и когда я вернусь, то приторгую ее. Мы славно заживемъ, не такъ ли, дорогая?

На плугъ я море промѣняю
И стану фермеромъ,
И стану пастушкомъ...

Этой любимой пѣсней онъ закончилъ прощанье съ домомъ и женой и затѣмъ повелъ «Золотой Василекъ» въ море.

Лежа теперь съ закрытыми глазами, онъ попрежнему мечталъ о маленькой фермѣ, въ которой онъ поселится съ женою. Передъ нимъ всталъ образъ этой молчаливой, вѣрной, кроткой женщины, которая всегда послѣдняя посылала ему прощальный привѣтъ, когда онъ уѣзжалъ изъ дома, и первая радостно привѣтствовала его, когда «Золотой Василекъ» входилъ въ гавань. Онъ вспоминалъ свою счастливую семейную жизнь и высчиталъ, что изъ двадцати лѣтъ, прошедшихъ со дня его женитьбы, семнадцать, по крайней мѣрѣ, онъ провелъ на водѣ, зимою ли, весною, лѣтомъ или осенью—все равно, восемь недѣль на морѣ и одну короткую недѣлю дома; затѣмъ опять два мѣсяца плаванья и одна недѣля отдыха. Итакъ, все время, длинные годы тяжелой работы, монотонность которой никто такъ не чувствовалъ, какъ Макки. Затѣмъ, темное пятно въ его семейной жизни, то несчастное время, когда Макки уклонился отъ прямого пути. Мрачные, ненастные дни пьянства и буйства, когда онъ превзошелъ самыхъ извѣстныхъ пьяницъ во всей флотиліи. Это произошло вслѣдствіе внезапной мятежной вспышки. Непокорный

духъ заговорилъ въ Макки, ему надоѣло вѣчно ждать и надѣяться. Но онъ пересилилъ себя, онъ вновь принялся за работу, и вотъ уже десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Макки поклялся даже не смотрѣть на губительный напитокъ.

Тяжело ему было теперь лежать одному. Невольное желаніе пойти и присоединиться къ разгулявшимся товарищамъ овладѣвало имъ, хотѣлось забыться на время, смѣнить тяжелое раздумье на веселыя пѣсни, позабыть мрачныя мысли, отдаться безшабашной оргіи. Макки крѣпко стиснулъ зубы, закрылъ глаза и бормоталъ, что «этого» не будетъ. Не въ силахъ больше лежать, онъ вскочилъ на ноги и взглянулъ вокругъ, думая найти какую-нибудь работу, чтобы разсѣяться и занять себя. Но, какъ на зло, дѣлать было нечего. Снасти были опущены, паруса натянуты, но судно было недвижимо, такъ что было безполезно что-нибудь предпринимать.

Шкиперъ взялся за шахматную доску и упражнялся до тѣхъ поръ, пока у него не зарябило въ глазахъ. Онъ принялся пить чай и пилъ, пока его не стошнило. Онъ не могъ ничего ѣсть и съ отвращеніемъ отвернулся отъ закуски, которую приготовлялъ ему юнга въ маленькомъ темномъ отдѣленьицѣ, носившемъ громкое названіе шкиперской каюты.

Шкиперъ оглянулся на кабакъ. Ему видны были фигуры сидѣвшихъ на палубѣ и онъ слышалъ ихъ пѣсни. На секунду передъ нимъ опять встала кроткая, терпѣливая жена, вспомнилась небольшая уютная ферма на берегу. На секунду его сердце сжало угрызеніе совѣсти, но тѣмъ не менѣе темная сила одержала верхъ. Однако, шкиперъ не сдался сразу: «Я подниму сигналъ,—мрачно произнесъ онъ,—и если голландецъ пришлетъ за мной, я поѣду, если же нѣтъ, то я останусь».

Онъ подошелъ къ лодкѣ, вынулъ изъ нея весло и, вырвавъ подкладку изъ рукава старой клеенчатой куртки, привязалъ ее къ веслу. Затѣмъ поднялъ этотъ самодѣльный сигналъ и сталъ дожидать рѣшенія своей судьбы. Команда съ удивленіемъ слѣдила за нимъ. Помощникъ шкипера, рослый черно-бородый малый, закрылъ рукой пересохшій ротъ, чтобы не выдать себя ни однимъ звукомъ. Одни только глаза его съ надеждой на неожиданно выпадавшее на его долю счастье слѣдили за судномъ голландца. Онъ надѣялся, въ случаѣ если трактирщикъ пришлетъ за Макки, присоединиться къ нему.

— Не свезти ли намъ васъ на нашей лодкѣ?—не выдержалъ онъ, наконецъ.—Мы спустимъ лодку въ одно мгновенье.

— Еще бы! Проворнѣе во всякомъ случаѣ, чѣмъ когда становитесь на работу,—угрюмо отвѣтилъ Макки.—Нѣтъ, не надо. Если голландецъ пришлетъ, тогда я такъ и быть поѣду. Если же нѣтъ...

— Что за нѣтъ,—перебилъ его помощникъ.— Онъ спѣшитъ, какъ на пожаръ. Смотрите. А развѣ вы не слышите, какъ они зовутъ васъ?

Макки взглянулъ по направленію къ кабаку и увидалъ, что одна изъ плоскихъ, широкихъ и неуклюжихъ рыбачьихъ лодокъ, окружавшихъ судно, быстро неслась къ «Золотому Васильку». На ней гребли не три человѣка, какъ всегда, а полдюжины. Голландецъ увидѣлъ клеенчатый флагъ. Задрожавъ отъ радости, предвидя хорошую наживу, онъ предложилъ по стакану самаго лучшаго бранди тѣмъ шестерымъ рыбакамъ, которые первые подойдутъ къ «Золотому Васильку». Желающихъ полакомиться оказалось такое множество, что произошла

свалка и одна лодка перевернулась, и когда одержавшіе побѣду были уже около «Золотого Василька», ихъ неудачные товарищи все еще ныряли въ водахъ Сѣвернаго моря. Пьяные рыбаки спасали ихъ, и, къ счастью, обошлось безъ человѣческихъ жертвъ только потому, что попавшіе въ воду уцѣпились за перевернутую лодку.

Лодка тѣмъ временемъ подходила къ «Золотому Васильку».

— Эй, шкиперъ, — крикнулъ одинъ изъ рыболововъ, — влѣзай къ намъ, да поживѣй! За десять-то лѣтъ, я думаю, горло просохло. Пожалуй, въ кабакѣ и вина не хватитъ, чтобъ его промочить какъ слѣдуетъ.

— Урра!—подхватила команда, привѣтствуя медленно сходившаго шкипера.

Онъ не отвѣтилъ на это привѣтствіе. Зубы его были крѣпко стиснуты, лицо выражало мрачную рѣшимость. Онъ слышалъ пьяные возгласы рыбаковъ, но промолчалъ и, когда двое изъ нихъ затѣяли грубую ссору, онъ не вмѣшался, предоставляя имъ осыпать другъ друга отборной руганью, чѣмъ послѣдніе такъ усердно занялись, что, только подплывъ къ кабаку, они вспомнили про обѣщанную награду.

Голландецъ бросился навстрѣчу Макки, когда тотъ вступилъ на палубу.

— Это очень любезно съ вашей стороны посѣтить насъ,—разсыпался онъ на ломаномъ англійскомъ языкѣ.—Пейте же, друзья, пейте за здоровье шкипера Макки и его «Золотого Василька».

— И за мой счетъ,—произнесъ, наконецъ, Макки, опуская соверенъ въ протянутую толстую руку голландца.

— Пускай ужь за мой счетъ,—слабо запротестовалъ голландецъ.

— Не топырься,—оборвалъ его Макки.

— Но...

— И не нокай. Тащи бутылки на палубу и давайте пить,—сказалъ шкиперъ.

Голландецъ потиралъ себѣ руки.

— Сколько?—спросилъ онъ.

— На весь золотой,—отвѣтилъ Макки,—а если его не хватитъ, такъ найдется и еще.

Голландецъ грязной пятерней почесалъ себѣ затылокъ и отправился лично исполнять этотъ необычный заказъ. Публика, пьянствовавшая на палубѣ, посматривала почтительно на шкипера «Золотого Василька» и первую чарку за его здоровье всѣ выпили молча.

Макки началъ съ того же, съ чего началъ свою памятную оргію десять лѣтъ тому назадъ, тоже въ пловучемъ кабачкѣ. Онъ приказалъ себѣ подать самой крѣпкой анисовки и, схвативъ бутылку обѣими руками, сталъ пить изъ горлышка, чтобы доказать, что даже такая крѣпкая водка на него не дѣйствуетъ. Среди присутствовавшихъ было немало такихъ пьяницъ, которые могли смѣло продѣлать эту штуку, но Макки не могъ теперь состязаться съ ними. За десять лѣтъ воздержанія онъ отвыкъ отъ вина и потому не былъ въ состояніи выпить и половину того, что пивалъ раньше. Крѣпкая анисовка точно огнемъ обожгла его ротъ, изъ глазъ полились слезы, бутылка выпала изъ ослабѣвшей руки и ударилась о палубу. Самъ онъ едва удержался на ногахъ и для того, чтобы не свалиться, схватился за ручку руля. Онъ едва переводилъ духъ. Присутствующіе рыбаки сперва молча глядѣли на Макки, но затѣмъ всѣ разразились дружнымъ смѣхомъ.

— Эй, да онъ точно малолѣтнее дитя!—воскликнулъ высокій рыболовъ, одинъ изъ самыхъ завзятыхъ пьяницъ и буяновъ. Кличка его была Голіаѳъ.

— Принесите ему молочка,—замѣтилъ другой, и снова раздался громкій хохотъ.

Макки пересилилъ себя и выпрямился.

— Кто это сказалъ?

Всѣ молчали. Выраженіе лица шкипера не предвѣщало ничего хорошаго, и никто не желалъ вступать въ драку.

— Кто говорилъ про молоко?—спросилъ опять Макки, сжимая кулаки.—Пусть онъ повторитъ это передо мной, и я раскрою ему физіономію, хоть бы онъ былъ ростомъ съ гору,—добавилъ онъ, свирѣпо взглянувъ на Голіаѳа.

Послѣдній ничего не отвѣтилъ. На секунду въ пловучемъ кабакѣ наступило глубокое молчаніе. Подоспѣвшій голландецъ поспѣшно водворилъ миръ. Онъ божился, что ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не въ состояніи сдѣлать то, что сдѣлалъ Макки, потому что такой крѣпкой анисовки никогда еще не было на его суднѣ. Никто не могъ бы выпить глотокъ и устоять на ногахъ.

Разгулявшіеся рыбаки поняли хитрость умнаго голландца. Они знали также, что Макки не спуститъ имъ никакой шутки и не потерпитъ издѣвательства. Они поддакнули голландцу, и Макки успокоился. Жестомъ онъ приказалъ подать еще вина.

Голландецъ, ласково улыбаясь, разставлялъ бутылки одной рукой, другую протягивая за деньгами. Онъ любилъ быстрый и вѣрный разсчетъ.

— Стой!—крикнулъ ему Макки и, наливъ виски въ стаканъ, приказалъ выпить.—За мое здоровье, глотай!—кричалъ онъ.

Голландецъ пробовалъ увильнуть подъ разными предлогами. То головная боль мѣшала ему пить, то общее состояніе здоровья не позволяло ему...

— Ладно,—твердилъ свое Макки,—не отвертишься, пей, не то волью силой въ горло.

Голландецъ покорился. Вскорѣ около Макки составилась порядочная компанія, и оргія продолжалась. Макки оправился и бился объ закладъ, что никто не будетъ въ силахъ перепить его. Голіаѳъ, тотъ самый, что сравнилъ Макки съ маленькимъ ребенкомъ, принялъ пари.

— Если же я проиграю,—гремѣлъ онъ, выпивая стаканъ за стаканомъ,—то это послѣдній кабакъ, который я вижу на своемъ вѣку.

Прошелъ цѣлый часъ. Люди пили безъ перерыва до тѣхъ поръ, пока не валились подъ столъ, другіе же отрывались отъ виски только для того, чтобы обругать кого-нибудь. Исключенія не дѣлалось ни для кого.

Макки, теперь окончательно опьянѣвшій, крикнулъ, приказывая молчать. Голландецъ смущенно поддерживалъ его.

— Смотрите, господа,—говорилъ онъ, указывая на море,—какой славный попутный вѣтеръ, видите, какъ надуваются паруса? Къ тому же пришло время запирать мою лавку, я продалъ весь свой товаръ.

Голландецъ чувствовалъ себя, какъ на иголкахъ; дѣло въ томъ, что онъ опасался скандала, и не зналъ, какъ выпроводить своихъ гостей; они перестали интересовать его, такъ какъ всѣ имѣвшіяся у нихъ деньги перешли въ его ловкія руки.

— Молчи, мошенникъ!—оборвалъ его Макки.

— Воръ!—добавилъ Голіаѳъ.

— Становится темно,—настаивалъ голландецъ,—вамъ нужно, вы должны уйти. Видите, и канонерка приближается.

— Наплевать намъ на канонерку,—ругался Голіаѳъ,—ты можешь убить ихъ своей анисовкой. Къ чорту все! Спой намъ лучше пѣсню, шкиперъ Макки, вотъ эту самую, гдѣ поется про фермера, что женился на помѣщичьей дочкѣ! Ишь, хитрый дьяволъ! Ты вѣдь, шкиперъ Макки, тоже хочешь превратиться въ фермера!..

Макки охотно исполнилъ желаніе Голіаѳа и заоралъ во все горло первый куплетъ, который онъ только и зналъ, тотъ подхватилъ, и громкая пѣсня донеслась до «Золотого Василька».

Услыхавъ это пѣніе, помощникъ шкипера рѣшилъ, что наступило время посылать за шкиперомъ и, приказавъ спустить лодку, онъ отправился къ кабаку.

Тамъ перестали уже пѣть и вмѣсто пѣсни громко ругались; въ это время на глаза Макки попался юнга, направляющійся къ фонарю съ большой жестянкой въ рукахъ.

— Что это у тебя?—спросилъ Макки.

— Керосинъ,—отвѣтилъ юнга.

— Э, да это прекрасный напитокъ!—воскликнулъ Макки.—Давай сюда скорѣе, мы вольемъ его въ глотку этому старому толстому шкиперу, а затѣмъ подожжемъ его. Онъ вспыхнетъ, какъ костеръ!

Голіаѳъ разразился громкимъ смѣхомъ.

— Давай, давай сюда!—крикнулъ и онъ.—Только не для меня, моя глотка въ немъ не нуждается, мы лучше смажемъ имъ стараго шкипера Макки! Не такъ ли, юнга?..

Прежде чѣмъ мальчикъ что-либо отвѣтилъ, онъ схватилъ у него уже склянку и облилъ керосиномъ Макки съ ногъ до головы.

Макки было бросился бѣжать, но его схватили другіе собутыльники и повалили на палубу, такъ что онъ не могъ защищаться.

Голіаѳъ продолжалъ лить, приговаривая:

— Перестань брыкаться, Макки, я же тебя угостить хочу, ну да, нѣсколько капель только, вѣдь это не хуже ядовитыхъ настоекъ стараго голландца. Вотъ такъ, да держите его крѣпче!

Остальные покатывались со смѣха, глядя на усилія Макки освободиться.

Поблѣднѣвшій отъ страха голландецъ пытался заступиться за шкипера и бѣгалъ вокругъ, поднимая руки къ небу и умоляя гостей разойтись и отправляться на свои суда.

Дѣйствительно, поднимался вѣтеръ и флотилія приходила въ движеніе. Указывая на это, голландецъ для большей убѣдительности говорилъ, что всѣ загостившіеся у него посѣтители теряютъ каждую минуту большія деньги! Сильнѣе этого убѣжденья онъ не зналъ и терялся, видя, что на его слова не обращаютъ вниманія.

Впрочемъ, не принадлежавшіе къ группѣ Макки начали кое-какъ разъѣзжаться. Большей частью они падали въ свои лодки, и тѣ везли ихъ обратно на суда. Но озвѣрѣвшіе въ дракѣ рыболовы ничего ужь не видали и не понимали. Когда Макки поднялся и бросился съ кулаками на Голіаѳа, товарищи вступились за него и сообща начали бить Макки.

Голландецъ опять было вступился, но, получивъ одну вѣскую зуботычину, онъ со всѣхъ ногъ бросился къ себѣ въ каюту, заперся тамъ на ключъ и только тогда свободно вздохнулъ. Убѣдившись въ своей безопасности, онъ принялся считать выручку—свое любимое занятіе, и такъ въ него погрузился, что не слыхалъ даже шума на палубѣ.

А тамъ разыгралось настоящее сраженіе. Макки удалось высвободиться и онъ одинъ противъ всѣхъ упорно отбивался до тѣхъ поръ, пока, обливаясь кровью, весь въ синякахъ, онъ не упалъ на руки подъѣхавшихъ помощника шкипера и матроса съ «Золотого Василька».

— Я думалъ, разъ попутный вѣтеръ, то намъ лучше пріѣхать за вами,—сказалъ помощникъ, помогая Макки сойти въ лодку.—Что? Кажется, дѣло было горячее?

Макки ничего не отвѣтилъ, и помощникъ шкипера, взглянувъ на его покрытое кровью, избитое, все въ синякахъ лицо, воздержался отъ дальнѣйшихъ вопросовъ.

Когда они подплыли къ «Золотому Васильку», помощникъ шкипера первый выскочилъ и потянулъ за собой Макки. Тотъ громко застоналъ.

— Идите внизъ, шкиперъ, я одинъ управлюсь на суднѣ,—сказалъ помощникъ.—Вамъ нездоровится, на васъ лица нѣтъ. Идите и прилягте. Если будетъ сигналъ отъ адмирала, я позову васъ, но до полуночи сигнала не должно быть.

Макки, попрежнему не отвѣчая ни слова, поднялся и, пошатываясь, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ маленькой желѣзной лѣсенкѣ, но, переступивъ ее, онъ не могъ удержать равновѣсіе и тяжело свалился внизъ. Такъ онъ и остался лежать безъ сознанія, занимая грузнымъ тѣломъ почти все узкое пространство.

Юнга, спавшій около печки, пораженный небывалымъ случаемъ видѣть своего хозяина пьянымъ, вскочилъ и подошелъ къ нему.

— Переверни его на спину,—сказалъ помощникъ шкипера сверху,—да принеси изъ кладовой тазикъ льда, обложи ему голову льдомъ, это приведетъ его въ сознаніе.

Мальчикъ исполнилъ приказаніе. Макки спокойно лежалъ; онъ не храпѣлъ и не стоналъ, и юнга отправился наверхъ, на палубу. Уходя, онъ зажегъ маленькую керосиновую лампочку, такъ какъ становилось темно.

Прошелъ цѣлый часъ. «Золотой Василекъ» теперь легко подвигался впередъ. На всѣхъ судахъ флотиліи зажглись огни, и темное небо въ свою очередь все засвѣтилось яркими звѣздами.

— Красиво-то какъ!—воскликнулъ юнга, сидѣвшій на палубѣ у люка, такъ что онъ могъ видѣть происходившее тамъ.—Эй, братцы, шкиперу-то полегчало. Онъ всталъ и закуриваетъ трубку.

Помощникъ шкипера, находившійся недалеко, подошелъ къ люку.

— Какъ вы себя чувствуете?—крикнулъ онъ.—Осторожнѣе, шкиперъ, опрокинете лампу.

Его прервалъ пронзительный крикъ юнги.

— Горитъ, шкиперъ горитъ,—кричалъ онъ,—шкиперъ разбилъ лампу и загорѣлся! Онъ вспыхнулъ, какъ стогъ сѣна! Помогите!..

Юнга соскочилъ со своего мѣста и кричалъ не своимъ голосомъ. Рыболовы бросились къ люку. Туда спускался помощникъ шкипера.

— Ложитесь на полъ,—кричалъ онъ,—подайте сверху мокрый па-

русъ, я заверну васъ. Боже мой, шкиперъ, что вы дѣлаете, вы сожжете судно!

Макки, въ предсмертной агоніи, представлялъ изъ себя столбъ огня, катался по полу, срывая съ себя горѣвшую одежду; увидавъ приближавшагося къ нему помощника шкипера, онъ оттолкнулъ его и бросился наверхъ, на палубу.

Отъ вѣтра пламя вспыхнуло еще сильнѣе; огненные языки обхватывали Макки со всѣхъ сторонъ. Онъ съ проклятіями и криками шатался по палубѣ. Видъ его былъ такъ ужасенъ, что оторопѣвшая команда вмѣсто того, чтобы спасать его, въ страхѣ отступала при его приближеніи. Помощникъ шкипера, единственный, кто могъ помочь ему, лежалъ внизу безъ сознанія

Юнга залѣзъ на мачту и зажмурился, чтобы не видѣть ужаснаго зрѣлища. Вдругъ яркое пламя вспыхнуло еще сильнѣе, послышался нечеловѣческій стонъ, и что-то шлепнулось въ воду, обдавая все вокругъ огненными брызгами. Невольно мальчикъ открылъ глаза и увидѣлъ огненную массу, боровшуюся съ водой.

Обернувшись къ люку, онъ увидалъ, что оттуда валитъ дымъ; на его крикъ всѣ бросились къ люку и увидали тамъ среди пламени блѣднаго, окровавленнаго помощника шкипера, пытавшагося взобраться наверхъ.

Его вытащили.

— Скорѣе, спускайте лодку,—крикнулъ онъ,—весь трюмъ въ пламени, я чуть не задохся, спасти судно невозможно!

Лодка была спущена въ одно мгновеніе, и всѣ бросились въ нее, оставивъ горѣвшій «Золотой Василекъ» на произволъ судьбы. Ихъ подобрало стоявшее вблизи судно. Черезъ полчаса «Золотой Василекъ» былъ весь объятъ пламенемъ. Судно горѣло всю ночь и на разсвѣтѣ оно все еще пылало. Мачты и реи уже не существовали, и горѣлъ корпусъ судна. Часамъ къ десяти остатки «Золотого Василька» погрузились навѣки въ воду.

Помощникъ шкипера, сумрачный, со слезами на глазахъ, смотрѣлъ, какъ погибало судно; когда его не стало, онъ повернулся къ юнгѣ:

— Благодари Бога, мальчикъ,—произнесъ онъ,—худшее уже миновало.

— Вы думаете?—пробормоталъ юнга.—Нѣтъ, нѣтъ! Миссисъ поджидаетъ своего шкипера, и намъ придется ей все разсказать! Нѣтъ, худшее впереди.

VII.

Адмиралъ флотиліи Голубого Креста.

Эксъ-адмиралъ важно поднялся, вынулъ трубку изо рта, вытеръ себѣ губы рукавомъ и, поднявъ стаканъ съ виски и водой,—онъ дѣлалъ мнѣ честь принимать отъ меня это угощенье,—медленно произнесъ:

— За ваше здоровье, сэръ, желаю вамъ успѣха, который сравнялся бы съ вашей добротой!—и, выпивъ виски, сѣлъ на прежнее мѣсто.

Это все было продѣлано съ такой важностью и такъ внушительно, а засѣдавшіе въ трактирѣ «Веселый Звонъ» рыбаки такъ одобрительно

отозвались, что я понялъ, что въ пожеланіи эксъ-адмирала было высказано больше, чѣмъ это можно было предположить по первому разу, и что, выпивъ подобнымъ образомъ за мое здоровье, онъ оказалъ мнѣ высокую честь, рѣдко выпадающую на долю простыхъ смертныхъ.

— Пусть, сэръ,—добавилъ эксъ-адмиралъ, снова медленно поднимаясь,—вамъ выпадетъ на долю такой же успѣхъ, какъ извѣстному судну «Сироткѣ» и адмиралу всей флотиліи.

Это новое пожеланіе вызвало одобрительные возгласы, а у нѣкоторыхъ глубокіе вздохи. Рыболовъ, сидѣвшій рядомъ со мной, отставилъ стаканъ и произнесъ:

— Нѣтъ, серъ, такая удача никогда вамъ не достанется!

— Въ чемъ же,—спросилъ я,—заключалась удача «Сиротки», и кто былъ тогда адмираломъ флотиліи?

Изумлённое молчаніе было отвѣтомъ на мой вопросъ; не зная, чѣмъ оно было вызвано, я повернулся къ камину, въ которомъ весело трещали дрова, и принялся усердно мѣшать ихъ. Но это занятіе не помогло мнѣ, а въ ярко вычищенной мѣдной доскѣ камина, казалось, отражался удивленный взглядъ рыбаковъ, теперь снисходительно смотрѣвшихъ на меня, какъ бы извиняя мое невѣжество.

Сконфуженно, но все же не теряя присутствія духа, я повторилъ:

— Въ чемъ же состояла удача «Сиротки»?

Тогда у всѣхъ, за исключеніемъ меня, вырвался возгласъ:

— Не слыхалъ никогда про адмирала? Какъ онъ нажился? Спрашиваетъ, въ чемъ состояла удача «Сиротки»? Можетъ ли это быть?

— Господа,—сказалъ я имъ,—вы забываете, что я не что иное, какъ обыкновенный смертный, до сихъ поръ мало знакомый съ моремъ и его храбрыми работниками. Я пріѣхалъ сюда къ вамъ недавно и ничего не знаю ни о вашихъ обычаяхъ, ни о вашихъ дѣлахъ. Я былъ настолько невѣжественъ, что могъ предполагать, что адмиралы являются исключительными продуктами королевскаго флота, и не зналъ до сихъ поръ той необычайной удачи, которую «Сиротка» принесла нашему высокочтимому хозяину, такъ какъ, полагаю, это былъ онъ, этотъ счастливый адмиралъ?

Я говорилъ откровенно, желая показать всей компаніи, что я дѣйствительно ничего не зналъ о жизни моряковъ. Такое чистосердечное признаніе произвело хорошее впечатлѣніе, и потому, прежде чѣмъ оно могло разсѣяться, я взялъ звонокъ на маленькомъ столикѣ, позвонилъ и самымъ любезнымъ голосомъ приказалъ вошедшей толстой служанкѣ принести пива для всей компаніи, а для эксъ-адмирала бутылку самаго лучшаго шотландскаго виски.

— Мы выпьемъ ее пополамъ,—сказалъ я ему.

Нельзя сказать, чтобъ въ этомъ случаѣ я сильно рисковалъ: насколько я могъ судить о способности эксъ-адмирала поглощать спиртные напитки, я могъ быть увѣренъ, что, прежде чѣмъ мнѣ удастся проглотить одну десятую часть бутылки, остальныя девять частей уже будутъ поглощены любезнымъ хозяиномъ. Старикъ наполнилъ наши стаканы и строгимъ взглядомъ обвелъ присутствующихъ.

— Родившись,—началъ онъ,—въ низшемъ, можно сказать, слоѣ общества, я не сразу и не легко завоевалъ приличное общественное по-

ложеніе. Отъ колыбели до самой цвѣтущей поры юности я, говоря по правдѣ, не представлялъ собой ничего порядочнаго, однимъ словомъ, былъ такой дрянью, что даже въ таможнѣ за меня не взяли бы ни гроша.

Тутъ эксъ-адмиралъ умолкъ и обвелъ глазами всю компанію, которая поняла, что надо было смѣяться, и потому всѣ засмѣялись.

— Да, я бы не принесъ таможнѣ много дохода,—повторилъ онъ и, взявъ стаканъ виски, ловкимъ движеніемъ приставилъ его ко рту и опустилъ только тогда, когда все содержимое стакана перешло къ нему въ горло.—Но,—продолжалъ онъ затѣмъ,—все это перемѣнилось, когда я сдѣлался шкиперомъ «Сиротки» и половиннымъ владѣльцемъ ея. Вы говорите, сэръ, будто не знали о томъ, что, кромѣ адмираловъ флота, имѣются адмиралы внѣ флота? Теперь я объясню вамъ, сэръ, все какъ есть. Флотъ нашъ по своему достаточно хорошъ. Пусть никто не говоритъ, что это неправда, и его адмиралы тоже по своему достаточно хороши и, можетъ быть, по своему все идетъ хорошо въ нашемъ военномъ флотѣ. Все это такъ, но, говоря чистосердечно, искренно, чтобы все шло дѣйствительно прекрасно, то дайте мнѣ, сэръ, флотъ Сѣвернаго моря, людей съ Сѣвернаго моря, корпусъ морскихъ офицеровъ изъ шкиперовъ Сѣвернаго моря и дайте мнѣ для нихъ адмирала Сѣвернаго моря.

«Я видалъ немало адмираловъ въ ихъ синихъ расшитыхъ золотомъ мундирахъ и шляпахъ съ перьями, которыя ни на что непохожи, со шпагами, которыя никому не принесутъ вреда. Я видѣлъ, какъ они кланялись и извивались, и какъ передъ ними также кланялись и изощрялись въ любезностяхъ, но, сэръ, я не особенно цѣню ихъ. Адмиралъ долженъ быть морякъ, вотъ и все, и когда я былъ полувладѣльцемъ «Сиротки» и шкиперомъ и въ то же время адмираломъ флота Голубого Креста, никто не смѣлъ бы сказать, что оттого, что на мнѣ надѣты тяжелые смазные сапоги да грубая одежда, а на головѣ треухъ, я меньше значу, чѣмъ тотъ адмиралъ, который сидитъ въ изящной каютѣ да тыкаетъ пальцемъ въ электрическіе звонки, когда ему понадобится отдать приказаніе, какъ я полагаю.

Онъ сказалъ «я полагаю», но по тому тону, которымъ онъ все это излагалъ, можно было думать, что онъ былъ близко знакомъ съ нравами и обычаями адмираловъ военнаго флота.

— Это объясненіе,—продолжалъ старикъ,—было необходимо, такъ какъ нашъ другъ,—онъ кивнулъ головой въ мою сторону,—какъ видно, не имѣетъ понятія о томъ, что такое адмиралъ Сѣвернаго моря. А теперь я разскажу вамъ, въ чемъ заключалась удача «Сиротки». Да, сэръ, изъ этой самой гавани я отплылъ шкиперомъ «Сиротки», направляясь къ Доггеръ-Банкѣ. Никогда не забуду я этого дня! Было ясно, солнце такъ и заливало насъ своими лучами. Помню еще, что на берегу стояло, любуясь нами, много народу и что какой-то джентльмэнъ съ суши, повидимому, ничего не понимающій, важно объяснялъ своему товарищу, что «Сиротка» угольщикъ и идетъ въ Ньюкэстль за углемъ.

«Тутъ я не выдержалъ и, хотя я не очень-то люблю шутки шутить, однако, крикнулъ ему: «Ошибаетесь, сэръ, мы идемъ крысъ ловить, а это,—я указалъ на снасти,—это сѣти, въ которыя мы собираемъ ихъ». Потѣха! Но это меня разсмѣшило и нѣсколько перемѣнило мое настроеніе, которое, сэръ, не было особенно весело. Еще

бы, мнѣ не очень-то пріятно было разставаться съ красотами природы, я вѣдь большой любитель, на цѣлыхъ два мѣсяца! Да, сэръ, два мѣсяца гдѣ-нибудь у Доггеръ-Банки и всего одну недѣлю на берегу, а затѣмъ опять въ морѣ, и такъ во всякую погоду, сэръ, лѣтомъ, осенью, зимой, весной все одно и то же! Иногда, сэръ, восемь недѣль безпрерывнаго дождя, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль не знаешь сухого бѣлья, не видишь горящаго уголька въ печи. Да, разсказывайте вы, другіе, о морской поэзіи! Вспомнить иной разъ, такъ и то дрожь пробираетъ. А то все про море, величіе, тамъ, красота... Да! За ваше здоровье, сэръ.

Съ тѣмъ же мрачнымъ видомъ онъ вновь проглотилъ порядочную порцію виски, затѣмъ продолжалъ:

— «Сиротка», небольшое, прекрасно оборудованное судно, могло въ одинъ день переплыть Сѣверное море, и шестеро человѣкъ команды, включая и меня, сэръ, могли считаться счастливыми! Они были и хорошіе работники, и потому въ общемъ командѣ жилось недурно. Въ то время, къ слову сказать, на Сѣверномъ морѣ еще не водилось этихъ миссіонерскихъ пароходовъ и потому люди были грубы, часто поминали чорта и поступали такъ, какъ теперь уже не поступаютъ. Конечно, не надо забывать, что тогда много портили эти пловучіе кабаки, которые своими ядовитыми напитками прямо доводили людей до безумія. Не рѣдкостью было тогда, что шкиперъ, пропивъ всѣ свои деньги, пускалъ въ оборотъ хозяйскія, конечно, не то чтобы такъ прямо изъ кармана, а больше натурой: снасти, рыба, все мѣнялось у голландца на джинъ и виски! Вѣдь это по законамъ на сушѣ иначе не назовутъ какъ воровствомъ! Да, сэръ, тогда времена были не тѣ, что теперь, народъ былъ другой. Еще стаканчикъ, сэръ?

Онъ довольно неохотно протянулъ мнѣ бутылку, и когда я отказался, все лицо его озарилось довольной улыбкой.

— Нѣтъ? Какъ угодно, сэръ,—и онъ щедрой рукой налилъ себѣ виски.

Послѣ этого онъ продолжалъ свой разсказъ:

— Итакъ, все шло какъ по маслу; неправда ли, сэръ, что въ дѣлахъ каждаго человѣка наступаетъ приливъ, который ведетъ къ богатству? Это вѣдь у поэта такъ сказано; если я перевралъ, сэръ, то вы меня обяжете, указавъ ошибку...

— Вы замѣчательно вѣрно схватили смыслъ,—увѣрилъ я его.

— Благодарю васъ, сэръ, — проговорилъ старикъ съ достоинствомъ.—Да, не думалъ я, отправляясь въ этотъ рейсъ, что это будетъ самый замѣчательный рейсъ въ моей жизни, который навсегда, по сей день останется въ моей памяти. Уѣхалъ я простымъ шкиперомъ, въ мрачномъ настроеніи, считая себя обиженнымъ фортуной, обойденнымъ счастьемъ, а вернулся съ тріумфомъ, полный счастья и надеждъ, какъ самый видный спекуляторъ!

«Я вышелъ въ морѣ во вторникъ утромъ и на слѣдующій день къ ночи мнѣ посчастливилось встрѣтить флотилію. Увѣряю васъ, сэръ, что зрѣлище было достойно художника или поэта. Луна свѣтила во всю и сотни кораблей рыболовной флотиліи были такъ отчетливо видны, какъ бы днемъ. Я былъ, сознаюсь вамъ въ этомъ, нѣсколько странно настроенъ, какъ будто предчувствовалъ, что меня ожидаетъ что-то особенное. Въ трюмѣ «Сиротки» лежала туша баранины для

угощенья, которое я, согласно традиціямъ флотиліи, долженъ былъ предложить на слѣдующій день, и во льду была зарыта хорошая сочная говядина, также для этой цѣли. Была заготовлена прекрасная капуста и много другихъ вещей! Итакъ, мое предчувствіе, сэръ, какъ вы увидите дальше, не обмануло меня. За ваше здоровье еще одинъ стаканчикъ!

«Если когда-нибудь какое угощеніе посреди Сѣвернаго моря можно было назвать удачнымъ, такъ именно это, которое было предложено въ ясное лѣтнее утро шкиперомъ «Сиротки». На борту было не менѣе двадцати шкиперовъ, и сколько было уничтожено баранины, ростбифа и капусты, сколько было выпито пива, чаю и всего прочаго, это, сэръ, нельзя передать! Скажу одно, что этотъ день на «Сироткѣ» долго вспоминали.

«Я предсѣдательствовалъ на банкетѣ, сэръ, такъ какъ, несомнѣнно, я имѣлъ на это право. Вы согласны со мною, сэръ, неправда ли? По правую руку отъ меня сидѣлъ адмиралъ флотиліи, остальные шкипера размѣстились вокругъ стола на вытащенныхъ изъ каютъ сундукахъ, а кому не хватало мѣста, такъ и прямо на полу, потому что, сэръ, судно строится не для комфорта и банкетовъ, и надо мириться съ неудобствами

«Баранина, сэръ, прожарилась какъ разъ впору, и адмиралъ, обсосавъ любимую косточку, положилъ ее на клеенку и, отпивъ по глотку изъ кружки съ пивомъ и изъ кружки съ чаемъ, ударилъ кулакомъ по столу и сказалъ:

«— Джентльмэны!..

Послышались голоса изъ разныхъ угловъ:

— Сэръ, то, что говорилъ адмиралъ, я разскажу.

— Я помню все какъ есть!

— Если кто-нибудь изъ присутствующихъ могъ бы разсказать это лучше меня,—перебилъ старикъ съ такою суровостью, что у говорившихъ пропало всякое желаніе перебивать его,—то я самъ бы настоялъ на этомъ, но, повидимому, я буду обязанъ сдѣлать это. Слушайте же, сэръ, что случилось.

«Адмиралъ давно усталъ быть адмираломъ, да и здоровье его было плохо. Онъ понималъ, что ему не управиться съ большой флотиліей: указывать ей курсъ, мѣстонахожденіе рыбы и вообще служить путеводной звѣздой остальнымъ судамъ. Вѣдь онъ, сэръ, управляетъ рѣшительно всѣмъ и его сигналы должны исполняться безпрекословно. «Я усталъ,—сказалъ адмиралъ,—и потому слагаю съ себя адмиральство. Я назову вамъ человѣка, котораго хотѣлъ бы видѣть своимъ замѣстителемъ. Я хотѣлъ бы, чтобы вы избрали на мое мѣсто шкипера «Сиротки».

«Есть пословица, сэръ, что удивленнаго человѣка можно свалить, ткнувъ въ него перышкомъ. Знаете, для того, чтобы свалить меня, не надо бы, кажись, и перышка, я готовъ былъ свалиться отъ одного взгляда. Честь, которой я не ожидалъ и никогда не надѣялся получить, отняла у меня языкъ. Къ счастью, мнѣ не пришлось говорить спичъ, потому что начались выборы, и когда на суднѣ было выпито все имѣвшееся на немъ пиво, я былъ избранъ адмираломъ. Поэтому, сэръ, я не стану больше упоминать объ этомъ счастливомъ, наполнившемъ меня справедливой гордостью происшествіи.

«Начался, какъ видите, приливъ, сэръ, и стоило только мнѣ получить

адмиральство, какъ фортуна, если такъ можно выразиться, прямо повисла у меня на шеѣ.

«Флотилія подвигалась довольно быстро, дулъ свѣжій вѣтерокъ, ночь была свѣтлая, тихая. Богъ знаетъ, почему, но я предчувствовалъ, что уловъ будетъ хорошъ, но никоимъ образомъ не былъ подготовленъ къ тому, что случилось. Ровно въ полночь отдалъ я сигналъ опускать снасти и первый подалъ имъ примѣръ на «Сироткѣ».

«Прошло немного времени. Нѣсколько разъ принимались мы тянутъ сѣти, такъ какъ ясно было, что онѣ быстро наполнились рыбой и что уловъ превосходный. Наконецъ, мотню развязали, и рыба шлепнулась на палубу. Сперва я думалъ, сэръ, что это была треска, и это не было пріятно, потому что треску невыгодно возить издалека.

«Но это не была треска. Вѣрьте мнѣ, сэръ, или не вѣрьте, но вся пойманная рыба, отъ первой до послѣдней, оказалась настоящей солью, та самая рѣдкая рыба, за которую вы платите, сэръ, такія громадныя деньги въ лавкахъ.

«Еще разъ въ этотъ удивительный день меня могли бы свалить однимъ взглядомъ. На время я лишился языка, точно меня хватилъ параличъ. Я не могъ повѣрить своему счастью! Подумайте, сэръ, что по самому дешевому разсчету на суднѣ было фунтовъ на пятьдесятъ рыбы! Говоря, по правдѣ, я совершенно растерялся и не зналъ, что дѣлать!

«Итакъ, сэръ, вы понимаете мое состояніе, конечно, какъ—писатель, вы вѣроятно, привыкли разбираться въ разныхъ такихъ мудреныхъ чувствахъ, обуревающихъ простыхъ смертныхъ, то есть, сэръ, другими словами, мною овладѣло смущеніе. Я впалъ въ соблазнъ. Долгъ мой, какъ адмирала, былъ достаточно ясенъ. Я долженъ былъ подать сигналъ флотиліи и привести къ этимъ золотымъ розсыпямъ всѣ суда, до сихъ поръ ловившія только треску и другую тоже дешевую рыбу. Но надо ли указывать вамъ, сэръ, на законъ спроса на рынкѣ? Вѣдь если всѣ суда прибыли бы переполненныя дорогой рыбой, то цѣна на нее сейчасъ бы понизилась до крайности. Вы понимаете, сэръ, что разъ цѣны устанавливаются обиліемъ матеріала, то прока изъ этого не могло выйти, помните, какъ сказано у поэта:

Когда-бъ намъ парча дорогая
Служила одеждой одна,
Наскучила-бъ ткань золотая,
Росла-бъ на дерюгу цѣна.

«Я могу, сэръ, когда это необходимо, быстро думать и дѣйствовать. Такъ поступилъ я и тогда. Мнѣ сейчасъ же пришло въ голову, что если въ этомъ мѣстѣ находилось рѣдкой рыбы на нѣсколько тысячъ фунтовъ, то это можетъ составить состояніе шкипера «Сиротки», но не сможетъ обогатить тѣ сотни судовъ, которыя находились во флотиліи. Было еще рано, такъ что пока я былъ спокоенъ: никто не могъ подойти ко мнѣ. Но хуже всего было то, что у меня было недостаточно льда, чтобы сохранить рыбу. Какъ быть? И вотъ, сэръ, только послушайте, какъ все отлично устроилось.

«Я самъ стоялъ у руля «Сиротки», такъ какъ главной заботой было оставаться на мѣстѣ, которое иначе нельзя назвать, какъ «золотое

дно». Затѣмъ я принялся думать и думалъ цѣлыхъ двадцать минутъ! Вотъ когда меня осѣнило внезапное вдохновеніе.

«Я позвалъ команду и спросилъ, хотятъ ли они нажиться. Не было ни одного, кто бы не сказалъ съ замѣчательной поспѣшностью «да». «А умѣете ли вы молчать?», сказалъ я. Всѣ промолчали, и я принялъ это за знакъ согласія. Тогда я объяснилъ имъ свой планъ. Я указалъ имъ на то, что насъ привело къ золотому мѣсту и что при дружной работѣ они могутъ обезпечить себя и семьи на всю жизнь. Насъ всѣхъ было шесть человѣкъ на суднѣ. «Судно мое, я шкиперъ. Поэтому я возьму пять шестыхъ, а оставшуюся шестую часть вы раздѣлите между собой. Согласны на такой разсчетъ?».

«Они сказали, что согласны, а такъ какъ и я былъ съ этимъ согласенъ, то мы на томъ и порѣшили.

«Я сказалъ имъ также, что это былъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда находящаяся у каждаго человѣка въ душѣ совѣсть должна проявить нѣкоторую уступчивость. Но вѣдь это сплошь да рядомъ случается, сказалъ я имъ, особенно въ политикѣ и общественныхъ дѣлахъ. У насъ оказалось больше набитыхъ рыбой ящиковъ, чѣмъ мы могли помѣстить на барку, и потому я сказалъ, что мы набьемъ всего четыре ящика и скажемъ, будто это все, что мы наловили за ночь, мѣсто бѣдное рыбой, и не стоитъ флотиліи слѣдовать за нами. Когда разсвѣтетъ, надо будетъ зорко выглядывать буксиръ и «Парри» — «Парри», сэръ, это былъ маленькій пароходъ, набитый льдомъ, ходившій рейсомъ между Англіей и Норвегіей. Мы знали, что находимся на его пути, и если намъ удастся захватить его грузъ, то тогда наше дѣло должно было закончиться блестяще.

«Итакъ, сэръ, чтобы не затягивать разсказа, скажу, что все было исполнено согласно моимъ приказаніямъ. Затѣмъ я усѣлся придумывать, какой бы такой дать сигналъ, чтобы услать подальше флотилію, пока они не пронюхали про мою добычу.

«Но въ этотъ день, сэръ, все способствовало моей удачѣ. Густой туманъ, хоть ножомъ рѣжь, спустился на насъ, и когда онъ разсѣялся, «Сиротка» оказалась въ одиночествѣ. Флотилія исчезла, оставивъ насъ въ одиночествѣ на плохомъ, какъ они думали, мѣстѣ.

Старикъ замолчалъ на минуту, чтобы перевести духъ, и указалъ мнѣ на бутылку съ виски.

Я отказался отъ угощенья, а онъ тѣмъ временемъ продолжалъ:

— Однако, ждать намъ на мѣстѣ долго не пришлось. Вскорѣ на горизонтѣ показался небольшой буксиръ, выглядывавшій, очевидно, пострадавшихъ. Ну мы, конечно, дружно стали его звать, и когда буксиръ подошелъ, шкиперъ спросилъ, что намъ нужно.

«— Сколько возьмете уступить намъ буксиръ на недѣлю съ сегодняшняго дня?

«Шкиперъ находился у рулевого колеса и, занятый какой-то поправкой, ничего не отвѣтилъ на глупую шутку, какъ онъ, вѣроятно, полагалъ.

«Я зналъ, что онъ это думаетъ, и потому настаивалъ.

«— Не думайте, что мы васъ дурачимъ, шкиперъ; говорите, сколько?

«Онъ выпрямился и взглянулъ мнѣ прямо въ глаза:

«— Двѣсти фунтовъ,—проговорилъ онъ.

«Я узналъ потомъ, что онъ сказалъ это, думая сразить меня такой громадной цифрой, но онъ, повидимому, плохо зналъ человѣка, съ которымъ имѣлъ дѣло.

«— Полтораста фунтовъ за двѣ недѣли!—крикнулъ я ему.—Соглашайтесь, и я стану на ваше мѣсто у руля.

«И что же, какъ вы думаете, сэръ, я перемѣнился съ нимъ мѣстомъ, и сейчасъ же снасти были перенесены на пароходъ. Дѣло было въ іюлѣ, вѣтра ни малѣйшаго, море не шелохнулось, вотъ, сэръ, когда можно оцѣнить пользу парохода.

«Парри» тоже подоспѣлъ во-время, и я накупилъ льда столько, сколько мнѣ понадобилось.

«Взадъ и впередъ, вверхъ и внизъ, то поднимали, то опускали мы снасти, и каждый уловъ оказывался лучше другого. Наконецъ, заполнивъ все помѣщеніе, я полнымъ ходомъ направился на рынокъ въ Гримзби и сдѣлалъ тамъ славное дѣло. Затѣмъ я вернулся на прежнее мѣсто у Доггера, опять наловилъ рыбы и вновь вернулся въ Гримзби на рынокъ; второй разъ было не хуже перваго. Возвращаясь назадъ, я замѣтилъ, что соль стала уходить, и наткнулся на флотилію Голубого Креста, которая сновала по Сѣверному морю, разыскивая своего адмирала.

Тутъ наступила пауза, и одинъ изъ слушателей-рыбаковъ прервалъ ее замѣчаніемъ:

— Покажите же джентльмэну тѣ слѣды, что у васъ остались отъ ихъ привѣтствія.

— Есть такія вещи,—торжественно перебилъ его эксъ-адмиралъ,—которыя джентльмэны довѣряютъ другъ другу на слово. Поэтому, если я скажу вамъ, сэръ, что шрамы все еще существуютъ на такомъ мѣстѣ, которое я предпочту не показывать, я думаю, вы удовлетворитесь этимъ, сэръ?

— Они исколотили его, и удивительно только, какъ это они не убили его,—добавилъ перебившій паузу рыболовъ, повидимому, не совсѣмъ удовлетворенный тѣмъ оборотомъ дѣла, которое придалъ старикъ своему разсказу.

— Не принимая этого инцидента въ разсчетъ,—продолжалъ эксъ-адмиралъ,—я полагаю, сэръ, вы всетаки могли заключить, что я сдѣлалъ достаточно, чтобы доказать свою способность управлять флотиліей Голубого Креста. Однако, уплативши за прокатъ буксира и еще прибавивъ ему 5 гиней, я подарилъ «Сиротку» командѣ и затѣмъ сложилъ съ себя адмиральскія обязанности. Я купилъ себѣ этотъ коттэджъ, сэръ, и зажилъ въ немъ спокойною жизнью.

«Теперь, сэръ, предоставляю вамъ судить, правильно или нѣтъ поступилъ я, будучи адмираломъ флотиліи, не забывайте, сэръ, что дѣло...

Я любезно поблагодарилъ его за разсказъ.

— Это удивительно интересное приключеніе,—сказалъ я,—и я непремѣнно постараюсь описать его.

Старикъ медленно поднялся, сохраняя на лицѣ своемъ торжественное выраженіе; упрочивъ себѣ равновѣсіе опорою тяжелаго стола, онъ произнесъ:

— Джентльмэны, я предлагаю послѣдній тостъ, потому что уже одиннадцать часовъ, пора вамъ и по домамъ. Я предлагаю тостъ за нашего

друга-писателя и высказываю пожеланіе, чтобы его талантъ оказался достойнымъ той щедрости, съ которою онъ угощалъ пивомъ и виски всю компанію.—Тяжело опустившись на стулъ, онъ перевелъ духъ.—Это вѣдь не каждый день случается пить виски по шести шиллинговъ за бутылку. Чудная виски, сэръ, благодарю васъ! Вы должны пересѣчь площадь, сэръ, прямо, напротивъ пожарнаго сарая!

VIII.

Послѣдній рейсъ.

На Доггеръ-Банкѣ стоитъ зима, холодная и непривѣтливая. Надъ ворчливо притихшимъ моремъ воздухъ неподвиженъ; свинцовыя декабрьскія тучи заволокли мрачное небо и нависли такимъ тяжелымъ слоемъ, что сквозь него не пробивается ни одного солнечнаго луча. Рыболовныя суда флотиліи Бѣлаго Креста, покрытыя снѣгомъ, съ обледенѣвшими снастями, безшумно, какъ призраки, покачиваются на якоряхъ. Рыболовы медленно прохаживаются по палубамъ и подъ ногами у нихъ скрипитъ снѣгъ, толстымъ ковромъ покрывающій палубную настилку. Лодки превратились въ ледяныя глыбы; канаты примерзли къ блокамъ, а паруса, насквозь промокшія отъ дождя, насквозь же примерзли и ледяными пеленами съ мертвенно неподвижными складками висятъ на мачтахъ и реяхъ.

Полное молчаніе. Не слышно ни стука кабестана, ни лязга якорныхъ цѣпей, ни грубыхъ окликовъ и брани, которыми обычно сопровождается подъемъ сѣтей, не разносится глухой плескъ опускаемыхъ въ море шлюпокъ, на которыхъ отвозятъ набитые рыбой ящики на пароходы, перевозящіе рыбу на рынокъ. Эти пароходы стоятъ теперь безъ работы, и парусники не рѣжутъ волнъ, переходя съ одного мѣста лова на другое. Теперь вся флотилія стоитъ неподвижно и все на ней безмолвствуетъ. Настроеніе тяжелое, такъ какъ всѣ понимаютъ, что предстоитъ серьезная борьба съ вѣтромъ и моремъ и что немало судовъ погибнетъ въ этой борьбѣ и немало коттэджей отъ Гулля до Ловстофта облекутся въ трауръ.

Флотилія разбросана на большомъ пространствѣ, но два судна, несмотря на штиль, сходятся вмѣстѣ, словно притянутыя магнитическою силою. Люди на палубахъ лѣниво берутся за багры, но руки у нихъ стынутъ отъ холода и предупредить столкновеніе не удается. Съ унылымъ скрипомъ и зловѣщимъ трескомъ сталкиваются эти суда бортами и стоятъ нѣкоторое время бортъ-о-бортъ, причемъ дымъ изъ каютныхъ трубъ у нихъ смѣшивается, разстилаясь надъ палубами. Наконецъ командамъ удается оттолкнуть суда другъ отъ друга, и одно изъ нихъ становится подъ кормой у другого. Изъ каюты этого судна поднимается на палубу человѣкъ и долгимъ, пытливымъ взглядомъ окидываетъ море и небо. Подбородокъ у него глубоко ушелъ въ толстый шерстяной шарфъ, а руки, въ теплыхъ перчаткахъ, засунуты въ карманы. Молча проходитъ онъ на бакъ и еще разъ оглядываетъ горизонтъ. Затѣмъ онъ возвращается къ каютному люку и, прислонившись къ надстройкѣ надъ нимъ, вынимаетъ изъ кармана трубку, медленно набиваетъ ее табакомъ и, взявъ чубукъ въ ротъ, роется въ карманахъ, отыскивая спичку, но, не

закуривъ, вынимаетъ трубку изо рта и держитъ ее нѣкоторое время въ рукѣ.

— Я даже не могу курить въ такую странную погоду,—замѣчаетъ онъ и добавляетъ съ неувѣреннымъ смѣхомъ:—Я тридцать лѣтъ плаваю на рыболовныхъ судахъ и никогда еще не видалъ такой погоды... Говорятъ, такой день былъ, когда внезапно налетѣвшій сѣверо-восточный вѣтеръ перевернулъ цѣлую дюжину судовъ въ этой самой флотиліи. Мнѣ такъ и кажется, что и сегодня что-нибудь подобное должно случиться.

— Что-нибудь и случится,—мрачно отвѣтилъ помощникъ.—Много нашихъ изъ флотиліи Бѣлаго Креста не проведутъ больше ни одного Рождества на берегу.

— Но мы-то не будемъ изъ ихъ числа,—замѣтилъ шкиперъ, закуривая трубку и стараясь говорить бодрымъ тономъ, чтобы и самому избавиться отъ чувства подавленности, овладѣвшаго имъ.—Нашъ «Цвѣтокъ» и не то еще видалъ. Самое скверное—это ожиданіе. Намъ приходится ждать и бездѣйствовать, такъ какъ паруса у насъ отъ мороза словно доски, а канаты превратились въ стальные прутья. Э, что это значитъ?

Онъ протянулъ руку и посмотрѣлъ на небо.

— Накрапываетъ дождь... А дождь это значитъ оттепель, а оттепель это значитъ, что мы станемъ ворочать и канатами, и парусами, и рулемъ...

— Дождевыя капли будутъ примерзать къ канатамъ и парусамъ, а палуба вся обледенѣетъ,—безнадежно замѣтилъ помощникъ.—Вода не можетъ выдержать такого холода.

Онъ постучалъ ногами о палубу и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ.

Помощнику пятьдесятъ лѣтъ. У него суровое, мрачное лицо и какой-то погребальный тонъ голоса, въ которомъ не звучитъ ни малѣйшей надежды. Сорокъ лѣтъ служитъ онъ на морскихъ рыболовныхъ судахъ, куда опредѣлило его человѣколюбивое сиротское управленіе, признававшее самодѣятельность главною добродѣтелью молодежи и потому отправлявшее поручаемыхъ ему плохо кормленныхъ и плохо одѣтыхъ мальчишекъ на рыболовныя суда, гдѣ имъ предоставлялось жить или умирать, по усмотрѣнію судьбы и шкиперовъ. За весь этотъ сорокалѣтній періодъ помощникъ не провелъ на берегу и двадцати мѣсяцевъ. Море не имѣетъ для него никакой привлекательности и не даетъ ему никакой прибыли, и занятіе сельскаго рабочаго, если бы кто-нибудь предложилъ ему его за восемнадцать шиллинговъ въ недѣлю, онъ принялъ бы какъ съ неба ниспосланное избавленіе отъ ежедневнаго и еженощнаго безконечнаго труда. Но ему извѣстно, что честолюбіе ограничено нѣкоторыми предѣлами и что такое выдающееся счастье ему не суждено.

— Хорошо бы, если бы шкиперъ «Быстраго» взялъ насъ на буксиръ,—добавилъ помощникъ, указывая на стоявшій неподалеку рыболовный пароходъ.—Тогда, быть можетъ, мы еще какъ-нибудь и добрались бы до берега, а то едва ли «Цвѣтокъ» выдержитъ бурю, которую готовитъ намъ эта ночь. Онъ весь разлѣзается по пазамъ.

Шкиперъ «Цвѣтка» молча продолжалъ курить. Дождь беззвучно моросилъ и ледяной покровъ на мачтахъ, реяхъ и на палубѣ все утолщался.

— Я бы не безпокоился, если бы мы могли сдѣлать что-нибудь,—пояснилъ свою мысль помощникъ,—но мы сдѣлать ничего не можемъ. Мы можемъ только ждать и бездѣйствовать. Готовится скверная штука,

вѣтеръ сразу нагрянетъ на насъ, это я ясно предвижу, а если онъ хватитъ насъ по боку, что мы сдѣлаемъ съ нашими обледенѣвшими парусами и блоками? Насъ въ одну минуту перевернетъ.

— Чтобъ васъ повѣсили черти! —воскликнулъ шкиперъ, пряча трубку въ карманъ.—Чего вы накликаете бѣду и разстраиваете насъ своими предсказаніями? Мы всѣ отлично знаемъ, что̀ можетъ случиться, если бѣда придетъ, но мы не одни; въ одинаковомъ положеніи съ нами вся флотилія.

— Это не улучшаетъ положенія,—отвѣтилъ помощникъ.—Чѣмъ больше потерь, тѣмъ больше печали. Черный, тяжелый денекъ будетъ для женъ и дѣтей. Слава Создателю, что у меня нѣтъ никого. Онъ ихъ всѣхъ взялъ къ себѣ. Я тогда горевалъ, но теперь не горюю. Лучше, что они ушли, лучше для нихъ и для меня...

— Да замолчите ли вы!—крикнулъ шкиперъ сердито.—Что вы каркаете и плачетесь до времени? Вы совсѣмъ съ толку сбили нашихъ ребятъ и бѣднаго юнгу. Иди сюда, мальчикъ, и не бойся. Ничего не случится, развѣ только паруса снесетъ.

Дрожащій отъ холода мальчикъ подошелъ къ шкиперу и со страхомъ ухватился за его толстую корявую куртку.

Помощникъ мрачно покачалъ головой.

— Это не поможетъ,—сказалъ онъ,—нѣтъ, это не поможетъ. Вамъ хочется насъ подбодрить, но ужь если наше время приспѣетъ, такъ оно приспѣетъ, и тутъ ничего не подѣлаешь. Посмотрите-ка, шкиперъ, на «Быстраго»... Какъ онъ спокойно держится на водѣ, какъ спокойно поднимается дымъ изъ его трубы. На немъ выбираютъ снасти, и его старый капитанъ отправится домой, а мы останемся здѣсь и потонемъ или поплывемъ, какъ укажетъ намъ судьба.

— Его домъ на «Быстромъ»,—отвѣтилъ шкиперъ «Цвѣтка»,—онъ и на Доггеръ-Банкѣ у себя дома, также какъ и въ гавани, а выбираетъ онъ снасти потому, что спѣшитъ къ утру попасть на рынокъ.

— Онъ спѣшитъ уйти отъ бури. Онъ не рѣшается бороться съ ней и никто не рѣшится на это, если его не заставятъ. Хотѣлось бы мнѣ быть у него на борту.

— И мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы тамъ были или чтобы васъ черти на берегъ перенесли. Вы прямо несчастье приносите. Съ вами и Ноевъ ковчегъ потонулъ бы, не то что нашъ «Цвѣтокъ».

— Неужели нѣтъ никакого способа перебраться на «Быстрый»?— продолжалъ помощникъ.

Шкиперъ былъ уже не въ силахъ сдерживаться и крикнулъ:

— Есть, чтобы черти васъ забрали! Есть! Плывите туда, плывите, какъ собака, подлый трусъ! Вы каркающій воронъ! Зачѣмъ только взялъ я васъ съ собой? Но ужь больше этого не случится! Никогда этого не будетъ, никогда! Разъ вы сойдете на берегъ, такъ ужь на «Цвѣтокъ» не вернетесь, попомните мои слова!—Онъ подошелъ вплотную къ помощнику и злобно грозилъ ему кулакомъ.—Никогда больше, помните же, никогда!—повторилъ онъ, тыча ему кулакомъ въ лицо.

— Знаю, шкиперъ, знаю,—торжественно отвѣтилъ помощникъ.— Никогда больше, никогда,—это самое подходящее слово для всѣхъ насъ.

Шкиперъ вздрогнулъ, рука у него безсильно опустилась, и онъ молча отошелъ отъ своего помощника.

— Ребята,—крикнулъ онъ съ внезапною рѣшимостью,—сходите-ка

кто-нибудь въ каюту и принесите всю горячую воду, какая тамъ найдется. Мы попробуемъ оттаять блоки. А вы, Фредъ и Биль, полѣзайте наверхъ и посмотрите, нельзя ли чего подѣлать съ парусами.

Двое матросовъ пошли въ каюту за водой, а двое полѣзли на ванты.

— Пока вы займетесь этими безполезными вещами,—замѣтилъ помощникъ,—я буду слѣдить за «Быстрымъ» и послушаю, что они тамъ говорятъ. Человѣку на обреченномъ на гибель суднѣ пріятно прислушаться къ стуку машины на сосѣднемъ пароходѣ.

И онъ сталъ долго и пристально всматриваться въ пароходъ, стоявшій отъ «Цвѣтка» на разстояніи одного кабельтова.

«Быстрый»—довольно грязный на видъ пароходъ, съ черным кузовомъ, на которомъ бѣлою краскою выведены названіе порта, къ которому приписано судно, и его нумеръ. Фальшъ-бортъ и кузова надъ колесами у него окрашены въ желтый цвѣтъ, а надъ палубой высоко поднимается черная труба. Впереди довольно обширная каюта для рулевого, гдѣ помѣщаются рулевое колесо и компасъ. Съ боковъ у ней окна, въ которыя вставлены рамы со стеклами, поднимаемыя и опускаемыя по желанію.

Это пароходъ достаточно обветшатлый даже для Сѣвернаго моря, но его кузовъ, склепанный изъ желѣзныхъ листовъ, еще довольно крѣпкій и есть еще жизненная сила въ единственномъ цилиндрѣ, который величаютъ машиной, а котелъ, хотя и устарѣвшій, еще способенъ выдерживать напряженіе пара, развиваемаго тѣмъ сквернымъ углемъ, которымъ питается машинная печь.

Рыболовство даетъ мало прибыли и не оплачиваетъ такого угля, который жгутъ на почтовыхъ пароходахъ. Но какъ онъ ни грязенъ и ни убогъ, онъ составляетъ единственное достояніе своего капитана, который одновременно и владѣлецъ судна. Самодовольно оглядываетъ онъ свой пароходъ, стоя въ рулевой каютѣ и облокотившись на колесо. Это человѣкъ на видъ очень рѣшительный и смѣлый, съ просѣдью въ бородѣ и волосахъ. Кожа у него коричневая отъ солнечнаго загара и сильнаго вѣтра, къ морю онъ привыкъ съ ранняго дѣтства и читаетъ его настроеніе, какъ давно знакомую книгу. Онъ въ кожаной курткѣ, застегнутой на-глухо, вокругъ шеи у него толстый красный шарфъ изъ грубой шерсти, а на головѣ котиковая шапка, сильно поношенная. Капитанъ нѣсколько времени смотритъ безцѣльно изъ окна, затѣмъ обтягиваетъ на себѣ куртку, поправляетъ шарфъ на шеѣ и надвигаетъ шапку на лобъ и на уши. Потомъ онъ снимаетъ теплыя перчатки со своихъ закорузлыхъ рукъ, вѣшаетъ ихъ на рукояти колеса и пытается согрѣть руки своимъ дыханьемъ. Это, однако, плохо удается и онъ кладетъ руки на теплую, горячую трубу, проведенную черезъ каюту. Надѣвъ снова перчатки, онъ отворяетъ боковую желѣзную дверцу и выходитъ на мостикъ.

Команда выбираетъ рыболовную снасть, но всѣ работаютъ молча, слышно лишь постукиванье паровой лебедки.

Капитанъ глубоко вдыхаетъ морозный воздухъ. Тишина подавляетъ его, и при взглядѣ на темную воду и безмолвныя парусныя суда онъ чувствуетъ, что ему давитъ грудь, что онъ задыхается.

— Да сохранитъ ихъ Господь этой ночью,—бормочетъ онъ сквозь зубы,—Его помощь имъ понадобится.

Онъ возвращается опять въ рулевую каюту и, занявъ свое мѣсто у колеса, снова смотритъ на хмурое небо.

— Его помощь имъ понадобится,—повторяетъ онъ.—Много ли ихъ останется завтра послѣ бури?

Онъ медленно поворачиваетъ колесо; но овладѣвшій имъ духъ безпокойства выгоняетъ его опять на мостикъ.

— Ребята!—кричитъ онъ, и голосъ его звучитъ какъ-то особенно отчетливо.—Ребята, поднимайте-ка скорѣй снасти, пора уходить!

Матросы оборачиваются и глядятъ въ его сторону, но никто не нарушаетъ молчанія. Капитанъ видитъ ихъ блестящіе отъ пота лица и возвращается въ рулевую каюту.

— Бездна притягиваетъ ихъ и духъ ея надъ ними, также какъ и надо мной,—бормочетъ онъ.—Снасти подняты,—добавляетъ онъ, взглянувъ на корму.—Ну-ка, Бенъ и Джекъ,—кричитъ онъ, на этотъ разъ громко и бодро, въ говорную трубу, проведенную въ помѣщеніе машины,—на мѣстѣ ли вы?

— Есть!—отвѣчаетъ грубый голосъ, а другой — голосъ старшаго машиниста—добавляетъ:

— Есть, капитанъ! И двоихъ-то насъ едва хватитъ, чтобъ удержать машину на ходу до утра.

— Правда ваша, Джекъ, — отвѣчаетъ капитанъ серьезнымъ тономъ,—но у насъ здоровый, крѣпкій духъ и здоровый, крѣпкій пароходъ, а надъ нами Господь, Нашъ покровитель.

— Пароходъ первый сортъ, особенно въ свѣжій вѣтеръ,—подтверждаетъ Джекъ, пропуская мимо ушей конецъ капитанской сентенціи.

— На этотъ разъ у насъ будетъ кое-что побольше свѣжаго вѣтра,—замѣчаетъ капитанъ.—Будетъ буря, и здоровая! Полный ходъ впередъ и не жалѣйте угля!

Утвердительное «есть» раздается въ отвѣтъ, и засаленные люди внизу поворачиваютъ рукоять машины, которая начинаетъ свой равномѣрный стукъ, въ то время какъ паръ со свистомъ врывается въ цилиндръ, а колеса съ шумомъ вспѣниваютъ свинцовую воду.

— Машина стучитъ веселѣе, чѣмъ когда-либо,—говоритъ капитанъ, поворачивая колесо.—Я опять начинаю свободно дышать.

Нѣкоторое время онъ прислушивается къ стуку машины и плеску воды, разрѣзаемой «Быстрымъ».

Проходя мимо «Цвѣтка», онъ слышитъ окликъ:

— «Быстрый», ао!

— Ао! Ао!—отвѣчаетъ капитанъ, открывая окно, чтобы яснѣе слышать.

— Не подтянете ли вы насъ?—кричитъ помощникъ.

Прежде чѣмъ отвѣтить, капитанъ приказываетъ остановить машину.

— Это не обычная просьба,—отвѣчаетъ онъ.—Шкиперъ-то вашъ тоже объ этомъ проситъ?

— Вонъ онъ стоитъ, спросите его,—говоритъ помощникъ.

— Поворачивайтесь скорѣе,—кричитъ капитанъ «Быстраго»,—времени терять нельзя!

Шкиперъ «Цвѣтка» утвердительно киваетъ головой.

— У меня паруса и канаты обледенѣли,—бормочетъ онъ, добавляя про себя:—А что скажетъ флотилія, видя, какъ мы бѣжимъ домой, не докончивъ рейса, и изъ-за того лишь, что поднимается вѣтеръ?

— Судно гнилое, не вынесетъ бури,—поясняетъ помощникъ.

— Бросайте конецъ и готовьте канатъ,—командуетъ капитанъ съ «Быстраго».—Теперь не время для объясненій.

Помощникъ бросаетъ на палубу «Быстраго» свертокъ тонкой веревки, къ концу которой прикрѣпленъ толстый канатъ. Его выбираютъ на пароходъ, крѣпко привязываютъ, и «Быстрый» возобновляетъ свой бѣгъ, хотя значительно тише прежняго, такъ какъ «Цвѣтокъ» сильно его задерживаетъ

— Если будетъ сильная буря, мы обрубимъ канатъ,—предупреждаетъ капитанъ.

— Есть, есть!—отвѣчаетъ шкиперъ «Цвѣтка», стоя на носу своего судна.—Боюсь, что не долго намъ этого ждать, вонъ оно какъ задуваетъ съ кормы.

Рукой онъ указываетъ на горизонтъ, поперекъ котораго чернѣетъ линія поднятыхъ вѣтромъ волнъ. Отдаленный ревъ бури доносится уже до нихъ. Онъ растетъ и по мѣрѣ приближенія становится все громче и громче, пока, наконецъ, съ пронзительнымъ воемъ не налетаетъ на нихъ примчавшійся шквалъ.

Сначала буря разражается надъ флотиліей. Съ изумительнымъ ревомъ внезапно надвигается она съ сѣверо-востока, и безжизненныя воды вспѣниваются какъ бы по волшебству. Верхушки волнъ срываетъ сердитый вѣтеръ и брызги, замерзая, ледяными иглами впиваются въ лицо матросамъ судовыхъ командъ. Обвѣтренные морскіе волки прячутся отъ этихъ жестокихъ градинъ, а мальчики-ученики плачутъ отъ боли. Мачты трещатъ и ломаются, тяжелыя реи и обледенѣвшія паруса опаснымъ грузомъ свѣшиваются за бортъ. Многія суда, захваченныя боковымъ вѣтромъ, перевертываются вверхъ килемъ и тонутъ на днѣ Доггеръ-Банки.

Шкиперъ на рыбовозномъ пароходѣ замѣтилъ надвигавшійся водяной валъ, повернулъ ему навстрѣчу носъ своего маленькаго суденышка и скомандовалъ въ машину: «Полный ходъ впередъ». Онъ бросился навстрѣчу водяной стѣнѣ, предпочитая столкнуться съ ней лицомъ къ лицу, не ожидая, пока она нагонитъ его сзади или ударитъ его въ бокъ. Его пароходъ исчезаетъ на одну минуту подъ водой, но затѣмъ выплываетъ и борится съ волнами, уходя отъ мѣста стоянки флотиліи съ тѣмъ, чтобы вернуться, когда буря утихнетъ. Онъ человѣкъ осторожный, но не безсердечный и превращаетъ свою каюту во временный лазаретъ для тѣхъ, кого спасутъ изъ воды съ переломанными костями и кого придется отвозить въ береговой госпиталь. Какъ разъ, на несчастье, миссіонерскій пароходъ наканунѣ бури ушелъ съ мѣста стоянки, такъ какъ на борту у него были серьезные больные и докторъ призналъ необходимымъ отвезти ихъ на берегъ.

Затѣмъ буря мчится дальше съ неудержимой злобой и налетаетъ на «Цвѣтокъ». На минуту его паруса надуваются подъ напоромъ вѣтра, но ихъ не срываетъ и мачты тоже крѣпко стоятъ на мѣстахъ. Тогда судно накреняется такъ сильно, что концы рей погружаются въ виду, и въ то время, какъ оно безпомощно лежитъ на боку, налетаетъ новый шквалъ, и блестящій киль «Цвѣтка» показывается надъ водой.

На палубѣ раздается общій крикъ ужаса и отчаянія. Одинъ только помощникъ молчитъ. Неподвижнымъ взоромъ смотритъ онъ на нависшій надъ ними водяной валъ и первый скользитъ внизъ съ палубы во вспѣнившуюся пучину. Онъ и не пытается спасаться; для него смерть не мрачнѣе жизни...

На «Быстромъ» кто-то изъ состава команды съ трудомъ добирается до кормы и двумя ударами топора обрубаетъ буксирный канатъ. Освобожденный «Цвѣтокъ» на мгновенье выпрямляется, но внезапно зарывается въ воду носомъ и идетъ ко дну.

Капитанъ слышитъ послѣдній отчаянный крикъ команды парусника, выдѣлившійся даже среди воя и грохота бури; онъ крѣпко стискиваетъ зубы и лицо у него бѣлѣетъ.

— Это вы сдѣлали?—спрашиваетъ онъ своего помощника, когда тотъ заходитъ къ нему въ рулевую каюту.

— Да,—отвѣчаетъ помощникъ, содрогаясь отъ ужаса и бросая топоръ,—и Богу извѣстно, какимъ убійцей я кажусь самому себѣ.

— Мы должны были это сдѣлать, чтобы самимъ спастись,—печально говоритъ капитанъ.—Постойте-ка со мной у колеса и помогите мнѣ.

«Быстрый» борится, прокладывая себѣ путь среди волнъ, и ледяные брызги безпрерывнымъ градомъ стучатъ въ окна рулевой каюты.

Угрюмо стоитъ капитанъ по одну сторону рулевого колеса, а помощникъ—по другую. Оба они крѣпко держатся за рукояти сильными руками со вздувшимися мускулами; у обоихъ крѣпко стиснуты зубы; капитанъ говоритъ только тогда, когда надо отдать неожиданное приказаніе, остальная работа по управленію кораблемъ исполняется ими обоими одновременно, какъ однимъ человѣкомъ; помощникъ инстинктивно понимаетъ, чего хочетъ капитанъ, и его руки слѣдуютъ за руками капитана, передвигая колесо на столько именно оборотовъ, сколько требуется, безъ малѣйшей ошибки или задержки. И наступаетъ ночь, и полная луна встаетъ на холодномъ, угрюмомъ небѣ...

Разъ, когда корма «Быстраго» поднялась высоко на водѣ, пароходъ пересталъ слушаться руля и повернулся бокомъ къ волненью. Громадная кипящая пѣной волна надвинулась на него и, словно призадумавшись на секунду, нависла надъ палубой, тотчасъ же затѣмъ опрокинувшись на нее всей своей массой и уничтожая все на своемъ пути. Подъ обрушившейся на него тяжестью «Быстрый» осѣлъ въ воду и на мгновенье, въ теченіе котораго у всѣхъ на пароходѣ захватило дыханье, колеса перестали двигаться. У капитана вырвался стонъ, помощникъ крикнулъ: «Тонемъ!», но волна съ грохотомъ скатилась съ палубы, и «Быстрый» оправился, содрогаясь всѣмъ корпусомъ. Когда, наконецъ, палуба очистилась отъ воды, оказалось, что фальшъ-бортъ и шлюпка снесены, остались только уныло торчащіе кверху желѣзные стояки.

— Еще одна такая волна,—спокойно замѣтилъ капитанъ,—и насъ ужь ничто не спасетъ.

— Можетъ быть, теперь онъ будетъ легче держаться на водѣ,—замѣтилъ помощникъ.

Больше не было сказано ни слова, и оба они продолжали ворочать колесо.

Всю долгую ночь несется пароходъ, подгоняемый бурей. По временамъ капитанъ замѣчаетъ портовые огоньки на берегу или вращающіеся огни маяковъ высоко надъ моремъ на прибрежныхъ скалахъ.

— Вонъ огни Витби,—говоритъ онъ,—а вонъ высокій маякъ. Лучше сюда править, чѣмъ въ Скарборо, э?

— Да,—отвѣчаетъ помощникъ,—но куда же мы идемъ?

— Въ Берлингтонъ-Бэй, если Господь поможетъ, если хватитъ угля и пароходъ выдержитъ.

— Въ Берлингтонъ-Бэй по такой погодѣ будетъ много парусниковъ и каботажныхъ судовъ, тамъ въ гавани мало мѣста, негдѣ будетъ стать.

— Для нашего разбитаго парохода мѣсто найдется, предполагая, конечно, что намъ удастся обогнуть Фламброскій мысъ. Волна тамъ будетъ высокая, а насъ порядкомъ-таки потрепало; не знаю, справимся ли...

Начинало свѣтать, когда желѣзная дверца рулевой каюты отворилась и вошелъ высокій матросъ, быстро затворившій за собой дверцу. Онъ зналъ, что даже на такой высотѣ надъ палубой можетъ въ каюту вкатиться волна и надѣлаетъ тамъ много бѣдъ.

— Капитанъ,—докладываетъ онъ,—на носу открылась течь и вода заливаетъ насъ. Что дѣлать?

Лица у обоихъ людей, стоящихъ у рулевого колеса, блѣднѣютъ на мгновеніе, и капитанъ спрашиваетъ:

— Долго ли мы продержимся?

— Если течь не усилится и волненье не увеличится, то съ часъ еще мы продержимся, но ни секунды дольше. Что намъ дѣлать?

Матросъ говоритъ, какъ человѣкъ, заранѣе приготовившійся къ самому худшему; онъ знаетъ, что забитый грязью и поломанный насосъ безполезенъ и что лодку унесло волной.

— Скажите ребятамъ, чтобы укрылись въ машинѣ,—отвѣчаетъ капитанъ.—Мы подумаемъ, какъ быть, а пока, если наше время приспѣло, то все равно, какъ погибать—всѣмъ ли вмѣстѣ или каждому порознь.

Матросъ отворяетъ дверцу и, спустившись на палубу, съ трудомъ доползаетъ до помѣщенія команды на носу парохода, гдѣ передаетъ распоряженіе капитана своимъ товарищамъ. Затѣмъ онъ вмѣстѣ съ ними идетъ въ машинное помѣщеніе, гдѣ и находитъ убѣжище до того времени, пока поднимающаяся вода не выгонитъ ихъ оттуда.

Громче воетъ буря, выше поднимаются волны, потомъ все на минуту стихаетъ, въ промежуткѣ между шквалами, нагоняющими другъ друга. Люди на «Быстромъ» слышатъ громъ бури у береговъ, вой вѣтра надъ іоркшайрскими скалами, ланкастерскими и норфолькскими отмелями, но около нихъ, вокругъ «Быстраго», наступаетъ временное затишье.

— Вѣтеръ стихъ!—съ новой энергіей кричитъ капитанъ, и надежда звучитъ у него въ голосѣ.—Но онъ опять поднимется и съ новой силой налетитъ на насъ. Если вы до сихъ поръ еще никогда не работали изо всѣхъ силъ, спасая свою шкуру, то работайте теперь. Мы должны добраться до берега или потонуть. Бросайте въ огонь все, что можетъ горѣть, и дайте машинѣ столько пару, сколько она можетъ выдержать. Работайте, и, Богъ дастъ, мы еще спасемся!

Капитанъ могъ бы и не отдавать этого приказанія. Жизнь, несмотря на ея недостатки, дорога этимъ потнымъ людямъ въ машинѣ и они съ энергіей отчаянія подбрасываютъ уголь въ печь, поливая его масломъ и керосиномъ.

Укрывшіеся въ машинѣ матросы выходятъ изъ своего убѣжища, узнавъ, что ихъ главный врагъ—вѣтеръ—утихъ и волны не перекатываются черезъ палубу; они пытаются чѣмъ-нибудь заткнуть течь, какъ-нибудь отчерпать воду, которая своей тяжестью тянетъ книзу пароходъ и бьется въ трюмѣ о борта при каждомъ раскачиваніи парохода. Въ машинѣ чугунныя плиты пола она заливаетъ уже на цѣлый футъ въ

вышину, и машинисты работаютъ по щиколку въ водѣ. По временамъ, когда «Быстрый» спускается съ одной волны, чтобы взобраться на другую, вода доплескиваетъ до печной дверки, она зловѣще шипитъ и превращается въ паръ. Одежда у кочегара и машиниста промокла, кожа во многихъ мѣстахъ обожжена, но они упорно работаютъ, исполняя приказъ капитана. Никогда еще до сихъ поръ въ котлѣ не держали такого давленія, никогда еще поршень ни двигался съ такой быстротой, какъ теперь. Въ тайникѣ души своей старшій машинистъ сознаетъ, что всѣ шансы за то, что котелъ взорветъ, что внезапно раздастся ужасный грохотъ и трескъ и цилиндръ, и поршень, и клапанъ разстанутся другъ съ другомъ навѣки, но, что бы ни случилось, надо держать какъ можно больше пара. Уменьшить давленіе значитъ пойти ко дну.

— Держитесь тамъ, въ машинѣ! — кричитъ капитанъ изъ рулевой каюты по разговорной трубѣ.—Продержитесь еще немного, и все обойдется, я нашелъ выходъ.

— Будемъ держаться, пока машина не полетитъ къ чорту! — отвѣчаетъ старшій машинистъ, проводя грязной рукой по своему обожженному лицу.

— Не поминайте нечистаго, — замѣчаетъ матросъ, докладывавшій о течи.—Не поминайте его до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока мы не выберемся на берегъ. У насъ и такъ грѣховъ немало, незачѣмъ еще увеличивать ихъ тяжесть.

Старшій машинистъ ничего не возражаетъ, такъ какъ на него дѣйствуетъ основательность этого замѣчанія. Онъ возвращается къ печи и паровику и открываетъ въ себѣ профессіональный интересъ къ цилиндру и котлу. Онъ держитъ давленіе въ 40 фунтовъ въ котлѣ, стѣнки котораго разсчитаны на максимальное давленіе въ 25 фунтовъ; ему извѣстно кое-что о способности металловъ изнашиваться и онъ отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ состояніи, въ которомъ долженъ находиться старый котелъ «Быстраго» послѣ многолѣтней работы, но тѣмъ бо̀льшую профессіональную гордость вызываетъ въ немъ сознаніе, что у него 40 фунтовъ пара, и на время онъ даже забываетъ объ опасномъ положеніи «Быстраго».

Наконецъ наступаетъ холодное, угрюмое утро. «Быстрый» все еще пробиваетъ себѣ путь по высокимъ волнамъ, но ходъ его уменьшился, колеса работаютъ плохо, такъ какъ приходится идти противъ вѣтра. Капитанъ внимательно осматриваетъ заливъ, въ который входитъ пароходъ и куда съ противоположной стороны съ ревомъ несутся волны. Онъ правитъ къ длинной узкой платформѣ, далеко выдающейся въ море у подножья одной изъ береговыхъ скалъ. На концѣ этой платформы возвышается крутая ротонда съ остроконечной крышей, окрашенной въ голубой цвѣтъ и мѣстами позолоченной.

— Капитанъ,—говоритъ ему помощникъ,—это штука, на которую вы правите, вѣдь это не пристань. Это деревянный молъ для прогулокъ во время лѣтняго купанья.

Онъ дышитъ на свои холодные пальцы, чтобы согрѣть ихъ, и недоумѣваетъ, настанетъ ли когда-нибудь лѣто, улягутся ли хоть на время морскія волны и будетъ ли на самомъ дѣлѣ солнце сіять и грѣть?

— Мнѣ этотъ молъ-то и нуженъ,—кратко отвѣчаетъ капитанъ.

— А на что?—съ удивленіемъ спрашиваетъ помощникъ.

— Идти въ гавань значитъ перевернуться, когда будемъ огибать Замковую скалу. Итди въ Берлингтонъ-Бэй не хватитъ времени. Мы пошли бы ко дну, прежде чѣмъ добрались до Фламброскаго мыса. Выходъ одинъ для насъ, такъ какъ на берегъ мы выброситься не можемъ.

— Какой?

— А вотъ черезъ 10 минутъ мы узнаемъ, удастся ли онъ. Подбросьте угля въ печь, — отдаетъ капитанъ свое послѣднее приказанiе въ разговорную трубу. — Подбросьте угля и выходите изъ машины на палубу. Когда я вамъ крикну, вы спрыгнете на молъ.

— Есть, есть!—отвѣчаютъ изъ машины, но вопросовъ не задаютъ: команда вѣритъ своему старику-капитану.

Капитанъ остается одинъ у рулевого колеса, и матросы, затаивъ дыханiе, слѣдятъ за нимъ, недоумѣвая, какъ онъ спасетъ и ихъ, и себя.

«Быстрый» направленъ носомъ прямо въ бокъ мола и летитъ на всѣхъ парахъ. Капитанъ, неизмѣнно спокойный, стоя у рулевого колеса, не даетъ пароходу отклоняться ни вправо, ни влѣво отъ прямой линiи.

Вдругъ раздается гулкiй ударъ, слышный далеко, несмотря на шумъ прибоя. Машина продолжаетъ работать, колеса еще вертятся, но пароходъ остановился; послѣднiй рейсъ его законченъ. Носомъ «Быстрый» врѣзался между желѣзными козлами мола и переломалъ деревянную настилку. Самъ изломанный и разбитый, онъ сидитъ крѣпко.

— Ну!—кричитъ капитанъ.

Машинистъ и кочегаръ бѣгутъ по палубѣ и прыгаютъ на молъ, гдѣ оказываются въ полной безопасности.

— Ну!—кричитъ опять капитанъ.—Скорѣе, а то пароходъ отнесетъ и онъ потонетъ!

Помощникъ и матросы прыгаютъ на молъ.

Капитанъ, повинуясь долгу командира, остается послѣднимъ на пароходѣ. Онъ выходитъ изъ рулевой каютки, спускается съ мостика и, тяжело ступая, идетъ по палубѣ.

— Скорѣе, ради Бога, скорѣе!—кричитъ помощникъ съ мола.—Пароходъ начинаетъ относить, а вонъ надвигается огромная волна.

Помощникъ перегибается впередъ, хватаетъ капитана за руку и помогаетъ ему перебраться на молъ. Въ это время волна обрушивается на пароходъ и покрываетъ его облакомъ пѣны.

— Идите впередъ поближе къ землѣ, — приказываетъ капитанъ.— Начинается приливъ и насъ можетъ снести, если мы будемъ здѣсь стоять.

Они съ трудомъ добираются по скользкимъ обледенѣвшимъ доскамъ до конца мола и прячутся отъ вѣтра за небольшой постройкой, откуда виденъ «Быстрый».

— Ужасно тяжело видѣть, какъ онъ гибнетъ, — замѣчаетъ капитанъ.—Двадцать лѣтъ онъ былъ моимъ домомъ и за все это время я ни одной ночи не провелъ иначе какъ въ своей каютѣ.

— Хуже было бы, если бы море выкинуло сюда наши тѣла,— отвѣчаетъ помощникъ, у котораго отъ холода зубъ на зубъ не попадаетъ.— А еще хуже было бы, если бы наши тѣла носились по волнамъ до тѣхъ поръ, пока какая-нибудь добрая душа не сжалилась бы надъ ними и, проткнувъ багромъ, не пустила ко дну.

— Смотрите, — торжественно говоритъ капитанъ, — смотрите, ко-

нецъ пришелъ, пароходъ относитъ. Какъ онъ борится, колеса работаютъ во всю.

— Стыдно и жалко топить такой чудный котелъ,—замѣчаетъ старшій машинистъ, въ первый разъ открывая ротъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ на берегу.—Теперь такихъ крѣпкихъ котловъ ужь не дѣлаютъ.

Надвигается новая волна. Съ огромной силой высоко поднимаетъ она «Быстраго». Онъ содрогается и со стономъ и трескомъ расклепываются на немъ желѣзныя плиты и ломаются деревянные брусья. Передняя часть, отломившись, застреваетъ между обломками мола, а кормовую часть съ машиной и колесами относитъ назадъ въ море. Другая волна подхватываетъ ее, и «Быстрый», все еще работая своими колесами, перевертывается и погружается въ пучину.

кончаніе слѣдуетъ).

ЛЮДИ СѢВЕРНАГО МОРЯ.

Разсказы о Доггеръ-Банкѣ, Вальтера Вуда.

(Переводъ съ англійскаго Холли).

IX *).

Спасеніе машиниста.

Дональдъ Робзонъ, главный машинистъ «Пеликана», громоздкаго рыболовнаго парохода, сидѣлъ на правомъ борту этого крѣпкаго, но грязнаго, скверно пахнувшаго сооруженія. Главный машинистъ предавался отдыху, такъ какъ было воскресенье. Подчиненные же его праздновали этотъ день въ трюмѣ. Грубые голоса ихъ хоромъ повторяли отрывки гимна и умолкали лишь для того, чтобы приложиться къ пузатой каменной бутылкѣ, въ которую, воскресенья ради, былъ налитъ холодный чай.

Былъ ясный солнечный день, легкій вѣтерокъ пріятно умѣрялъ жаръ и поднималъ бѣлую пѣну на гребняхъ синихъ быстро катившихся волнъ. Робзону было пріятно сидѣть, слегка покачиваясь отъ равномѣрнаго движенія буксира, грѣясь на солнышкѣ и любуясь безконечной блестящей далью. Поудобнѣе усѣвшись, опираясь на ладонь лѣвой руки, онъ съ наслажденіемъ затягивался изъ коротенькой только-что набитой имъ трубки.

Робзонъ былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти; онъ плавалъ по всѣмъ морямъ и океанамъ, какіе только существовали, и на всѣхъ пароходахъ, начиная съ громадныхъ американскихъ быстроходовъ, пересѣкающихъ Атлантическій океанъ, и кончая рыболовнымъ судномъ на Сѣверномъ морѣ въ какихъ-нибудь сорокъ тоннъ, въ пятьдесятъ лошадиныхъ силъ. Но изъ всѣхъ машинъ, побывавшихъ въ его рукахъ, онъ предпочиталъ этотъ буксиръ, потому что здѣсь все начальство заключалось въ немъ самомъ и потому онъ былъ свободенъ постоянно, какъ ему заблагоразсудится.

Недалекій шкиперъ «Пеликана», который никогда не видалъ «загра-

*) Окончаніе. См. «Вѣстн. Ин. Лит»., кн. IX. 1905 г.

ницы» и не ходилъ дальше восточной оконечности Гельголанда, питалъ къ нему необыкновенное почтеніе, смѣшанное со страхомъ и удивленіемъ къ человѣку, бывшему, по его собственному увѣренію, на скачокъ отъ сѣвернаго полюса и на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ южнаго. Поэтому ему и въ голову не приходило даже мысленно противиться желаніямъ и указаніямъ машиниста.

Самъ шкиперъ былъ аккуратный, благочестивый человѣкъ, каждое воскресенье онъ умывался и, надѣвъ целулоидовый воротничекъ, старательно пряталъ сѣрую отъ грязи манишку. Для этой цѣли онъ употреблялъ кусокъ красной фланели, подаренный ему супругой. Если бы шкиперъ могъ поступать согласно указаніямъ своего благочестиваго сердца, то въ воскресенье онъ не тронулъ бы буксира и, собравъ команду на палубѣ миссіонерскаго парохода, прослушалъ бы проповѣдь, а затѣмъ предался бы чаепитію, послѣ чего могъ бы со спокойнымъ сердцемъ отправиться на еженедѣльный митингъ. Къ сожалѣнію, онъ зналъ, что владѣльцы буксира болѣе радѣли о хорошемъ дивидендѣ, чѣмъ о благочестіи служащихъ, и поэтому онъ могъ исправлять свои христіанскія обязанности только тогда, когда позволяло время.

Въ это воскресенье, по случаю отдыха, шкиперъ былъ въ прекрасномъ настроеніи. Солнце сіяло такъ ярко, небо было такъ прозрачно, море такъ спокойно, что шкиперъ не могъ удержаться и громко запѣлъ.

— Нарядились?—прервалъ его пѣніе непочтительнымъ возгласомъ машинистъ.

— Что? Что вы хотите сказать? — спросилъ шкиперъ, не понимая, какое отношеніе можетъ имѣть возгласъ машиниста къ его вокальнымъ упражненіямъ.

— Я про галстухъ,—пояснилъ Робзонъ.

— Ну, — переспросилъ шкиперъ съ невольнымъ волненіемъ, — что же галстухъ?

— Огонь да и только,—засмѣялся машинистъ,— вы пылаете, какъ костеръ изъ сухого валежника.

— Пожалуй, — согласился шкиперъ, — но что же дѣлать, красные галстухи теперь въ модѣ.

— Галстухи,—засмѣялся машинистъ,—а у васъ что же? Кусокъ отъ старой юбки?

Шкиперъ промолчалъ, въ немъ происходила борьба; сказать правду ему мѣшала боязнь уронить себя въ глазахъ свѣта, а скрыть истину ему мѣшала врожденная правдивость. Наконецъ, послѣднее восторжествовало и онъ нѣсколько смущеннымъ голосомъ произнесъ:

— Вы угадали.

Робзонъ громко расхохотался, а шкиперъ утѣшался мыслью, что, будучи холостякомъ, машинистъ не можетъ отдавать себѣ яснаго отчета въ томъ или другомъ предметѣ женскаго костюма.

— Очень красиво,—продолжалъ заливаться между тѣмъ Робзонъ,— жаль только, что коротко! Право, было бы лучше, если бы этотъ лохмотъ былъ подлиннѣе, вы бы могли тогда его обвязать вокругъ таліи и закончить бантомъ.

Шкиперъ помолчалъ и только искоса поглядывалъ на сидящаго на правомъ борту человѣка, съ грязнымъ полотенцемъ, обмотаннымъ вокругъ шеи, и отрепанной рубашкой, разстегнутой на темной волосатой

груди; однако, этотъ взглядъ не смутилъ Робзона и онъ продолжалъ смѣяться, глядя на разряженнаго шкипера.

— Всетаки лучше надѣть что-нибудь чистое,—проговорилъ онъ, наконецъ.—Я бы ни за что не сталъ ходить такъ, какъ вы, въ праздникъ... Я всетаки стараюсь, какъ могу, почтить воскресный день.

Робзонъ еще сильнѣе расхохотался.

— Хорошо, нечего сказать! Торчите здѣсь въ воскресный день на суднѣ, стараетесь выловить здѣсь послѣднюю рыбешку и вытянуть изо всѣхъ матросовъ какъ можно больше работы за уплаченное жалованье и въ то же время толкуете, какъ бы угодить Богу въ воскресный день! Эхъ вы! Развѣ Богу угодитъ то, что вы выскребли лицо да чуть не удавились этой красной тряпкой...

— Я принужденъ ловить рыбу и работать въ воскресенье, — перебилъ его шкиперъ. — Директоръ говоритъ, что воскресное рыболовство увеличиваетъ дивидендъ акціонеровъ на одинъ процентъ, и потому мы должны работать въ воскресенье противъ воли,—добавилъ онъ; при этомъ шкиперъ грустно вздохнулъ.—Трудно жить по Божески на этомъ свѣтѣ,—проговорилъ онъ, слегка налегая и поворачивая рулевое колесо.

— А я знаю, какъ сдѣлать, чтобы не было трудно, — замѣтилъ машинистъ.

— Какъ?

— Да не пробовать вовсе жить по Божески, а жить, какъ живется.

— Нельзя, потому что это будетъ грѣшно,—торжественно сказалъ шкиперъ,—вспомните: «Не поддавайся соблазну, ибо слабость уже есть грѣхъ».

Вмѣсто отвѣта машинистъ еще сильнѣе затянулся и выпустилъ черезъ носъ громадный клубъ дыма. Его презрѣніе было слишкомъ велико, чтобы продолжать разговоръ.

Но шкиперъ былъ задѣтъ за живое.

— Мнѣ часто приходитъ въ голову, какъ это такой человѣкъ, какъ вы, можетъ быть невѣрующимъ. Вы видѣли сѣверный и южный полюсы и всѣ чудеса Господни во всѣхъ земляхъ!

— Потому что наука противъ этого,—со спокойной важностью замѣтилъ машинистъ.

— Когда вы говорите мнѣ про науку,—возразилъ шкиперъ,—то я умолкаю: я ничего не могу противъ васъ, а вы ничего не можете противъ Библіи: это святая книга, къ тому же она напечатана, а вѣдь не стали бы печатать неправду.

— Ха, ха! А еслибъ по ошибкѣ, печатая книгу, изъ какой-нибудь заповѣди выпустили слово «не», вы бы тоже должны были повиноваться?

— Этого не можетъ случиться.

— Бывало.

— Покажите мнѣ книгу, тогда я повѣрю. Принесите книгу.

— Такія книги не попадаются въ руки такихъ, какихъ мы,—сказалъ машинистъ.—Но я знаю одного, который стоилъ всѣхъ насъ, вмѣстѣ взятыхъ, у котораго онѣ хранились.

— Вы, кажется, издѣваетесь,—замѣтилъ шкиперъ.—Лучше не будемъ про это говорить. Это грѣшно. Право, съ такимъ человѣкомъ, какъ вы, въ морѣ опасно. Вы помните Іону?

— Слыхалъ, какъ же,—отвѣтилъ Робзонъ.

— Имъ пришлось выбросить его за бортъ,—проговорилъ торжественно шкиперъ.

— Небось, если бы онъ былъ главнымъ машинистомъ, такъ не выбросили бы,—возразилъ Робзонъ,—не обошлись бы безъ него.

— Тише, что вы!—воскликнулъ въ испугѣ шкиперъ.—Развѣ такъ можно говорить, это страшный грѣхъ! Какъ бы я хотѣлъ, чтобы миссіонеры обратили васъ на путь истинный. Слушайте, вы видите миссіонерское судно «Виѳлеемъ», тамъ какъ разъ поднимаютъ флагъ, значитъ, сейчасъ будетъ служба. Пойдемте-ка вмѣстѣ со мною, посидимъ тамъ часочекъ. Вы увидите, какъ вамъ обрадуются миссіонеры. Право, ѣдемъ!

— Никогда еще моя нога не была на миссіонерскомъ суднѣ и не будетъ,—крикнулъ Робзонъ,—развѣ когда меня туда внесутъ ногами напередъ, а пока этому не бывать! За какимъ чортомъ отправлюсь я туда, когда мнѣ и здѣсь отлично? Я не понимаю, что тамъ люди дѣлаютъ, особенно когда подумаю, что добрая половина ихъ была заправскими пьяницами и грѣшниками. Не вѣрю я въ ихъ обращеніе! Когда-нибудь имъ надоѣстъ притворяться, и тогда на «Виѳлеемѣ» они зададутъ пляску! Нѣтъ, мнѣ тамъ нечего дѣлать, къ тому же я не вытерплю и, навѣрное, наговорю всѣмъ дерзостей, не дожидаясь окончанія ихъ пѣснопѣній. Это имъ вѣрно не понравится, а?

— Да, въ такомъ случаѣ лучше и не ходить на службы,—сконфуженно пробормоталъ шкиперъ.

— Вотъ именно. «Отойди отъ зла и сотвори благо», такъ вѣдь, по вашему, выходитъ?

Шкиперъ сокрушенно молчалъ; онъ никакъ не ожидалъ, что его слова могутъ быть такъ извращены, и не зная, какъ выйти изъ неловкаго положенія, предпочелъ внимательно разглядывать направляющіяся къ «Виѳлеему» со всѣхъ сторонъ лодки, переполненныя богомольцами. Громадный флагъ надъ миссіонерскимъ пароходомъ продолжалъ развѣваться, приглашая вѣрныхъ на общую молитву. Многіе спѣшили плыть на этотъ зовъ, другіе, полѣнивѣе или болѣе равнодушные, ожидали, пока къ нимъ подойдетъ лодка съ «Виѳлеема», такъ какъ миссіонеры обыкновенно употребляли всевозможныя усилія, чтобы привлечь какъ можно больше народу. Въ лодкѣ находилось уже много народу, когда она поровнялась съ «Пеликаномъ».

— Добро пожаловать, милости просимъ! Кто съ нами?—закричалъ помощникъ шкипера съ «Виѳлеема», сидѣвшій у руля.—Пожалуйста, къ намъ хоть на полчаса, пожалуйста!..

Шкиперъ «Пеликана», грустно вздохнулъ.

— Пусть ѣдетъ... если хочетъ,—проговорилъ онъ, указывая на машиниста.

— Будьте у насъ дорогимъ гостемъ, Дональдъ Робзонъ!—воскликнулъ помощникъ шкипера.—Вы не можете отказываться, когда васъ зовутъ идти въ церковь.

Главный механикъ молчалъ, полагая, что единственное его спасеніе заключается въ молчаніи.

— Присоединитесь къ намъ,—продолжалъ помощникъ шкипера, человѣкъ добрый, но не отличавшійся большимъ тактомъ.—Право, не

стѣсняйтесь, пожалуйста, тѣмъ, что грязны и неодѣты, это вѣдь все равно, лишь бы была душа чиста.

Робзонъ опять промолчалъ.

— Пожалуйста,—настаивалъ помощникъ шкипера,—забудьте о своихъ неопрятныхъ одеждахъ.

— Убирайтесь къ чорту!—загремѣлъ, наконецъ, машинистъ.

— Охотно, если бы я могъ его заставить слушать проповѣдь,—съ невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣтилъ помощникъ шкипера и взялся за руль.

— Стыдитесь, Робзонъ,—воскликнулъ шкиперъ «Пеликана»,—позволить себѣ такъ говорить съ миссіонеромъ, настоящимъ христіаниномъ! И въ такой день!

— Чего онъ ко мнѣ присталъ!—отвѣтилъ Робзонъ.

— Такъ вѣдь онъ вашего же добра хочетъ, — вступился шкиперъ.

— Нечего соваться, куда не просятъ,—продолжалъ злиться машинистъ,—кому они нужны, чего лѣзутъ.

— Попомните мое слово, вы не кончите добромъ,—грустно отвѣтилъ добродушный шкиперъ,—если не перемѣнитесь.

— Самъ знаю, не нуждаюсь ни въ чьихъ совѣтахъ,—пробурчалъ Робзонъ.

Наступило довольно продолжительное молчаніе, и главный механикъ погрузился опять въ прерванное непрошеннымъ собесѣдникомъ созерцаніе. Вниманіе его теперь было привлечено канатомъ, тянувшимъ неводъ, который зацѣпился за желѣзный крюкъ на борту. Это развлекало его, такъ какъ нарушало его представленіе о симметріи, и онъ всталъ, чтобы отцѣпить канатъ. Постоявъ секунду у самаго борта, Робзонъ уперся руками въ перила палубы, а ногами въ канатъ, чтобы, натянувъ его, такимъ образомъ высвободить изъ крюка. Въ ту минуту, какъ онъ уперся обѣими ногами въ канатъ, какое-то препятствіе пріостановило на секунду медленный ходъ «Пеликана», и канатъ, освободившись отъ крюка, потерялъ свою упругость. Въ ту же минуту «Пеликанъ» опять поддался впередъ, и свободно было повисшій канатъ мгновенно натянулся, потащивъ за собой Робзона, который какъ разъ выпустилъ изъ рукъ перила, за которыя раньше держался. Въ одну секунду его подбросило надъ палубой и, ударившись головой о бортъ, онъ очутился въ морѣ. Не будь этого сильнаго удара о бортъ головой, то Робзонъ, прекрасно плавая, безъ особаго труда выплылъ бы, такъ какъ къ тому же онъ былъ легко одѣтъ и на морѣ было немало лодокъ, съ которыхъ его легко могли подобрать; однако, сильный ушибъ лишилъ его сознанія, и онъ пошелъ ко дну.

На счастье, миссіонерская лодка не успѣла далеко отъѣхать, и благодаря распорядительности помощника шкипера главный механикъ былъ спасенъ.

— Слава Богу, теперь онъ уже выслушаетъ проповѣдь!—воскликнулъ помощникъ шкипера, перевязывая рану на головѣ, которая оказалась неопасной.

— Докторъ скоро его поставитъ на ноги,—продолжалъ помощникъ шкипера,—тутъ главное потеря крови, а такъ какъ теперь наложена перевязка, то, я увѣренъ, все обойдется благополучно.

Вскорѣ безчувственный механикъ лежалъ на палубѣ «Виѳлеема». Молодой докторъ Мисси, находившійся въ первомъ плаваніи, съ наслажденіемъ ученаго обрадовался первой серьезной ранѣ, которую онъ видѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ покинулъ Ярмутъ.

Осмотрѣвъ внимательно рану, докторъ нѣсколько разочаровался.

— Черезъ полчаса онъ будетъ какъ ни въ чемъ не бывало,—произнесъ онъ, тщетно стараясь скрыть свою досаду.—Перевязка сдѣлана, ему больше ничего не надо, я оставляю его на вашемъ попеченіи, шкиперъ.

Шкиперъ миссіонерскаго парохода радостно потиралъ себѣ руки. Онъ долго старался привлечь Дональда Робзона на миссіонерскій митингъ, но до сихъ поръ старанія его не увѣнчались успѣхомъ. Наконецъ-то Провидѣніе вступилось, и бѣдный грѣшникъ былъ на «Виѳлеемѣ»! Онъ пойметъ теперь, какъ Оно оберегало его, недостойнаго.

— Долго онъ уклонялся, но, наконецъ, онъ здѣсь, на пути къ спасенію,—шепталъ растроганный шкиперъ.—Если бы не наша лодка, то онъ теперь былъ бы уже мертвъ; я увѣренъ, лишь только онъ придетъ въ чувство, то на колѣняхъ возблагодаритъ насъ!

— Алло!—хриплымъ голосомъ воскликнулъ Робзонъ, раскрывая мутные глаза.—Куда это меня притащили? Какъ здѣсь чисто! Но всемъ «Пеликанѣ» не найдешь такого мѣстечка.

— Вы на миссіонерскомъ суднѣ,—возразилъ шкиперъ, радостно улыбаясь,—наконецъ-то вы съ нами!

— Не безпокойтесь, долго здѣсь не буду,—отвѣтилъ Робзонъ.—Да что вы меня спеленали, что ли? Что это за фантазія меня всего накрыть бѣлыми простынями! И не жалко вамъ выпачкать столько бѣлья?

— Провидѣніе чудеснымъ образомъ спасло васъ отъ смерти,—продолжалъ радоваться шкиперъ,—вѣдь вы бы могли быть убитымъ на смерть ударомъ о бортъ.

— Мало ли что, развѣ я не могъ бы умереть, когда меня вывернули изъ колыбели?—сумрачно замѣтилъ Робзонъ.

— Нѣтъ, здѣсь не безъ высшаго предопредѣленія!—воскликнулъ шкиперъ.

— Судьба, вотъ и все!

— Нѣтъ, нѣтъ, я несогласенъ съ вами. Вы были спасены для того, чтобы попасть къ намъ.

— Я весь промокъ,—продолжалъ Робзонъ,—а бѣлья-то, бѣлья сколько испачкали!

— Ихъ вымоютъ, вымоютъ, дорогой другъ, онѣ очистятся такъ же, какъ и вы, понимаете?

Робзонъ искренно ненавидѣлъ притворство и ханжество, но такъ какъ въ сущности онъ былъ обязанъ миссіонерамъ, онъ перемѣнилъ разговоръ.

— Пожайлуста, скажите, сколько будетъ стоить мытье и вообще всѣ расходы: я не хочу, чтобы вы расходовались, особенно на человѣка, который вамъ не сочувствуетъ.

— Но это все скоро перемѣнится,—настаивалъ шкиперъ.—Будьте нашимъ и идите вмѣстѣ съ нами по пути спасенія.

Робзонъ сѣлъ на палубѣ и, казалось, о чемъ-то серьезно размышлялъ.

— Присоединитесь къ нашей арміи спасенія,—настаивалъ шкиперъ,—и вы увидите, какъ вамъ будетъ хорошо.

— Нѣтъ,—возразилъ Робзонъ,—я не могу, я не умѣю притворяться, а какъ же я буду выражать то, чего не чувствую?

— Вы не уйдете, пока не побываете на митингѣ.

— Какъ хотите,—согласился, наконецъ, машинистъ,—пусть будетъ по вашему.

Толстое лицо миссіонера просіяло. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что, услыхавъ его краснорѣчивую проповѣдь, Дональдъ Робзонъ увѣруетъ, и что въ миссіонерскихъ отчетахъ появится напечатанная благодарность ему, сумѣвшему привести заблудшую овцу, невѣровавшаго Дональда Робзона, въ лоно благочестія.

— Такъ вы согласны!—не помня себя отъ восторга, воскликнулъ онъ.—Идемте!

— Только я вѣдь долго не останусь,—произнесъ Робзонъ, зѣвая,—мнѣ вѣдь придется сидѣть часа два у очага на «Пеликанѣ», пока я обсохну, поэтому мнѣ нельзя у васъ засиживаться.

Но шкиперъ уже не слушалъ его и, взявъ его за руку, торжественно повелъ на верхнюю палубу, откуда доносились голоса собравшихся на митингъ.

Робзонъ началъ съ того, что выдернулъ свою руку изъ руки шкипера и въ глубокомъ сомнѣніи направился вслѣдъ за сіявшимъ шкиперомъ. Почему его согласіе присутствовать на митингѣ вызвало такую радость со стороны шкипера-миссіонера, онъ понять не могъ. Однако, зная по наслышкѣ о широкомъ гостепріимствѣ миссіи, онъ догадывался, что ему предложатъ безчисленное количество чашекъ прекраснаго чая, а можетъ быть, новоиспеченный другъ расщедрится и приподнесетъ ему на радостяхъ полфунта, а то и цѣлый фунтъ табаку. Такъ какъ это онъ цѣнилъ выше всего на свѣтѣ, то понятно, почему онъ согласился взойти на верхнюю палубу.

— Дорогіе друзья мои,—началъ шкиперъ, ничего не подозрѣвавшій о земныхъ мечтаніяхъ Робзона.—Прошу васъ всѣхъ привѣтствовать нашего новаго друга Дональда Робзона и поздравить его съ чудеснымъ спасеніемъ. Споемъ въ честь его пѣснь «Насъ было девяносто девять», которую мы спеціально сложили ради возвращенія заблудшей овцы.

Съ большимъ вдохновеніемъ шкиперъ продирижировалъ пѣснь, которую собравшіеся скорѣе прокричали, чѣмъ пропѣли. Эстетическое удовольствіе мало тронуло Дональда Робзона, а когда, по окончаніи пѣнія, шкиперъ закрылъ глаза и еще съ бо̀льшимъ вдохновеніемъ произнесъ безконечную рѣчь, то онъ едва удерживался отъ смѣха.

Но шкиперъ и его пріятели этого не замѣчали и со слезами на глазахъ смотрѣли на закрывшаго ротъ рукой машиниста.

— Неправда ли, вы тронуты до глубины души?—спросилъ шкиперъ, видя, что новообращенный молчитъ.

— Это чѣмъ же?—недоумѣвающе воскликнулъ Робзонъ.

— А тѣмъ чудеснымъ избавленіемъ, на которое я вамъ указалъ въ своей рѣчи.

— Я ничего не разобралъ,—отвѣтилъ машинистъ.—Вы врали что-то про глубину морскую да поднебесную высь, это правда, но про меня ничего не говорили.

— Какъ, вы не поняли?

— Да что тутъ понимать?—перебилъ совсѣмъ ужь разсердившійся

машинистъ.—Эко диво, подумаешь, окунуться съ головой въ море, да я въ Китайскомъ морѣ, а въ другой разъ въ Красномъ такъ бултыхнулся, что едва живъ остался! И то правда, что меня послѣ этого напоили въ лёжку, а теперь, кромѣ вашихъ пѣсней да разглагольствованій, ничѣмъ и не попотчевали. Впрочемъ, не обижайтесь, я это такъ, къ слову сказать пришлось, я вамъ очень благодаренъ за ваши хлопоты!

И, не дожидаясь отвѣта, машинистъ повернулся, спустился по крутой желѣзной лѣсенкѣ на нижнюю палубу и, спрыгнувъ въ лодку, быстро заработалъ веслами, направляя лодку къ «Пеликану».

Шкиперъ послѣдняго попрежнему стоялъ у рулевого колеса и испытующе взглянулъ на главнаго машиниста, когда тотъ взобрался на пароходъ. Онъ ничего не спрашивалъ, но, должно быть, по нахмуренному лицу Робзона догадался, что митингъ неудачно повліялъ на его грѣшную душу, такъ какъ грустно вздохнулъ, съ минуту задумался и затѣмъ круто повернулъ въ противоположную «Виѳлеему» сторону.

X.

Наглядный урокъ.

— Вотъ что я придумалъ,—сказалъ адмиралъ. — Мы должны изловить президента и преподать ему наглядный урокъ. Пусть въ самомъ дѣлѣ поплаваетъ съ нами и воочію убѣдится, какъ пагубно отразится на торговлѣ эта выдумка объ измѣненіи системы сигнальныхъ огней.

Собесѣдники адмирала, шкипера, командовавшіе рыболовными судами, находившимися подъ начальствомъ адмирала, молчали. Адмиралъ строго взглянулъ на нихъ, недовольный ихъ равнодушіемъ къ такому серьезному вопросу. Всю эту недѣлю, проведенную имъ на берегу, онъ волновался и хлопоталъ по поводу предложенія президента торговой палаты измѣнить существующую въ рыболовной флотиліи систему сигнализаціи огнями. Теперь, вырабатывая планъ, какъ противостоять этому нововведенію, онъ разсчитывалъ, что его слова вызовутъ большой энтузіазмъ; но всѣ промолчали, и только одинъ шкиперъ, по имени Барнесъ, проговорилъ себѣ подъ носъ:

— Прежде чѣмъ изжарить рыбку, надо ее поймать.

— Я не про жареную рыбу говорю,—рѣзко отвѣтилъ ему адмиралъ.

— Но вы говорите о томъ, какъ поджарить президента,—продолжалъ Барнесъ.

— Не спѣшите,—остановилъ его адмиралъ.—Я хотѣлъ сказать, что надо воздѣйствовать на президента убѣжденіемъ. Надо для этого его пригласить проѣхаться по морю.

— А если онъ не захочетъ?

— Тогда надо дѣйствовать иначе.

— Какъ?

— Заманить его на пароходъ и увезти.

— Такъ это-же хуже, чѣмъ поджарить старика, вѣдь это насиліе,—протестовалъ Барнесъ.

— Глупости!—воскликнулъ адмиралъ.—Развѣ можно учинить насиліе надъ взрослымъ человѣкомъ, да еще въ такомъ чинѣ? Развѣ это дитя малое?

— Называйте, какъ хотите,—возразилъ Барнесъ,—но я на это дѣло не пойду. Не на такого дурака напали.

— Дѣло будетъ обставлено очень прилично,—продолжалъ, ничуть не смущаясь возраженіемъ Барнеса, адмиралъ.—Вѣдь задача заключается въ слѣдующемъ: президентъ торговой палаты нашелъ себѣ дачу на берегу моря и теперь тамъ благодушествуетъ. Но за излишкомъ досуга ему пришла фантазія измѣнить сигнализацію въ рыболовной флотиліи. Конечно, президентъ не самъ это выдумалъ, а ему преподнесли эту идею заинтересованныя въ нашихъ неудачахъ партіи. И если мы ничего не предпримемъ противъ этого, то онъ подпишетъ бумагу, и новая сигнализація станетъ закономъ.

— Ну и пусть!—воскликнулъ Барнесъ.—Не все ли равно, на самомъ дѣлѣ, если система огней будетъ измѣнена? Привыкнемъ же мы въ концѣ концовъ.

— Дѣло не въ этомъ,—строго перебилъ адмиралъ.—Надо бороться изъ принципа: не допускать человѣка съ берега, не нюхавшаго моря, издавать и вмѣшиваться въ морскіе законы, измѣнять наши обычаи. А этотъ президентъ, если мы его допустимъ, утвердитъ законъ, и мы должны будемъ его принять. Но этому не бывать! Кто за наглядный урокъ президенту? Говорите!

Никто не отвѣчалъ.

— Принято единогласно,—объявилъ адмиралъ,—всѣмъ извѣстно, что молчаніе знакъ согласія, а такъ какъ всѣ вы молчали, то я вижу, что оппозиціи нѣтъ.

Прежде чѣмъ шкипера что-нибудь отвѣтили на это неожиданное заключеніе, онъ продолжалъ:

— Такъ какъ теперь выяснилось, что всѣ мы согласны, то надо сообща выработать планъ дѣйствій. Я придумалъ слѣдующее: президентъ любитъ слоняться по гавани то такъ себѣ, безъ всякаго дѣла, то развлекая себя рыбной ловлей съ какого-нибудь судна. Ну, мы заманимъ его на бортъ «Орла», на которомъ приготовимъ депутацію, которая заговоритъ его, чтобы онъ не замѣтилъ, какъ мы отвалимъ. А тогда ужъ будетъ поздно, и ему волей-неволей придется провести ночку въ морѣ. Послѣ этого, ручаюсь головой, онъ предоставитъ намъ руководиться нашими старыми, испытанными обычаями... Да, я это устрою, и не позже сегодняшняго вечера; море мнѣ сочувствуетъ, къ ночи разыграется порядочное-таки волненіе, и если президентъ никогда не видалъ крысъ и тараканов, то онъ увидитъ ихъ сегодня ночью! Великолѣпно! Что вы говорите?..

Барнесъ, тотъ самый, что находилъ въ себѣ все время силы для протеста, на этотъ разъ только повторилъ.

— Крысъ, таракановъ...—и больше ничего не могъ сказать.

— Вы ничѣмъ не рискуете,—продолжалъ адмиралъ,—я беру всю отвѣтственность на себя.

— Въ такомъ случаѣ я согласенъ!—сказалъ Барнесъ.—Можетъ быть, вы чего-нибудь и добьетесь, хотя я сильно боюсь, что мы только зря израсходуемся.

— Мы можемъ спустить неводъ, что-нибудь поймаемъ во всякомъ случаѣ. Къ тому же вѣдь вы, Джэкъ, кажется, собрались выходить сегодня ночью въ море.

Джэкъ, помощникъ шкипера на «Орлѣ», небольшомъ винтовомъ суднѣ, подтвердилъ, что дѣйствительно они хотятъ воспользоваться сегодня ночью отливомъ съ тѣмъ, чтобы поспѣть на рынокъ на слѣдующее утро.

— Отлично! Такъ будьте же всѣ въ сборѣ на «Орлѣ» ровно въ девять часовъ,—приказалъ адмиралъ,—а я къ этому времени доставлю президента. Я наблюдалъ за нимъ и знаю, гдѣ его найти. Самое главное, не противорѣчьте мнѣ, и я берусь со всѣмъ справиться. Я это дѣло обдумалъ и приведу къ благополучному концу.

Въ тотъ же день вечеромъ, между восемью и девятью часами, высокій, довольно тучный господинъ медленно прогуливался по набережной. Онъ курилъ дорогую сигару и, повидимому, находился въ самомъ прекрасномъ настроеніи. Повременамъ онъ останавливался и любовался моремъ, представлявшимъ своей зеркальной поверхностью, въ которой отражался длинный рядъ огней, очень красивую картину. Съ противоположной стороны залива доносилась музыка, игравшая въ саду Спа. Вдали, на морѣ, гдѣ находилось выбросившееся на мель потерпѣвшее крушеніе судно, мелькало множество огоньковъ, обозначавшихъ суда и баржи, разгружавшихъ его грузъ угля. Передъ и за судномъ горѣли красные огни, обозначавшіе мель, вокругъ ютились мелкія звѣздочки лодокъ, а сбоку чернѣлъ буксиръ, на фокъ-мачтѣ котораго электрическій фонарь бросалъ цѣлый снопъ лучей; по бокамъ на судахъ горѣли цвѣтные огни и дополняли этимъ красивую картину колебавшихся, отражающихся въ водѣ огней. Буксиръ медленно подвигался, пытаясь стянуть громадное судно, и легкій плескъ воды, и крикъ на лодкахъ, смѣшиваясь со звуками музыки, доносились до слуха тучнаго благодушнаго джентльмэна.

«Какое необыкновенное количество огней!—думалъ онъ.—Что они могутъ обозначать? Какъ странно, что человѣкъ въ моемъ положеніи, то есть тотъ, который имѣетъ право во все вмѣшиваться и измѣнять ихъ уставы, ничего не понимаетъ въ этомъ вопросѣ! А на-дняхъ мнѣ еще пришлось выслушивать проектъ объ измѣненіи сигнализаціи рыболовныхъ судовъ. Очень странно, очень. Впрочемъ, кажется, это всегда такъ бываетъ. Развѣ Крэдусъ, который теперь стоитъ за реформы въ арміи и отъ котораго зависитъ ихъ провести, смыслитъ что-нибудь въ военномъ дѣлѣ? А Монэй толкуетъ въ парламентѣ о броненосцахъ, въ которыхъ ничего ровно не понимаетъ. А его голосъ много значитъ. Но, конечно, это пагубное незнаніе вредно отражается, самое пустое замѣчаніе можетъ ихъ сбить съ толку. Я... я другое дѣло. Я упрямъ, я твердъ въ своихъ рѣшеніяхъ; напримѣръ, эти огни на рыболовныхъ судахъ! Я скорѣе вспорхну, какъ эта морская чайка, чѣмъ отмѣню свое рѣшеніе. Пусть меня»...

Приближеніе адмирала прервало его мысли. Адмиралъ съ почтительнымъ: «Добрый вечеръ, сэръ» подошелъ и позволилъ себѣ замѣтить, что вечеръ восхитительный и что, несомнѣнно, джентльмэнъ думаетъ о завидной доли рыбаковъ.

Президентъ милостиво снизошелъ до разговора. Адмиралъ и вида не подалъ, что онъ подозрѣваетъ, какая вельможная особа находится около него, и президенту было пріятно думать, какъ онъ поразитъ разговаривающаго съ нимъ моряка своимъ величіемъ.

— Да, я думаю, на морѣ должно быть очень пріятно,—отвѣтилъ

онъ,—всякому наблюдательному человѣку должно быть очень интересно видѣть вблизи жизнь и нравы морскихъ обитателей.

— Ну, изъ рыболововъ, я думаю, вы не найдете такого человѣка, котораго бы интересовали жизнь и обычаи морскихъ обитателей,—отвѣтилъ адмиралъ,—насъ, главнымъ образомъ, интересуетъ только качество рыбы, первый ли это сортъ или второй. Это очень важно для рыболова. Первый—это соль, тюрбо и прочее, а второй—такъ ужь всякая тамъ рыба замѣшена. Ну, а что касается обычаевъ, такъ смѣю замѣтить, сэръ, за послѣднее время у рыбъ завелся прескверный обычай: плыть не въ неводъ а отъ невода. Такія стали хитрыя и не разсказать! Знаете ли, сэръ, что теперь за хорошимъ уловомъ приходится иной разъ чуть не за двѣсти миль плыть?

— Вотъ какъ!—удивился президентъ.—Какъ это странно!

— Честное слово,—продолжалъ адмиралъ,—скоро хорошую рыбу можно будетъ достать только у сѣвернаго полюса.

Президентъ весело разсмѣялся. Его занималъ этотъ остроумный, находчивый человѣкъ.

— Вы, конечно, сами рыболовъ?—спросилъ онъ своего собесѣдника.

— Адмиралъ мѣстной флотиліи,—пояснилъ послѣдній,—имѣю подъ своей командой отъ восьмидесяти до девяноста пароходовъ, которые въ настоящую минуту находятся у Гельголанда; а я отдыхаю дома. Затѣмъ отправлюсь въ море на два-три мѣсяца, затѣмъ опять дома посижу недѣльку, а тамъ опять въ море, вотъ и все!

— Да, да,—величественно подтвердилъ президентъ,—я вѣдь кое-что знаю о жизни нашихъ рыболовъ.

— Неужели, сэръ? Бывали, вѣрно, въ морѣ неразъ?—спросилъ адмиралъ.

— Не совсѣмъ такъ, я познакомился съ предметомъ, то есть наблюдалъ, такъ сказать, съ берега.

— Многіе такъ дѣлаютъ, сэръ,—сказалъ адмиралъ,—спокойнѣе и безопаснѣе.

— Нѣтъ, я вѣдь близко стою къ дѣлу, я през...

— Такъ никогда не бывали на суднѣ, сэръ? Жаль,—перебилъ адмиралъ, который не хотѣлъ, чтобы президентъ обнаружилъ свое званіе слишкомъ рано.

— Никогда,—сказалъ нѣсколько раздраженно президентъ, впрочемъ, онъ тутъ же успокоился, такъ какъ сообразилъ тотъ эффектъ, который произведетъ на адмирала слово «президентъ».

— Можетъ быть, сэръ, вы не прочь посмотрѣть вблизи на судно?—вѣжливо предложилъ адмиралъ.—Я могъ бы показать вамъ сегодня великолѣпное судно. Право, сэръ, пойдемте, я знаю шкипера, мы его зовемъ старымъ Томомъ; онъ будетъ въ восторгѣ. Вы, вѣроятно, миссіонеръ, сэръ?

— Я не миссіонеръ,—началъ президентъ,—я...

— Не оступитесь, сэръ, осторожнѣе,—перебилъ опять адмиралъ (они направлялись уже къ пыхтѣвшему у пристани «Орлу»),—не оступитесь ради Бога, такъ, вотъ теперь на эту ступеньку, сюда, за мной.

«Вотъ такъ приключеніе,—думалъ президентъ,—это интересно и дастъ мнѣ нѣкоторую опытность, которой я воспользуюсь въ парламентѣ».

И онъ безъ малѣйшаго сомнѣнія шелъ за адмираломъ. Когда они вошли въ каютъ-компанію, то первую минуту президентъ не могъ ничего разобрать, такъ какъ густой дымъ наполнялъ всю каюту, а освѣщеніе состояло изъ маленькой керосиновой лампочки, привѣшенной посрединѣ каюты. Когда президентъ нѣсколько осмотрѣлся, то онъ увидалъ, что каюта была биткомъ набита народомъ.

— Эй,—крикнулъ адмиралъ съ притворнымъ удивленіемъ,—что вы всѣ здѣсь дѣлаете? Чего ради вы сюда собрались?

— Садитесь и вы съ нами, старый шкиперъ,—отвѣтилъ на это Барнесъ,—не видите, что ли, это депутація.

— Депутація?—продолжалъ удивляться адмиралъ.—Какая же это чортъ возьми, депутація?

— По поводу измѣненія сигнальныхъ огней; мы здѣсь обсуждаемъ, а потомъ отправимся къ начальству гавани, а тѣ ужь пусть разскажутъ обо всемъ главному начальнику—президенту.

— Что за чудо,—воскликнулъ адмиралъ,—надо же было случиться, чтобы мы забрались на «Орелъ», когда тамъ засѣдаетъ депутація! Прошу прощенья, сэръ,—обернулся онъ къ посѣтителю,—что дѣлать, мы вѣдь не свѣтскіе люди и гостей занимать не умѣемъ.

Но посѣтитель и не думалъ протестовать; напротивъ, онъ казался чрезвычайно заинтересованнымъ. Еще бы, ему предоставлялся рѣдкій случай очутиться лицомъ къ лицу съ этими честными рыболовами, о пользѣ коихъ онъ радѣлъ, про которыхъ онъ такъ много слыхалъ, но никогда не видалъ.

«Наблюдать ихъ прямо въ ихъ обыденной обстановкѣ это вѣдь что-нибудь да значитъ,—думалъ онъ.—Какіе типы, какую картину представляетъ эта дымная каюта, пріютившая этихъ невинныхъ честныхъ тружениковъ, вѣрныхъ сыновъ океана!».

Между тѣмъ, вслухъ онъ своимъ самымъ красивымъ, привыкшимъ говорить рѣчи голосомъ, произнесъ:

— Джентльмэны, вы упомянули о депутаціи и о сигнальныхъ огняхъ. Будучи... находясь, такъ сказать, у источника разрѣшенія этого вопроса... я полагаю... то есть я хотѣлъ бы знать...

Въ ту минуту, какъ онъ началъ говорить, корпусъ «Орла» внезапно наклонился, и все въ каютѣ какъ будто двинулось, но президентъ, увлеченный началомъ своей рѣчи, не замѣтилъ этого; однако, продолжавшееся движеніе изъ стороны въ сторону и шумъ разсѣкаемой волны обратили, наконецъ, его вниманіе.

— Приливъ,—успокоилъ его адмиралъ, въ то время какъ Барнесъ молча поднялся и вышелъ изъ каюты, протискавшись къ двери не безъ труда.—Мы васъ слушаемъ, сэръ,—ободрительно произнесъ адмиралъ.

Президентъ опять принялся говорить, но сильное раскачиванье парохода, причемъ, чтобы удержать равновѣсіе, ему пришлось обѣими руками держаться за столъ, прервало его.

— Что бы это такое значило?—спросилъ онъ.

— Пустяки, просто волны шалятъ,—отвѣтилъ адмиралъ,—это часто бываетъ. Одинъ разъ, я помню, во время прилива былъ сорванъ и отнесенъ въ море пароходъ побольше «Орла».

Покачиваніе судна становилось все сильнѣе.

— Я... мнѣ кажется, наверху будетъ лучше, у меня немного голова

кружится съ непривычки,—сказалъ президентъ,—мнѣ что-то... нехорошо.

— А осмотрѣть пароходъ?—любезно предложилъ адмиралъ.—Отдѣленіе для рыбы, машинное, ледники.

— Не сегодня, когда-нибудь въ другой разъ,—вѣжливо отклонилъ его любезное приглашеніе президентъ.—До свиданія, джентльмэны, право, мнѣ надо выйти, здѣсь слишкомъ жарко. Алло! Что это значитъ?

Послѣднее его замѣчаніе было вызвано тѣмъ, что, сдѣлавъ одинъ шагъ, онъ чуть не упалъ и опять схватился за столъ.

Въ эту минуту въ дверяхъ каюты появился Барнесъ.

— Ну и дѣла, чортъ возьми!—воскликнулъ онъ.—Этотъ старый оселъ Томъ не зацѣпился за канаты и насъ снесло въ море! И это когда на борту депутація! Вотъ такъ случай!

— Снесло въ море!—воскликнулъ президентъ.—Такъ, значитъ, мы не въ гавани? Велите сейчасъ же повернуть обратно! — Волненіе придало ему нѣкоторую устойчивость, и онъ выскочилъ на палубу; за нимъ, быстро карабкаясь по желѣзной лѣстницѣ, поспѣшили адмиралъ и всѣ члены депутаціи, кто смущенный, кто едва удерживая желаніе расхохотаться.—Остановите сейчасъ же пароходъ и спустите меня!—приказалъ президентъ.

Шкиперъ молча повернулъ колесо и ничего не отвѣтилъ.

— Слышите ли вы меня,—заоралъ не своимъ голосомъ президентъ,—я вамъ приказываю вернуться!

— Уходите-ка отсюда, я вамъ не разрѣшаю стоять на мостикѣ, — сказалъ шкиперъ, продолжая вертѣть колесо.

— А вы знаете, кто я?—закричалъ президентъ.—Вы поплатитесь! Я президентъ торговой палаты!

— Вы забыли, что внизу депутація! — крикнулъ на шкипера строгимъ голосомъ адмиралъ.

— Я не звалъ сюда президента торговой палаты,—отвѣтилъ шкиперъ,—и почемъ я могъ знать, что въ каютѣ сидитъ депутація.

— Вы должны настоять, чтобы меня свезли обратно, — обратился президентъ къ адмиралу,—я настаиваю на этомъ,—президентъ старался говорить твердо, но голосъ его дрожалъ и зубы стучали.

«Орелъ» былъ теперь въ открытомъ морѣ. Казалось, онъ нырялъ въ темную пучину; подъ напоромъ волнъ маленькое судно трещало и качалось во всѣ стороны, и президентъ, никогда не бывшій на такомъ суднѣ, воображалъ, что оно близко къ гибели.

— Вы видѣли этотъ огонекъ на маякѣ? — сказалъ президенту шкиперъ. — Теперь его погасили, это значитъ, что въ гавани нѣтъ воды, и если бы я хотѣлъ вернуться, то я бы не могъ это сдѣлать. И я не хочу, потому что мнѣ не хочется сломать себѣ шею. Подождите до утра, и тогда я охотно спущу васъ на берегъ и предложу вамъ на память корзину съ хорошей рыбкой; кушайте себѣ на здоровье, г-нъ президентъ! А что касается депутаціи, то пусть спустятъ неводъ и поработаютъ въ мою пользу; это научитъ ихъ забираться непрошенными въ чужія каюты.

— Если вы настаиваете на томъ, чтобы везти меня, то предупреждаю васъ, что вы берете на себя всю отвѣтственность.

— Я же не могу вернуться,—спокойно возразилъ шкиперъ,—чѣмъ я виноватъ, я васъ не звалъ къ себѣ, г-нъ президентъ.

— Ну, ну, пожалуйста успокойтесь, — утѣшалъ президента адми-

ралъ,—для насъ лишняя ночь въ морѣ ничего не значитъ! А для васъ, г-нъ президентъ, это будетъ случаемъ на мѣстѣ познакомиться съ нашей системой сигнализаціи. Право, сэръ, вы всѣхъ поразите. Виданное ли дѣло, чтобы президентъ во все самъ входилъ, а вы вѣдь своими глазами, сэръ, убѣдитесь, что система наша правильна и всякое измѣненіе паубно отзовется на торговлѣ. Увидите, сэръ, сигнальные огни.

— А чортъ бы побралъ ваши сигнальные огни! — воскликнулъ президентъ, держась обѣими руками за животъ.—Я долженъ сойти внизъ, мнѣ дурно.

Президента сейчасъ же окружили, наперерывъ предлагая всевозможныя средства, но вмѣсто отвѣта президентъ икнулъ такъ сильно и сдѣлалъ такое выразительное движеніе, что всѣмъ стало понятно, что оставить его одного будетъ для него самое пріятное и удобное.

— Какъ вамъ угодно лечь, сэръ, на столѣ или на ящикѣ? А то, можетъ быть, смѣю посовѣтовать, это помогаетъ лучше всего, лечь на полу и ухватиться руками за ножку стола, тогда качка совсѣмъ не чувствуется! На «Орлѣ» вѣдь бѣда, хотя, впрочемъ, сегодня это еще пустяки.

Президента уложили на двухъ ящикахъ въ каютѣ, на которые постлали пару темныхъ, плохо простиранныхъ простынь.

— Оставьте меня, — едва слышно произнесъ несчастный, и по знаку адмирала всѣ поспѣшно убрались.

— Все обстоитъ какъ нельзя лучше,—говорилъ минуту спустя адмиралъ встревоженной командѣ,—его теперь тамъ рветъ, какъ обожравшагося щенка, и до утра мы его ничѣмъ не проймемъ. Но вѣтеръ крѣпнетъ, и, я полагаю, мнѣ удастся успѣшно довести до конца задуманное дѣло. Теперь же, старый Томъ, чѣмъ насъ будетъ сильнѣе качать, тѣмъ лучше!

— Помните только, что вы одни за все отвѣчаете, — угрюмо возразилъ старый шкиперъ.—Мнѣ не до вашихъ продѣлокъ.

— Что касается отвѣтственности, то въ этомъ разберемся послѣ,— сказалъ адмиралъ,—теперь же пойдемте внизъ, и я вамъ разскажу подробно свой планъ.

Адмиралъ и остальные шкипера отправились въ каюту, предназначенную для сохраненія рыбы, и тамъ выработали планъ, который долженъ былъ, по ихъ мнѣнію, подѣйствовать на президента и заставить его отмѣнить новую систему.

— Какъ только мы дойдемъ до самаго крутого мѣста,—рѣшилъ адмиралъ,—старый Томъ подставитъ «Орла» подъ волну. Передъ тѣмъ надо открыть люкъ и иллюминаторъ въ его каютѣ. Конечно, въ каюту хлынетъ вода, и президентъ подумаетъ, что его часъ насталъ. Въ это время мы должны кричать и звать яко бы проходящій вдали пароходъ, и потомъ мы сдѣлаемъ видъ, что потеряли путь и подвергались страшной опасности, потому что встрѣчное судно показало (по ошибкѣ, конечно) новую сигнализацію. Мы остались въ живыхъ благодаря чуду. Вотъ и все. Но если президентъ не уйдетъ отсюда, вылечившись отъ своей маніи вмѣшиваться въ то, о чемъ не смыслитъ, и не отмѣнитъ вопроса о новой системѣ огней, то только потому, что одурѣетъ отъ страха.

Часа въ три ночи, когда одинокій страдалецъ въ каютѣ тяжело переводилъ духъ, проклиная свое любопытство, доведшее его до такого

состоянія, надъ его головой на палубѣ раздался страшный шумъ и послышались громкіе, душу раздирающіе крики зовущихъ на помощь людей.

Не успѣлъ несчастный президентъ опомниться, какъ внизу около его каюты послышался страшный трескъ, и весь пароходъ дрогнулъ и такъ сильно покачнулся, что президентъ свалился съ ящиковъ на землю. Въ ту же секунду раздался новый оглушительный трескъ, ужасные крики наверху и внезапное наводненіе. Холодная соленая вода облила президента съ ногъ до головы; лампа погасла, и онъ очутился въ полной темнотѣ.

Президентъ мысленно предалъ Богу свою грѣшную душу и, барахтаясь въ соленой водѣ, звалъ на помощь. Никто не приходилъ. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ мучительныхъ минутъ, показавшихся президенту вѣчностью, чей-то голосъ отозвался около иллюминатора.

— Закрѣпите люкъ,—кричалъ адмиралъ,—и принесите доски, мы укрѣпимъ ихъ здѣсь. Алло, сэръ, что съ вами? Нѣтъ, вы не можете выйти, опасность слишкомъ велика, не бойтесь, я ручаюсь вамъ головой, вы будете спасены. Эй, что такъ темно, прислать вамъ кого-нибудь? Успокойтесь, сэръ, скоро наступитъ день. Барнесъ, ступайте къ президенту, успокойте его.

И Барнеса втолкнули въ темную каюту.

— Гдѣ вы, сэръ?—освѣдомился онъ.—Вамъ скучно? Я пришелъ къ вамъ посидѣть, пока не бултыхнемся внизъ. По крайней мѣрѣ продѣлаемъ эту штуку вмѣстѣ.

— Бултыхнемся?—повторилъ чуть слышно, какъ эхо, президентъ.—Куда это?

— На дно, сэръ,—кратко отвѣтилъ Барнесъ, зажигая лампу и трубку одной спичкой,—у насъ въ Сѣверномъ морѣ это часто случается.

Президентъ, промокшій до костей, дрожа отъ страха и холода, поднялся съ пола и добрался до своего прежняго мѣста на ящикахъ, прислушиваясь къ сильному вѣтру, стуку и треску, которые не прекращались на палубѣ. Барнесъ вышелъ, и онъ опять остался одинъ. Для большей безопасности президентъ взобрался на столъ, такъ что голова его очутилась около самаго иллюминатора. Около него раздался голосъ адмирала.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ президентъ.—Мы тонемъ?

— Да, еще бы одна минута, и мы бы очутились на днѣ,—отвѣтилъ адмиралъ.—Какой-то сумасшедшій, чтобы его чортъ побралъ, нацѣпилъ новые огни, говоритъ, что это вышелъ новый законъ, а мы благодаря этому едва остались въ живыхъ.

— Выпустите меня,—просилъ президентъ,—я не могу больше оставаться въ этой ужасной каютѣ. Если намъ суждено тонуть, я предпочитаю быть на палубѣ.

— Не потонемъ, успокойтесь, сэръ, во всякомъ случаѣ успѣете выйти, я самъ тогда приду за вами, а то здѣсь вы только зря простудитесь.

Съ этими словами адмиралъ отошелъ отъ иллюминатора, и президентъ былъ предоставленъ самому себѣ. Долгими показались ему тѣ часы, которые онъ провелъ въ одиночествѣ въ широкой, грязной каютѣ, прислушиваясь къ толчкамъ и шуму наверху и ежеминутно ожидая смерти. Наконецъ, шумъ и крики наверху прекратились, и на порогѣ каюты по-

казался адмиралъ. Онъ нашелъ президента полузамерзшимъ, промокшимъ до костей.

— Эге, вы, я вижу, пострадали,—произнесъ адмиралъ,—ну ничего, теперь все дурное осталось позади. Не желаете ли прогуляться по палубѣ, теперь уже свѣтаетъ, и свѣжій воздухъ васъ подкрѣпитъ. Опасность миновала.

Съ помощью адмирала, отдѣлавшись всего нѣсколькими синяками, президентъ дотащился до капитанскаго мостика, а тамъ, опираясь на желѣзныя перила, весь дрожа, какъ въ лихорадкѣ, взглянулъ на окружающее его сѣрое мутное море, волны котораго простирались на безпредѣльномъ пространствѣ. Зрѣлище было довольно безотрадное; но президентъ нѣсколько отошелъ на свѣжемъ воздухѣ, и когда адмиралъ предложилъ стаканчикъ кофе съ коньякомъ, онъ очень любезно принялъ это предложеніе; когда же адмиралъ заговорилъ о хорошемъ завтракѣ, а въ воздухѣ запахло жареной ветчиной, то президентъ даже улыбнулся.

Столъ уже накрывали грубой, но чистой скатертью, когда на горизонтѣ показалось небольшое судно.

— Что это?—указалъ на него президентъ.

— Это?—переспросилъ адмиралъ. — Это правительственное судно, сэръ; можетъ быть, вамъ бы хотѣлось пересѣсть на него, сэръ? Вамъ тамъ окажутъ всякій почетъ, да и комфортъ тамъ не то, что у насъ.

Президентъ взглянулъ на надвигавшуюся волну, которая грознымъ валуномъ устремилась на «Орла», и промолчалъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, сэръ,—продолжалъ адмиралъ,—если вы пожелаете, то мы для васъ готовы на все. Живо спустимъ лодку.

— Лодку?—проговорилъ, наконецъ, президентъ.—Да вы съ ума сошли, по такому-то волненію въ лодкѣ?

— А почему же нѣтъ?—удивился адмиралъ. —Волненіе самое пустяшное, это только послѣдствіе того вѣтерка, подъ который мы плясали всю ночь. Эй, люди, лодку джентльмэну, хочетъ переѣхать на то судно.

— Есть,—отвѣтило сразу нѣсколько голосовъ.

— Я совѣтую вамъ, сэръ,—продолжалъ адмиралъ, — надѣть предохранительный поясъ! А то можно вытребовать у того судна казенный катеръ.

— Я не поѣду, — рѣшительно отвѣтилъ президентъ, къ которому вдругъ вернулась его прежняя рѣшительность.—Развѣ это возможно!— И онъ сильнѣе прижался къ periламъ, какъ бы боясь, что его насильно потащутъ въ лодку.

— Какъ угодно, сэръ,—поспѣшилъ согласиться адмиралъ,—я только вѣдь хотѣлъ вашего удобства, потому что мы всегда готовы бороться съ морской стихіей. Что васъ свезти, что корзину съ рыбой, это вѣдь все равно, и мы къ этому привыкли. Нѣтъ? Ну тогда мы сами доставимъ васъ обратно, не такъ ли, старый Томъ?

— Конечно, — отвѣтилъ старый шкиперъ и, обращаясь къ президенту, добавилъ:—Васъ-таки потрепало сегодня, сэръ, мнѣ очень досадно, но я думаю, что вы, сэръ, необыкновенный человѣкъ. Они вѣдь разсказали мнѣ, что вы нарочно поѣхали съ нами, чтобы воочію убѣдиться, нужно ли измѣненіе системы сигнальныхъ огней. Теперь вы, я думаю, на дѣлѣ убѣдились, сэръ, какая опасность грозитъ всѣмъ намъ, если это измѣненіе дѣйствительно состоится, такъ какъ сами, сэръ, чуть не погибли

изъ-за этого. Да, дорогой сэръ, я долженъ вамъ сказать, что такого человѣка, какъ вы, рѣдко можно встрѣтить; не всякій бы выдержалъ то, что вы перенесли за эту ночь. И все это для того, чтобы лично во всемъ самому убѣдиться!

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, къ президенту возвращалось его обыкновенное довольное выраженіе лица. Щеки его порозовѣли, онъ отошелъ и, не будучи дуракомъ, ухватился за единственную возможность не оказаться въ смѣшномъ положеніи.

— Отвѣтственный президентъ долженъ всегда лично провѣрить предлагаемыя ему нововведенія, — сказалъ онъ своимъ звучнымъ ораторскимъ голосомъ,—и разъ ему представляется столь удобный случай, то было бы глупо не воспользоваться имъ.

— Вы вели себя, сэръ, какъ настоящій герой!—воскликнулъ тронутый до слезъ адмиралъ.—А теперь прошу откушать; завтракъ готовъ, а къ тому времени, какъ мы закусимъ, и до гавани будетъ уже недалеко.

Президентъ не заставилъ себя долго просить и, усѣвшись за столъ, основательно подкрѣпилъ свои подорванныя ночной катастрофой силы. Онъ все еще сидѣлъ за столомъ, когда подошли къ гавани; было уже около восьми часовъ утра, и президентъ, на этотъ разъ окончательно развеселившійся, крѣпко пожалъ руку адмиралу.

Къ веселому настроенію примѣшивалась и нѣкоторая гордость. Еще бы, продѣлать такую штуку, пережить такую ночь для того, чтобы изъ непосвященнаго превратиться въ эксперта!

Разставаясь съ адмираломъ, онъ любезно произнесъ:

—Я полагаю, что всякій изъ новоизбранныхъ членовъ-рыбаковъ долженъ внести свой членскій взносъ. Къ тому же буря причинила немало вреда, и людямъ пришлось много работать. Сознавая себя невольной причиной проявленнаго ими усердія въ спасеніи парохода, я попрошу васъ принять отъ меня на память этотъ чекъ, который, я надѣюсь, съ излишкомъ покроетъ всѣ расходы.

— Останется еще, чтобы выпить за здоровье президента!—воскликнулъ адмиралъ.—Но, сэръ, какъ же насчетъ огней?..

— Джентльмэнъ,—отвѣтилъ президентъ, и на лицо его легла печать таинственности,— по этому вопросу я готовлю обстоятельный публичный докладъ. До свиданья.

И президентъ дѣйствительно подалъ докладъ по этому вопросу. На запросъ парламента о принятіи закона измѣненія сигнальныхъ огней въ рыболовной флотилии Сѣвернаго моря президентъ (такъ было напечатано въ газетахъ) сказалъ:

— Относительно запроса моего уважаемаго и почтеннаго коллеги я имѣю честь доложить парламенту, что для подробнаго изслѣдованія этого вопроса я провелъ ночь въ морѣ на рыболовномъ суднѣ (слушайте, слушайте), чтобы видѣть, такъ сказать, своими глазами и слышать собственными ушами (одобреніе), и я успѣлъ въ этомъ. Послѣ бурной ночи, проведенной мною на суднѣ, которая, къ слову сказать, доставила мнѣ случай убѣдиться, какъ опасно будетъ всякое измѣненіе сигнализаціи, такъ какъ изъ-за этого наше судно едва не погибло, вслѣдствіе столкновенія, я пришелъ къ убѣжденію, что измѣнять сигнализацію нельзя и что самымъ лучшимъ разрѣшеніемъ этого вопроса будетъ, если мы оставимъ безъ измѣненія прежнюю систему сигнализаціи (одобреніе).

XI.

Уплывшая брандвахта.

— Всѣ мы не что иное, какъ рабы обстоятельствъ, — глубокомысленно замѣтилъ шкиперъ «Банши».—Отецъ моей матери былъ контрабандистомъ, потому что судьбѣ угодно было сдѣлать его таковымъ, а не капиталистомъ или ректоромъ. Дѣдъ моего отца былъ пиратомъ, и не только не умеръ въ своей кровати, окруженный многочисленной семьей, но даже похороны его не стоили ни гроша, потому что никто не зналъ, гдѣ его пристукнули. Я самъ, съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, тяну лямку на Сѣверномъ морѣ и, навѣрное, если все пойдетъ попрежнему, то я черезъ много лѣтъ буду рыболовствовать такъ же, какъ и теперь. Но за послѣднее время мое скромное положеніе перестало удовлетворять меня, и я рѣшилъ послѣдовать примѣру того молодого человѣка, который все лѣзетъ вверхъ и все поетъ «Excelsior». Да, эта лекція въ училищѣ для механиковъ совершенно переродила меня! Я чувствую въ себѣ приливъ новыхъ силъ!

— Что же это была за лекція? — спросилъ Девисъ, помощникъ шкипера, съ которымъ разговаривалъ владѣлецъ «Банши».

— А это была лекція необыкновенная, поучительная во всѣхъ отношеніяхъ. Читалъ этотъ молодой Янкъ или «юный Соломонъ», какъ его называютъ. На билетахъ же стояло «Лекція Соломона, распространителя идей».

— Это вѣдь была безплатная лекція? — спросилъ помощникъ шкипера.—Я слыхалъ, старый Иссакъ что-то про это говорилъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ шкиперъ,—первые ряды стоили по шести пенсовъ, задніе—по два; но про эту лекцію много говорили, и это такъ возбудило во мнѣ дѣятельность, что я воспользовался разсѣянностью человѣка, продававшаго билеты, вошелъ въ залъ и такимъ образомъ даромъ усовершенствовался, слушая умную лекцію. Да, лекція во всѣхъ отношеніяхъ принесла мнѣ пользу. Развѣ это была не новая идея войти и слушать, не истративъ ни одного пенни? А еще недѣлю тому назадъ мнѣ бы не пришло въ голову ничего подобнаго, и я бы уплатилъ два пенса за входъ, какъ и всѣ остальные. Вотъ какимъ усовершенствованіемъ я обязанъ лекціи.

— Ну, если вы ограничитесь такимъ поступкомъ, то я не нахожу, чтобы усовершенствованіе пошло вамъ на пользу,—возразилъ помощникъ.

— Вотъ то-то-и-дѣло, что я совсѣмъ не ограничился этимъ,—продолжалъ шкиперъ.—Слушай же, глупый Джо! Я теперь развиваю усиленную дѣятельность и въ скоромъ времени думаю васъ всѣхъ поразить!

— Смотрите только, какъ бы такое развитіе не довело васъ до исправительнаго отдѣленія,—сказалъ помощникъ,—по тому, что я слыхалъ про «юнаго Соломона», я думаю, онъ за распространеніе своихъ идей навѣрное скоро угодитъ въ тюрьму.

— Типунъ тебѣ на языкъ,—выругался старый шкиперъ,—каркаетъ, точно воронъ. Сѣмена, посѣянныя этой лекціей, я вижу по васъ, попали не на благодарную почву. Вотъ у меня такъ это другое дѣло. Растетъ,

какъ на тропикахъ, созрѣваетъ прежде, чѣмъ сообразишь, что это такое! Въ настоящую минуту мысли мои распространились настолько, что я въ одинъ мигъ набью себѣ карманы, да и вамъ перепадетъ столько, что вы получите возможность жениться на той самой прелестной миссъ, о которой вы все время мечтаете.

— Какъ такъ?—воскликнулъ помощникъ.

— А такъ! Я займусь изслѣдованіемъ!

Заняться изслѣдованіемъ въ Сѣверномъ морѣ это значитъ бороздить его на суднѣ по всѣмъ направленіямъ, отыскивая погибающихъ, нуждающихся въ помощи или заброшенное, оставленное въ морѣ случайно добро.

— Мало ли такихъ охотниковъ раньше васъ находилось,—разочарованно произнесъ помощникъ шкипера,—всѣ они вернулись съ пустыми руками, только даромъ послѣднія деньги извели.

— Да, но я примусь за это дѣло иначе, — воскликнулъ шкиперъ,— я примусь отыскивать то, что въ сущности не было потеряно!—Эта таинственная угроза сопровождалась такимъ таинственнымъ выраженіемъ на лицѣ и такимъ здоровымъ толчкомъ въ грудь, что помощникъ невольно умолкъ.

Однако, минуту спустя онъ опять подозрительно взглянулъ на хозяина, затѣмъ отвернулся и печально вздохнулъ. Хорошенькая Женни Дженкинсъ была попрежнему далека.

— Вниманіе,—сказалъ шкиперъ,—слушайте меня внимательно, то, что я собираюсь отыскать, и то, что не потерялось, это—брандвахта! Понимаете теперь?

— Понимаю, что это сущій вздоръ,—отвѣтилъ помощникъ.—Какимъ образомъ вы можете отыскать то, что никогда не терялось, особенно брандвахту, такое судно, которое всегда со всѣхъ сторонъ видно?

— Не всегда, а почти всегда,—поправилъ шкиперъ.—Вы меня не понимаете потому, что думаете о брандвахтѣ на якоряхъ. А у меня другое въ головѣ. Моя брандвахта стоитъ въ Виндинландѣ и дожидается буксира. Она предназначается на Темзу у Тринити-Гоузъ.

— Видѣлъ ее на прошлой недѣлѣ,—сказалъ помощникъ шкипера,— по моему, похожа на громаднаго краба. Джэкъ Перкинсъ на «Чэмпіонѣ» долженъ взять ее на буксиръ, только онъ столько времени возился, что дождался какъ разъ непогоды. Я думаю, если бы не вчерашній вѣтеръ, она теперь прошла бы мимо Скарборо.

— Она пройдетъ мимо Скарборо, а затѣмъ стопъ! Если только вы беретесь содѣйствовать моему плану, — сказалъ шкиперъ, —конечно, если вы на самомъ дѣлѣ любите Женни Дженкинсъ! Ради нея вѣдь можно рискнуть!

— Люблю, конечно, люблю,—пробормоталъ помощникъ шкипера.

— Хотѣлось бы вамъ видѣть Женни Дженкинсъ въ хорошенькомъ коттэджѣ? Она завариваетъ вамъ чай или печетъ пудингъ, а? Хотѣлось бы?

— Пожалуйста, не раздражайте меня такими насмѣшками,—отвѣтилъ помощникъ.—Это нехорошо.

— Вотъ оно что значитъ распространеніе мыслей,—продолжалъ не смущаясь старый шкиперъ.—Я рисую вамъ картину семейнаго счастья, я стараюсь вывести васъ изъ обыденнаго, направляю вашъ умъ на пред-

меты высшаго порядка. Итакъ, эту брандвахту на буксирѣ ведутъ изъ Виндиланда на Темзу. Эга пловучая брандвахта для Тринити-Гоузъ на Темзѣ должна быть приведена къ этому мѣсту, откуда она можетъ уплыть на всѣ четыре стороны.

Тутъ шкиперъ отступилъ на шагъ отъ своего помощника для того, чтобы лучше разглядѣть, какое впечатлѣніе произвели его слова.

— Продолжайте,—сказалъ его помощникъ.

— Да, эту уплывшую брандвахту надо будетъ отыскать. Это сдѣлаетъ никто другой, какъ шкиперъ «Банши». Понимаете? Я отыщу ее и приведу въ Скарборо и тамъ получу за это законное вознагражденіе. Вотъ и все.

— А кто же пуститъ ее на всѣ четыре стороны?—спросилъ помощникъ.

— Вы,—отвѣтилъ старый шкиперъ.

— Такъ вотъ вы какимъ образомъ собираетесь меня наградить маленькимъ коттэджемъ? Знаете, какъ это называется, или вы хотите, чтобы я это вамъ сказалъ?

Нахмуренныя брови помощника и тонъ, какимъ были сказаны эти слова, не предвѣщали ничего хорошаго.

— Нѣтъ, не надо,—поспѣшилъ отвѣтить шкиперъ,—я вѣдь еще не кончилъ. Это не такъ трудно, какъ вамъ кажется. Надо сѣсть отсюда на почтовый и прибыть съ нимъ въ Виндиландъ; ну, а затѣмъ надо пристроиться къ «Чэмпіону», чтобы прокатиться на Темзу. Развѣ трудно что-нибудь придумать? Скажите, что ѣдете хоронить дядю или тетку или еще что-нибудь. Вѣдь вы же знакомы со старымъ Джэкомъ, онъ съ радостью возьметъ васъ съ собой...

— Все это нетрудно сдѣлать, — задумчиво произнесъ помощникъ шкипера: образъ хорошенькой Женни, видимо, смущалъ его,—но какимъ же образомъ я отвяжу канатъ и выпущу брандвахту?

—Ш-ш... не кричите такъ,—остановилъ его шкиперъ,—пойдемте внизъ, и я вамъ все подробно изложу. Помните, что вы теперь можете доказать, дѣйствительно ли вы любите Женни и хотите видѣть ее своей женой.

Сь этими словами они направились внизъ, гдѣ заперлись въ каютѣ.

Когда старый шкиперъ объяснилъ свой планъ, то помощникъ наотрѣзъ отказался исполнить его

— Если Джэкъ меня поймаетъ, то онъ, конечно, порядкомъ меня поколотитъ и сброситъ меня съ палубы; если же онъ не сдѣлаетъ послѣдняго, то меня отправятъ въ тюрьму, что будетъ во сто разъ хуже.

— Старый Джэкъ никогда не поймаетъ васъ,—сказалъ шкиперъ,—у него распространеніе идей не доходитъ до такихъ размѣровъ. Вообще онъ ничего не смыслитъ, точно старый крабъ. Да и никто васъ не можетъ поймать, если вы ловки и скоро справитесь. Вы лучше скажите прямо: хотите ли вы взяться за это дѣло или нѣтъ? Если нѣтъ, то я найду себѣ другого человѣка, хотя бы Смитса, тотъ не откажется разбогатѣть, онъ вѣдь тоже имѣетъ виды на Женни.

— Я... согласенъ, ужь если на то пошло,—воскликнулъ помощникъ,—ради Женни Дженкинсъ я готовъ на все!

— Правильно!—одобрилъ шкиперъ.—Я вижу теперь, что вы малый съ сердцемъ.

Когда помощникъ шкипера пріѣхалъ въ Виндиландъ, онъ убѣдился,

что судьба ему благопріятна. Приготовивъ трогательный разсказъ о внезапной смерти дядюшки, онъ взошелъ на »Чэмпіонъ», собираясь посвятить въ свое несчастіе шкипера судна, причемъ, конечно, само собой слѣдовало, что его присутствіе въ Лондонѣ необходимо. Но шкиперъ былъ плохо настроенъ и не сталъ слушать.

— Этотъ негодяй Билли часъ тому назадъ слетѣлъ съ мачты и сломалъ себѣ ногу,—сердито сказалъ онъ,—а мнѣ сегодня надо идти въ море. Этакое чудовище! Теперь долженъ лечь въ госпиталь на берегу, а я не знаю, что дѣлать.

Билли былъ помощникъ шкипера на «Чэмпіонѣ».

— Вотъ такъ штука!—возразилъ прибывшій Девисъ, въ душѣ обрадовавшійся нежданному случаю.—Если хотите,—добавилъ онъ вслухъ,—я могу стать пока на его мѣсто. Я свободенъ, и мнѣ какъ разъ надо въ Лондонъ. А вы, вѣрно, поведете на буксирѣ брандвахту?

И онъ указалъ на красное судно рядомъ.

— Да,—сказалъ Джэкъ,—только какъ же быть? Вѣдь вы понимаете, я долженъ буду платить Билли жалованье, нельзя его, больного, лишить...

— Про это не безпокойтесь,—прервалъ его снова Девисъ,—жалованья мнѣ не надо, для меня вѣдь тоже случай проѣхаться даромъ въ Лондонъ, къ тому же я деньгами не стѣсненъ, я какъ разъ получилъ наслѣдство и собираюсь жениться на Женни Дженкинсъ, а теперь ѣду къ больному дядѣ... Такъ что, если вы хотите, то я буду очень радъ услужить вамъ...

— Это очень любезно съ вашей стороны,—сказалъ Джэкъ.—Въ такомъ случаѣ, мы можемъ тронуться въ путь сегодня же съ отливомъ. Все готово, на брандвахтѣ команда, наконецъ, собрана, и съ такимъ трудомъ, что если я ихъ высажу опять на берегъ, они опять всѣ разбѣгутся. Вотъ это-то и затрудняло меня, тѣмъ болѣе, что найти въ Винди ландѣ помощника шкипера это такъ же невозможно, какъ найти на улицѣ пригоршню золотыхъ.

Часъ спустя «Чэмпіонъ», красиво разсѣкая волны, вышелъ въ открытое море, потянувъ за собой тяжелую брандвахту. Новый помощникъ стоялъ у руля вмѣстѣ со шкиперомъ, который съ гордостью поглядывалъ на свое большое двухтрубное судно. Скверная погода, буря были ему нипочемъ, конечно, не тогда, когда на буксирѣ вели тяжелую, громоздкую брандвахту. Это сейчасъ же сказалось въ открытомъ морѣ, когда она стала то насѣдать, то оттягивать буксиръ.

— Не люблю я такой погодки,—пробурчалъ старый Джэкъ.—Если бы это было непохоже на трусость, я бы вернулся сегодня.

— Возвращаться назадъ не годится,—отвѣтилъ ему Девисъ,—это нехорошо; но вы можете добраться до Скарборо и тамъ укрыться на время.

— Я не безпокоюсь о «Чэмпіонѣ»,—замѣтилъ старый Джэкъ,—судно наше выдержитъ что угодно, а вотъ эта проклятая скорлупа за нами... Все равно какъ будто къ намъ привязали воздушный шаръ. Не то лопнетъ, не то насъ за собой потянетъ. Вамъ не показалось, что она вотъ-вотъ сейчасъ треснетъ, и мы всѣ съ нею?

— Да, какъ будто бы я тоже это почувствовалъ,—пробормоталъ помощникъ шкипера, смятеніе котораго, впрочемъ, вытекало изъ другихъ неизвѣстныхъ старому Джэку причинъ.

— Ну, да вы не очень-то того...—успокоилъ онъ своего новаго помощника,—самое худшее, что можетъ случиться, это то, что она оторвется, но это вѣдь не такъ ужасно. Идите-ка теперь внизъ пообѣдать.

— Я не голоденъ, я поѣлъ на берегу,—рѣшительно отказался помощникъ.—Идите вы, а я здѣсь останусь.

Шкиперъ съ притворнымъ сожалѣніемъ оставилъ Девиса на мостикѣ и спустился внизъ въ каюту, куда была внесена не одна дюжина пива. Шкиперъ усердно принялся за него, въ чемъ ему дѣятельно помогалъ машинистъ.

— Бѣдный Билли, какъ-то онъ теперь!—вздыхалъ шкиперъ.

— Ужасно! Сломалъ ногу!—также вздыхалъ механикъ, опорожнивая свой стаканъ.

Прошелъ часъ, а шкиперъ продолжалъ вздыхать и пить пиво съ машинистомъ.

— Пойти наверхъ,—проговорилъ онъ съ трудомъ,—посмотрѣть, что тамъ дѣлается... а?

— Девисъ малый толковый,—сказалъ машинистъ.

— Я съ этимъ согласенъ,—вздохнулъ шкиперъ и прибавилъ, хитро щурясь:—Если къ вамъ на руки неожиданно свалится добро, то почему же не взять его?

— Конечно,—отвѣтилъ машинистъ.—Свѣтъ ужь такъ устроенъ, что усердная лошадь работаетъ вдвое больше противъ остальныхъ.

— Этотъ юноша изъ Скарборо такъ усерденъ и такъ любитъ работать безъ всякой за то платы, что съ нашей стороны было бы невѣжливо не удовлетворить его. Поэтому я думаю прилечь на минутку. Когда вы будете на палубѣ, то скажите ему, что я скоро приду.

Машинистъ поднялся и отправился дремать у котла, а шкиперъ растянувшись на скамьѣ, вскорѣ сладко захрапѣлъ.

А новый помощникъ попрежнему стоялъ на мостикѣ. Онъ не чувствовалъ ни голода, ни жажды и зорко всматривался въ начинавшую темнѣть даль. Съ южной стороны едва виднѣлся Кастэль-Хиль, высовываясь зубчатой вершиной сквозь окутавшую берегъ полосу тумана.

Налѣво, вдали, показалось судно, въ которомъ Девисъ узналъ «Банши». Оно придерживалось того же направленія, какъ и буксиръ. Сердце забилось у молодого помощника, и онъ оглянулся на громадную красную брандвахту, тяжело колыхавшуюся вслѣдъ за буксиромъ.

— Пусть только стемнѣетъ,—прошепталъ онъ,—тогда видно будетъ.

«Чэмпіонъ» взялъ курсъ на югъ. «Банши» повернула на сѣверъ, но затѣмъ быстро повернула и, потушивъ огни, пошла вслѣдъ за брандвахтой.

Прошелъ еще часъ. Наступило время дѣйствовать. Девисъ теперь ужь такъ настроилъ себя, что не нуждался въ понуканіи. Онъ не чувствовалъ страха и, перегнувшись черезъ мостикъ, крикнулъ:

— Что же это, шкиперъ никогда не выходитъ на палубу?

Курившій на лѣсенкѣ матросъ поднялся.

— Я пойду и разбужу его,—отвѣтилъ онъ.

Прошло еще добрыхъ полчаса до появленія заспаннаго, протиравшаго себѣ глаза шкипера.

— Чортъ возьми,—воскликнулъ онъ,—да мы никакъ ужь миновали Скарборо. Тишь-то какая!

И, потягиваясь, онъ взобрался на мостикъ.

— Идите внизъ, выпейте чайку, — обратился онъ къ Девису.—Вы найдете чайникъ на столѣ; и не спѣшите, располагайтесь и пейте, вы, я думаю, порядкомъ-таки устали. Да заодно ужь и пивца хлебните, погрѣйтесь...

Девисъ сошелъ съ мостика и обошелъ палубу. Было темно и холодно, и на палубѣ не было ни души. Въ одну минуту онъ очутился у каната, привязывавшаго брандвахту...

Руки его дрожали, онъ колебался. Но передъ нимъ мелькнуло плутовское личико Женни, уютный коттэджъ, обезпеченность, и онъ быстро, не оглядываясь, умѣлой рукой взялся за канатъ.

«Никто вѣдь ничего не теряетъ, — утѣшалъ онъ себя. — Старый Джэкъ получитъ слѣдуемую ему сумму, никто не рискуетъ потонуть, все обойдется благополучно, и я заживу, какъ ни въ чемъ ни бывало».

Онъ опять оглянулся. Кругомъ все было тихо, брандвахта, окутанная туманомъ, была невидима. На «Чэмпіонѣ» никто не смотрѣлъ. Девисъ, вынувъ изъ кармана ножъ, принялся рѣзать первый канатъ; перерѣзавъ его почти до основанія, онъ отвязалъ другой. «Тяжесть брандвахты оборветъ остальныя веревки», подумалъ онъ и медленно, съ самымъ спокойнымъ видомъ отправился въ каюту. Къ чаю онъ не прикоснулся и только выпилъ стаканъ пива, чтобы подкрѣпить свои натянутые нервы. Онъ чутко прислушивался къ толчку, который долженъ былъ произойти, когда брандвахта окончательно оторвется, и всетаки внезапный сильный толчокъ заставилъ его вздрогнуть. Буксиръ тяжело покачнулся въ сторону; брандвахта зарылась въ воду, но въ ту же минуту громадная волна подхватила и подняла ее, относя въ сторону отъ буксира. Съ брандвахты раздался крикъ команды; ему отвѣтили крики съ «Чэмпіона»...

Въ одну секунду на буксирѣ все оживилось, засуетилось и забѣгало.

Сперва въ темнотѣ никто ничего не могъ разобрать.

— Брандвахта, ого-го!—кричали съ «Чэмпіона».

Откуда-то издали раздался слабый, очевидно, плохо доносившійся крикъ. Девисъ быстро вскочилъ и, растянувшись на полу, притворился крѣпко спящимъ.

Надъ его головой топотали тяжелые сапоги людей команды, онъ слышалъ ихъ крики, но все лежалъ, пока чья-то грубая рука не схватила его за плечо.

— Вставайте, вставайте, — кричалъ чей-то тоже очень грубый голосъ.—Проснитесь!

Девисъ сѣлъ и уставился недоумѣвающимъ взглядомъ на будившаго его.

— Что случилось?—произнесъ онъ, зѣвая во весь ротъ.

— Что? Брандвахта оторвалась, вотъ что.

— Столкновеніе!— крикнулъ во весь голосъ Девисъ и, вскочивъ, въ ужасѣ бросился наверхъ.

— Да нѣтъ же, — оралъ разбудившій его человѣкъ,— канатъ лопнулъ, брандвахта уплыла!

— Такъ поймать ее!—энергично распорядился Девисъ.

— Вотъ поэтому-то я и разбудилъ васъ. Идите помогайте, мы съ ногъ сбились. Туманъ, ничего не видать!

Они вмѣстѣ устремились на палубу и изо всѣхъ силъ принялись кричать.

— Брандвахта, ого-го-го!

Къ нимъ присоединилось еще нѣсколько человѣкъ, и, когда, вдоволь накричавшись, они смолки, раздался сердитый голосъ шкипера.

— Да не кричите же сами, черти, а слушайте откуда доносятся крики!

Приказавъ остановить машины, шкиперъ «Чэмпіона» и вся команда превратились въ слухъ. Однако, ничто не нарушало тишины, и криковъ о помощи совсѣмъ не было слышно.

— Вотъ оно что значитъ покупать канаты въ Виндиландѣ,—говорили матросы,—въ лавкахъ, гдѣ завѣдомо продаютъ гниль. Канатъ лопнулъ, точно дрянная бечевка!

— Подите-ка сюда, — позвалъ Девиса старый Джэкъ, — мы находимся сейчасъ вблизи Скарборо, и вы, должно быть, изучили приливы и теченія, какъ свои пять пальцевъ. Помогите мнѣ теперь, что дѣлать?

Помощникъ шкипера не заставилъ себя просить; онъ въ два шага очутился у рулевого колеса.

— Предоставьте это дѣло мнѣ, — сказалъ онъ, — мною руководитъ не одно знаніе, но предчувствіе. Я чувствую, гдѣ брандвахта, но передать это словами не могу. Я держу курсъ на СВ; я знаю, что я не ошибаюсь, но не надо спѣшить; достаточно шести узловъ въ часъ. Брандвахта и пяти не можетъ сдѣлать; слѣдовательно, она изъ нашихъ рукъ не уйдетъ. Мы наткнемся прямо на нее, если...

— Если, да, если,—пробормоталъ старый шкиперъ,—это очень гадательно. Но что же будешь дѣлать! Если бы не туманъ, мы бы, конечно, отыскали ее въ одну минуту.

Въ то время «Банши» тихимъ ходомъ слѣдовалъ за брандвахтой; очутившись за вѣтромъ, до него ясно доносились крики перепуганной команды на брандвахтѣ, и потому направить «Банши» на нее не представляло шкиперу никакой трудности. Онъ только посмѣивался, прислушиваясь къ отчаяннымъ крикамъ на «Чэмпіонѣ», которые постепенно все удалялись.

Съ полчаса времени «Банши», не зажигая огней, слѣдовалъ за брандвахтой; наконецъ, шкиперъ рѣшилъ, что прошло достаточно времени, и, приказавъ дать полный ходъ, подошелъ къ брандвахтѣ, на которой растерянная команда совѣщалась въ смущеніи; положеніе ихъ было незавидное; развести пары не представлялось возможности, а «Чэмпіонъ» совершенно пропалъ изъ вида.

Внезапно яркій лучъ прорѣзалъ туманъ и освѣтилъ красное безпомощное судно.

— Задній ходъ,—скомандовалъ шкиперъ «Банши» радостнымъ голосомъ и повернулъ колесо руля.

«Банши» плавно качнулась назадъ, предупреждая столкновеніе, а шкиперъ крикнулъ:

— Брандвахта, ого-го! Нуждаетесь въ помощи?

— Кто вы?—раздалось съ брандвахты.—Спасите насъ!

— Не все ли равно, кто, лишь бы протянули насъ до мѣста, —подхватилъ другой голосъ съ брандвахты.—Возьмите насъ на буксиръ, канатъ оборвался, и мы носимся по морю.

— Сколько мнѣ за это положите?—крикнулъ шкиперъ съ «Банши».

— Объ этомъ договоритесь съ начальствомъ,—авторитетно заявилъ старшій изъ команды.

— Буксиръ, буксиръ!—подхватила остальная команда.—Нечего торговаться, пусть везетъ насъ въ Скарборо, вотъ и все.

Въ одинъ мигъ съ брандвахты былъ брошенъ канатъ, который былъ пойманъ командой «Банши» и крѣпко-на-крѣпко привязанъ къ пароходу. Шкиперъ «Банши» самъ помогалъ закрѣпить и вообще проявлялъ необыкновенную дѣятельность. «Чэмпіона» не было слышно, да и неудивительно: судно медленно, но постепенно удалялось, направляемое ловкой рукой Девиса. Вскорѣ, однако, онъ убѣдился, что предчувствіе обмануло его, и пришелъ въ большое волненіе при мысли о потерянномъ имъ времени. Сердце его обливалось кровью, такъ какъ онъ могъ не застать больного дяди...

— Я долженъ сойти на берегъ во что бы то ни стало,—говорилъ онъ,—иначе я рискую опоздать.

— Чортъ бы побралъ вашего дядю со всѣми его племянниками вмѣстѣ!—воскликнулъ старый шкиперъ въ отчаяніи.—Брандвахту унесло, а онъ горюетъ о какомъ-то дядѣ.

* * *

Когда «Банши» съ добычей благополучно вошла въ гавань, судостроителю была послана телеграмма. Онъ пріѣхалъ съ первымъ поѣздомъ въ самомъ мрачномъ настроеніи духа, такъ какъ онъ самъ страховалъ свои собственныя суда и опасался, что ему придется уплатить кругленькую сумму спасшему брандвахту. Будучи, впрочемъ, ловкимъ купцомъ, онъ сейчасъ же, не откладывая въ долгій ящикъ, приступилъ къ переговорамъ.

Осмотрѣвъ брандвахту и убѣдившись, что все на ней въ цѣлости, онъ отправился къ шкиперу «Банши».

— Слушайте,—сказалъ онъ ему,—намъ съ вами надо кончать дѣло, и я полагаю для насъ будетъ лучше обойтись безъ вмѣшательства закона?

— Совершенно съ вами согласенъ, сэръ,—отвѣтилъ шкиперъ.

— Вы наткнулись на брандвахту и привели ее на буксирѣ въ гавань.

— Совершенно вѣрно,—подтвердилъ шкиперъ «Банши».

— Сколько?

— Рѣшайте сами.

— Я полагаю, вы удовлетворитесь пятидесятью фунтами. Это вѣдь не малая сумма!

Шкиперъ взглянулъ на него съ такимъ негодованіемъ, что купецъ, котораго не очень-то легко было сбить съ толку, отступилъ.

— Такъ вы полагаете, что судъ присудилъ бы мнѣ только пятьдесятъ фунтовъ за тотъ рискъ, которому я подвергалъ свое судно, за сожженный уголь, за наши труды?

— Ладно,—перебилъ его судостроитель, который и самъ хорошо зналъ, въ какой суммѣ выразилось бы заключеніе его чести коронаго судьи,—ладно, пусть будетъ семьдесятъ пять фунтовъ, и, кромѣ того, вамъ поручатъ довести брандвахту до Лондона.

— Такъ вы хотите, чтобы я обокралъ шкипера «Чэмпіона»? съ достоинствомъ сказалъ шкиперъ «Банши».—Нѣтъ, сэръ, это не въ моихъ привычкахъ; нѣтъ, нѣтъ, онъ взялся за буксиръ, пусть же и доведетъ судно до Темзы, вѣдь иначе онъ не получитъ ни одного пенни отъ

васъ. Я бѣдный человѣкъ, сэръ, но въ вопросахъ чести непоколебимъ, у меня есть совѣсть.

Девисъ молча присутствовалъ при этомъ разговорѣ. Послѣднее замѣчаніе шкипера вызвало у него легкую улыбку.

Судостроитель пробормоталъ что-то не особенное лестное про совѣсть и задумался.

— Ну, вотъ вамъ мое послѣднее слово,—сказалъ онъ наконецъ.— Берите сто фунтовъ и баста. Вѣдь вы сообразите, что мнѣ придется ихъ вынуть изъ своего собственнаго кармана, не у богатой страховой компаніи. Сто фунтовъ! Да я бы хотѣлъ заработать такую сумму въ нѣсколько часовъ.

— Вы забываете про спасенныя для васъ же тысячи,—возразилъ шкиперъ.—Подумайте, кто былъ бы въ убыткѣ, если бы брандвахту унесло къ Доггеръ-Банкѣ, да она бы тамъ засѣла въ мель.

— Берете или нѣтъ?—мрачно произнесъ судостроитель, не возражая на замѣчаніе шкипера и вынимая изъ кармана нѣсколько банковыхъ билетовъ.

Несмотря на мрачный тонъ, въ душѣ онъ радовался, потому что видѣлъ, какое впечатлѣніе произвела на шкипера круглая цифра въ сто фунтовъ, сумма, которую онъ считалъ для себя сравнительно легкой. Шкиперъ также былъ доволенъ, но все еще сдерживался.

— Набавьте еще десять фунтовъ,—произнесъ онъ,—вотъ мой помощникъ на-дняхъ вѣнчается, такъ лишній десятокъ придется ему кстати.

— Пусть будетъ по вашему,—согласился купецъ,—берите деньги и идемте разопьемъ вмѣстѣ бутылку шампанскаго.

Они отправились вмѣстѣ въ ближайшій трактиръ, но шкиперъ, не довѣряя шампанскому, которое, какъ извѣстно, плохо содѣйствуетъ сохраненію тайны, попросилъ замѣнить шампанское пивомъ, а разницу въ цѣнѣ вернуть ему въ видѣ сотни хорошихъ сигаръ.

Когда пиво было выпито и шкиперъ всталъ, судостроитель крѣпко пожалъ его руку. Онъ былъ доволенъ, что счастливо отдѣлался.

— Я вижу,—сказалъ онъ,—что вы дѣйствительно честный, хорошій, прямой человѣкъ.

— Вы слишкомъ добры, сэръ,—возразилъ шкиперъ,—право, дѣло не въ моихъ заслугахъ, просто всѣ мы, какъ я говорилъ, на-дняхъ своему помощнику, всѣ мы рабы обстоятельствъ.

КОНЕЦЪ.